

SCHOOL OF WORLD POLITICS – LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY

Sergei L. Pechurov

THE ANGLO-SAXON MODEL OF
MILITARY REFORM

PAST AND PRESENT

MOSCOW UNIVERSITY PRESS

2015

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФАКУЛЬТЕТ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

С.Л. Печуров

АНГЛО-САКСОНСКАЯ МОДЕЛЬ
ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Издательство Московского университета

2015

УДК 94(419)
ББК 63.3 (4Вел)(7Сое)
ПЗ1

**Серия «ПОЛИТИКО-ВОЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»**

Редакционный совет серии:

академик РАН *А.А. Кокошин* (председатель); д-р полит. наук *С.А. Бабуркин*; генерал армии в запасе *Ю.Н. Балуевский*; *В.А. Веселов*; генерал-лейтенант в запасе канд. воен. наук *В.П. Володин*; генерал-полковник в отставке канд. воен. наук *В.И. Есин*; д-р филос. наук *Н.Н. Ефимов*; генерал-майор в запасе д-р ист. наук *В.А. Золотарев*; *А.В. Лисс*; полковник в запасе канд. воен. наук *С.В. Мезенцев*; канд. ист. наук. *С.К. Ознобищев*; генерал-полковник в отставке *В.Я. Потапов*; д-р полит. наук *А.Г. Савельев*; *П.П. Скорospelов*

Рецензенты:

д-р полит. наук *А.Г. Савельев*; д-р ист. наук *П.П. Тимохин*

Печуров С.Л.

ПЗ1 **Англо-саксонская модель военной реформы: история и современность.** — М.: Издательство Московского университета, 2015. — 192 с.

ISBN 978-5-19-011052-4

Настоящее издание является продолжением в серии монографий автора, посвященных исследованию зарождения, становления и упрочения англо-саксонской модели общественного устройства в целом и вооруженных сил в частности. В нем рассмотрены вопросы, касающиеся преобладающих в англо-саксонской военной науке и практике взглядов на осуществление военных реформ, как в ретроспективе, так и в настоящее время. Впервые в отечественной военной и исторической науке прослеживается связь между проводимыми в англо-саксонских государствах, главным образом в США, преобразованиями государственной военной машины и революцией в военном деле. На многих примерах показан тернистый путь осуществления реформ вооруженных сил и очерчены ориентиры и направления преобразований в военной сфере в данных государствах и мире в целом на перспективу.

Книга предназначена для студентов и слушателей военных и гражданских высших учебных заведений, изучающих проблемы мировой политики и международного права, экспертов в области международной и военной безопасности, а также для всех интересующихся проблемами военного строительства.

УДК 94(419)

ББК 63.3 (4Вел)(7Сое)

© Печуров С.Л., 2015

© Факультет мировой политики, 2015

© Издательство Московского университета, 2015

ISBN 978-5-19-011052-4

Содержание

Введение	7
I. Революция и реформа	8
II. Борьба со злоупотреблениями.....	22
III. «Движение реформаторов».....	46
IV. «Реконструкция» в застой.....	63
V. Сто лет тому назад.....	75
VI. «Золотой век» амфибийных операций	80
VII. Методом проб и ошибок.....	96
VIII. Приоритет «объединенности!»	108
IX. Рождение видовой концепции.....	123
X. Пиррова победа?	135
XI. После «холодной войны».....	146
XII. «Национальное достояние Америки»	161
XIII. Ориентиры реформы.....	170
Вместо заключения	181
Список сокращений.....	184
Список литературы.....	185
Summary and Contents	191

*Посвящается маме
Валентине Григорьевне —
ветерану Великой Отечественной войны
и дипломатической службы —
и сестре Татьяне*

Введение

Западная военно-научная школа не разделяет термины «военная реформа» и «реформа вооруженных сил», подразумевая под ними тождественные понятия, относящиеся к «преобразованиям военной организации государства, направленные на ее приведение в соответствие с политическими, экономическими, социальными, военно-техническими и другими изменениями в обществе» [2, с. 41]. В принципиальном плане западная трактовка «военной реформы» идентична принятому в отечественной военной науке термину, обозначающему «совокупность существенных преобразований военной организации государства, направленных на ее приведение в соответствие с изменившимися условиями» [1, с. 470]. Во всяком случае, речь идет прежде всего о мероприятиях, напрямую касающихся вопросов разработки военной стратегии, оперативных и тактических концепций, комплектования, боевой подготовки, всестороннего обеспечения воинских формирований, разработки и поставок в войска вооружения и военной техники.

Изложенный в данной книге анализ теоретических, исторических и оперативно-тактических разработок западных и, в частности, американских и британских авторов охватывает ключевые аспекты реорганизации «военной машины» конкретных государств (главным образом США, но также и Великобритании). При этом акцентируется внимание на нюансах деятельности, в том числе в ретроспективе, военно-политического руководства англосаксонских государств по упорядочению реорганизационных мероприятий и доведению их до логического конца — созданию эффективных, соответствующих велению времени национальных вооруженных сил. Вся совокупность социальной конкретно порожденной человеческим разумом реальности может служить моделью, выполняющей познавательную роль, выступая средством объяснения и предсказания тех событий в жизни общества как такового и, в частности, в его динамично развивающемся фрагменте — в вооруженных силах, что должно учитываться в ходе отечественного военного строительства.

На страницах специализированных изданий, как в США, так и в Европе уже относительно длительный период времени идет оживленная дискуссия о том, какие же уроки из прошлых реформ вооруженных сил следует извлечь, чтобы не повторять якобы неизбежные при этом ошибки впредь. При этом подчеркивается естественная связь между проводимыми реформами, что является обязательным условием успеха преобразований, «революцией в военном деле».

Термин «революция в военном деле», как известно, это — не сегодняшнее и даже не вчерашнее изобретение пытливых умов, применяемое в том числе на Западе для обозначения воедино связанных процессов в технической (технологической), доктринальной и организационной областях, ведущих в конечном счете к кардинальным изменениям в формах и способах ведения войн и военных конфликтов. Зарубежные специалисты обращают внимание на тот факт, что периодически повторяющиеся эпохальные «революционные» изменения в истории войн происходили постоянно, по крайней мере, на протяжении последних четырех тысяч лет — от появления колесницы до ядерного оружия [6, р. 7].

С принятием на вооружение в передовых армиях мира оружия массового поражения научно-технический прогресс, естественно, не остановился. Первые признаки очередной революции в военном деле (далее — РВД), по мнению западных теоретиков, были вскрыты еще в середине 1980-х годов Маршалом Советского Союза Николаем Огарковым и его единомышленниками [1], которые впервые обратили внимание на значимость для войн будущего уже разработанных к тому времени продвинутых неядерных технологий, давших толчок к масштабным научным исследованиям в теории, производству и применению разнообразных видов вооружения и военной техники, которые сулили коренные изменения не только в характере противоборства на поле боя, но и в менталитете военных — от солдата до генерала. Эти идеи, получившие огласку, были быстро подхвачены на Западе, в том числе американскими теоретиками военного дела,

оперативно опубликованными уже в 1990-е годы целый ряд своих фундаментальных изысканий в данной сфере: С. Роузен — в 1991 г.; Э. Маршалл — в 1993 г.; Э. Крепиневиц — в 1994 г.; У. Мюррей и Б. Уоттс, а также К. Грэй — в 1995 г.; М. Либики, а также У. Мюррей и А. Миллет — в 1996 г.; Дж. Блэйкер — в 1997 г.; Р. Хандли — в 1999 г. и др. Они достаточно подробно описали и проанализировали отличительные черты нынешней РВД, объединяющей последние достижения в разработке систем боевого управления, связи, компьютерного обеспечения и разведки со средствами доставки принципиально новых высокоточных боеприпасов и с оперативными концепциями, включая так называемую информационную войну, автономные действия компактных сил специального назначения и «объединенные» (межвидовые) операции, молниеносно охватывающие территорию противника на всю ее глубину. Но этого, как полагают некоторые наиболее продвинутые исследователи, явно недостаточно для того, чтобы понять, как «работает» РВД и каким образом и, самое главное, как своевременно извлечь из нее пользу, чтобы планируемая или уже осуществляемая реформа ВС «не захлебнулась». Для этого, продолжают мысль данные исследователи, есть резон обратиться к предыдущим РВД и сделать некоторые обобщения.

Итак, не подлежит обсуждению тот факт, что сторона, умело и своевременно воспользовавшаяся плодами РВД, немедленно приобретает преимущества на поле боя. Так, Уинстон Черчилль в одном из своих трудов, написанном на закате лет, приводит пример того, как англичане, применившие гигантские, а следовательно, мощные и дальнобойные луки в битве с французами при Креси в 1346 г., достигли эффекта внезапности и тем самым обеспечили себе победу над традиционным противником [4, р. 332–351]. Из наиболее ярких (по их мнению) западные аналитики ссылаются и на такие примеры, связанные, в частности, с применением пулеметов британцами против зулусов в битве при Аланди в Натале в 1879 г. или с концепцией «блицкрига», примененной германцами против поляков в 1939, франко-британцев в 1940 и русских в 1941 гг.

Американские аналитики подметили тот факт, что РВД за редким исключением инициируется не доминирующим в данный период времени игроком в военной сфере. В качестве примера приводится пассивность британских и французских теоретиков наземных боевых действий в период между двумя мировыми войнами, прозевавших рывок их коллег из разгром-

ленной накануне Германии, разработавших упоминавшуюся, по истине, революционную концепцию «блицкрига». Точно так же военно-морские теоретики «Владычицы морей» — Великобритании в тот же период не додумались до концепции ведения так называемой авианосной войны, в чем преуспели формальные военные «аутсайдеры» того времени — американцы и японцы.

Что касается примера с пулеметами, то западные исследователи параллельно делают вывод о том, что зачастую плодами РВД с успехом для себя впервые пользуется не та сторона, где было осуществлено революционное изобретение. Известно, что «родиной» этого стрелкового оружия являются Соединенные Штаты, в которых благодаря изысканиям таких изобретателей, как Уильям Браунинг, Ричард Гатлинг, Исаак Люис и Хайрам Максим, пулемет и появился на свет. Американцы же поначалу недооценили свое национальное изобретение. Так, генерал Джордж Армстронг Кастер, имея в своем распоряжении четыре пулемета, «забыл» ими воспользоваться в сражении с индейцами при Литл-Бигхорн в 1876 г., в результате чего имел неоправданно высокие потери в живой силе и погиб сам [12]. Германцам же в сентябре 1914 г. именно благодаря шквальному огню пулеметов удалось остановить продвижение союзников и, по существу, положить начало так называемой окопной войне. Аналогично и британцы, впервые применившие танки во время битвы при Сомме 15 сентября 1916 г., так до конца и не уяснили, какие преимущества сулит в будущем это грозное оружие.

Опыт свидетельствует, что наибольшего эффекта следует ожидать от совокупности плодов РВД, а не от одного, пусть и существенного достижения. Успех германского «блицкрига» был обеспечен применением комбинации трех технических достижений — танка, радиообмена и пикирующего бомбардировщика [6, p. 14].

Процесс революционных преобразований, от какого-либо выдающегося изобретения до его воплощения в жизнь, как правило, занимает относительно продолжительный промежуток времени. Так, например, американские ВМС начали экспериментировать с летательными аппаратами морского базирования в 1910 г./, а масштабно применили авианосные соединения только в 1942 г. в битвах с японцами в Коралловом море, у атолла Мидуэй, Восточных Соломоновых островов и островов Санта-Крус. Германцы приступили к экспериментам с танками в начале 1920-х годов и лишь через 20 лет реализовали эти экс-

перименты в «блицкриг». Если вернуться к упоминавшимся далеким временам Средневековья, то англичане стали применять гигантские луки в ходе внутренних сражений почти за столетие до битвы с французами при Креси в 1346 г., когда факт успеха при их ошеломляющем массивном использовании стал достоянием европейской общественности того времени.

Технические плоды РВД совсем необязательно означают изобретение нового оружия. Американский исследователь из аналитической корпорации «РЭНД» Ричард Хандли ссылается на начавшееся в 30–50-е годы XIX в. широкое использование в Европе железных дорог для быстрой переброски значительного количества войск, что произвело известный переворот в стратегической мобильности [6, р.14]. Впервые это было продемонстрировано французами, оперативно перебросившими порядка 250 тыс. военнослужащих в Северную Италию в ходе войны с австрийцами в 1859 г. Чуть позже данный феномен был неоднократно повторен противоборствующими сторонами в ходе Гражданской войны в США (1861–1865) и в 1870 г. во время Франко-прусской войны.

Кстати, в соответствии с другим вскрытым фактом, правда, из мира бизнеса, но применимым и для военной сферы, не всегда, например, техническое революционное открытие делается в данной производственной области. Например, электрические пишущие машинки были изобретены не в индустрии машинописи, шариковые ручки — не в индустрии производства «вечного пера», как и персональные компьютеры — не в компьютерной промышленности [1, р. 43–53].

Воплощение плодов РВД не всегда однозначно воспринимается специалистами, пока их значимость не подтверждается на поле боя. Так, британские и французские генералы долгие годы продолжали выражать сомнения относительно ценности пулеметов на Европейском театре, пока высокая эффективность пулеметного огня не была доказана на практике германцами. Примечательно, что не только представители британского и французского генералитета, но и частично их коллеги в самой Германии не были уверены в эффективности и возможности «блицкрига», пока танки Гудериана не совершили прорыв обороны при Седане 13–14 мая, а затем уже к 20 мая 1940 г. не достигли Ла-Манша. Многие американские адмиралы до самой битвы у атолла Мидуэй в июне 1942 г. также продолжали сомневаться в ударных возможностях авианосной авиации.

Отсутствие оперативной концепции применения нового технического изобретения сводит на нет плоды инженеров-изобретателей. Опять же обратимся к пулемету. Несмотря на доказанную практичность этого оружия уже к началу последней трети XIX в., передовые в военном отношении державы Европы так и не придумали, как же его применять эффективно. В сражениях при Вайсембурге и Спичерне в ходе Франко-прусской войны в 1870 г. французы использовали закрепленные на лафетах орудий пулеметы вместе с артиллерией для огня не прямой наводкой. Но пруссаки огнем своей артиллерии накрывали позиции французов еще до того, как те могли воспользоваться, как они считали, «хитроумным изобретением» [13]. До самой Русско-японской войны 1904–1905 гг., в ходе которой обеими сторонами, наконец, по достоинству были оценены преимущества пулеметов как оружия для массового уничтожения пехоты, европейцы не могли взять в толк, что же с ними делать. Германские же «наблюдатели» на этой войне взяли эту идею на вооружение и уже в ходе Первой мировой войны, как подчеркивалось выше, умело ею воспользовались.

История богата примерами и того, как «зародыш» правильного направления в формировании новой оперативной концепции не получает своего развития. Остановимся на одном примере из западной теории военного искусства. В Рождественские праздники 1914 г. британцы осуществили первый в истории рейд семи самолетов морской авиации на германскую базу Куксхаузен-Цеппелин вблизи Вильгельмсхаузен, которые были доставлены к месту старта на трех транспортах («Энгадайн», «Риверия» и «Эмпресс») и спущены на воду с помощью корабельных кранов. К концу войны британцы формально имели опыт применения морской авиации и обладали дюжиной носителей для осуществления подобного рода операций. Однако до самой Второй мировой войны они не смогли довести концепцию авианосной войны до эффективного воплощения. Доукомплектование (сборка) и подготовка самолетов на британских авианосцах осуществлялась на внутренних (нижних) палубах, что было крайне непрактично и занимало много времени, да к тому же количество самолетов на кораблях-носителях было ограничено — 24–30, тогда как у американцев и японцев — по 80–100. Поскольку у тех и у других было значительно больше самолетов, мощь их авианалетов существенно выше, а подготовка самолетов на верхней палубе, включая и заправку топли-

вом, обеспечивала возможность быстрого чередования воздушных атак.

Даже наличие или, по крайней мере, предпосылки наличия новой оперативной концепции не дает гарантии общего успеха в бою, если она «не вписывается», как говорят ангlosаксы, в преобладающую «военную культуру» данного субъекта международных отношений. В очередной раз пример с пулеметами, который приводит американский исследователь Джон Эллис. Так, по его мнению, британцы, не раз применявшие это оружие против «дикарей» в Африке, в результате чего гибли тысячи аборигенов (достаточно вспомнить массовое уничтожение британцами всего лишь шестью «максимами» 11 тыс. суданцев в сражении при Омдурмане в 1898 г.), считали невозможным массовое использование этого «негуманного оружия» в Европе, к войне на пространствах которой они усиленно готовились с конца XIX в. Чисто британский феномен «офицеры-джентльмены» якобы не позволял им даже задумываться о разработке под это оружие новой структуры или организации войск [5, р. 82–86].

Неизбежность «прихода» новой оперативной концепции не является панацеей для воплощения достижений РВД в жизнь в случае, если под нее не создана структурная или организационная база. Еще один пример из британской военной истории, который приводит упоминавшийся Р. Хандли. После завершения Первой мировой войны в британском военно-научном истеблишменте весьма интенсивно обсуждались идеи о «могущественном танковом потенциале» и в этой связи о неизбежной «революционизации наземной войны». Сторонниками «подгонки» сухопутных войск под бронетанковый потенциал выступали такие неординарные мыслители, как Дж.Ф.С. Фуллер и Б.Х. Лиддел-Гарт, ратовавшие за создание «чисто» танковых формирований — бригад (полков), а еще лучше — дивизий. Более того, в конце 1920-х — начале 1930-х годов в британских сухопутных войсках была осуществлена серия, как теперь говорят, инновационных учений, в частности, на полигоне в районе Солсбери (1926), в ходе которых экспериментировался танковый прорыв обороны «противника» на глубину до 30 км, на что, например, не без пользы для себя (о чем говорилось выше) обратили внимание приглашенные из Германии «наблюдатели». Однако британское руководство посчитало лишним реструктурировать свои СВ под явно «проявившиеся» преимущества самостоятельных танковых формирований, поскольку это будто

«не вписывалось в традиционную структуру британской армии и было чревато огромными финансовыми затратами» [6, р. 31].

Показателен еще негативный пример, но вызванный иными причинами. На другом берегу «Канала» (Ла-Манша), т. е. во Франции также не могли не задуматься о потенциале танков, и во французской специализированной прессе действительно бурно обсуждались последствия массового принятия на вооружение бронетанковой техники. И все же главным аргументом неприятия французами идеи «глубоких танковых рейдов» была неприемлемость гигантских потерь, которые неизбежны при «наступательной доктрине». По сути, разрабатываемая в 1920-е и 1930-е годы Парижем военная доктрина имела склонность стать и фактически стала сугубо оборонительной, места в которой танкам, а тем более наступательным танковым прорывам, не оказалось.

И, наконец, делается заключение о том, что по-настоящему можно говорить о том, что РВД состоялась, когда все три составляющие ее компонента — технологии (технические изобретения), доктрина (оперативные концепции) и организация (структура сил) — реализованы вместе. Для иллюстрации этого догмата опять же пример с «блицкригом». Новые технологии (танк, радиообмен, пикирующий бомбардировщик) вкупе с новой оперативной концепцией (прорыв высококомобильных бронетанковых войск в тыл противника), «помноженные» на новую же структуру войск (танковая дивизия) принесли искомый результат — разгром противника. В противоположность этому — иллюстрация негативного примера. Французы, имевшие большее количество и, по некоторым оценкам, качественно лучшие танки, распределили их более-менее ровно между всеми соединениями сухопутных войск и применили как мобильную огневую поддержку пехоты. Американцы в межвоенный период также рассматривали танки в качестве средства непосредственной огневой поддержки пехоты, в результате чего оснастили их вооружением с невысоким темпом стрельбы, с которым они и вступили во Вторую мировую войну. Вместе с тем комбинация технологий (способность самолетов взлетать и садиться на палубу корабля — авианосца), оперативных концепций (отработка способов применения авиации для прямого противоборства с ВМС противника на дальних дистанциях за пределами досягаемости его огня и концентрация ударов по его авианосцам) и структура сил (мощные многофункциональные авианосные

ударные группы — АУГ) позволила США в конце концов одержать победу на Тихоокеанском театре войны.

И все же, нельзя не подчеркнуть факт наличия у руководителей, от решений которых зависит воплощение достижений РВД в жизнь, субъективного фактора, а именно инерции мышления, да и просто тривиальной «перестраховки». Правда, иногда субъективный фактор играет и позитивную роль. Немцы, несмотря на положительные результаты учений и экспериментов с предложенной известным впоследствии «танковым гением» Гудерианом новой организации дивизии, вступили во Вторую мировую войну с сухопутными войсками, имея в их составе относительно незначительное количество танковых соединений. При вторжении в Польшу 1 сентября 1939 г. германские войска включали лишь шесть танковых и четыре легких танковых дивизий и 48 пехотных соединений старого образца. При вторжении в 1940 г. в Нидерланды, Бельгию и Францию — десять танковых дивизий и 126 «устаревших» пехотных [3, р. 442–443]. Американцам же, приступившим к формированию во второй половине 1930-х годов АУГ, просто «повезло» в том плане, что новый президент Ф. Рузвельт, всегда с симпатией относившийся к морякам, лично «продал» значительные средства на ВМС, в том числе на морскую авиацию, из беспрецедентно разросшегося накануне «мирового военного хаоса» оборонного бюджета страны [11, р. 284–295].

Нельзя не подчеркнуть и тот факт, что, по мнению тех же заокеанских специалистов, соотношение реальных и мнимых РВД, определенных на основе нереализованных на поле боя так называемых революционных плодов, в частности технических изобретений, приблизительно равно. В качестве примеров обычно приводятся «не пошедшая в серию» ядерная энергетическая установка для самолетов, провалы с разработкой электромагнитных пушек, многолетние и пока неудачные попытки создания лазерного оружия и некоторые другие. О «нежизненности» подавляющего большинства постоянно выдвигаемых «революционных концепций ведения войн», предложений об «улучшенной организации формирований» и тем более о «кардинальной реструктуризации войск (сил)» говорить вообще не приходится.

Но продолжим. Западные специалисты в области военных реформ особое внимание обращают на необходимость своевременного, а, порой, если получится, упреждающего вскрытия так называемых военно-технических прорывов в создании «револю-

ционных» технических средств и технологий, которые в большинстве случаев и обеспечивают успех РВД в целом.

Главная задача для «мониторинга» данной сферы и прогноза за рубежом возлагается на подразделения (управления, отделы и т. п.) военно-технической разведки, которые имеются в структурах практических всех многочисленных спецслужб Запада и, особенно, в США. В свое время достоянием гласности стал факт осуществления Вашингтоном и Лондоном (а позже, и с подключением «возможностей» их союзников) операции «Эшелон», имевшей целью тотальное, охватывающее весь мир, прослушивание коммуникационных каналов и сетей и отбор интересующей руководство этих государств информации, не в последнюю очередь в военно-технической области. Данная операция, начатая еще в первые годы «холодной войны», в последнее время, как свидетельствует скандал вокруг перебежчика из американских спецслужб Э. Сноудена, «переродилась» в еще более глобальную — операцию «PRISM», «взявшую под колпак» сети коммуникаций в том числе и внутри стран, ее осуществляющих.

Но этого, по мнению американских теоретиков военных реформ, недостаточно. Признаки, свидетельствующие о начале очередного этапа РВД, якобы не могут не просочиться в «открытые» СМИ, как бумажные, так и электронные. Информация из которых в этой связи нуждается в ежедневном и всеобъемлющем анализе, причем не только спецслужбами, но и соответствующими заинтересованными структурами (корпорациями, фирмами и т. д.). Тем более, что соотношение между используемыми в «работе» даже спецслужб открытыми и закрытыми источниками информации, по признанию западных экспертов, равно девять к одному.

Существует и большая вероятность «проявления» прежде всего технических достижений, обеспечивающих РВД на открытом и особенно закрытом (нелегальном) мировом рынке вооружений, включая специализированные выставки. При этом не исключается и вероятность «индикации» первых признаков грядущей РВД как попытки «военных аутсайдеров» продвинуть или, проще говоря, предложить свои, порой «заслуживающие внимания специалистов», наработки на открытых или закрытых «политических площадках» (всевозможных форумах, конференциях и т. п.) с целью извлечения экстраординарной прибыли, но чаще для нанесения ущерба (как политического, так и военно-

экономического) своим более могущественным конкурентам или геополитическим противникам.

В данном случае следует иметь в виду, что субъекты международных отношений, заинтересованные в устранении конкурентов/противников, будут стремиться в первую очередь публично и аргументированно «опорочить» данные достижения, прибегая к всевозможным средствам и методам, хотя и не исключено, что реально именно здесь «спрятан» ключ к какому-либо военно-техническому открытию (или к прорыву).

Западные специалисты также предпочитают от «безапелляционного доверия мнениям зачастую зацикленных на определенной области знаний т.н. авторитетов». К. Серф и В. Наваски в исследовании «Эксперты говорят», опубликованном в 1984 г., приводят ряд показательных примеров. Так, Лорд Кельвин, математик и физик с мировым именем, президент Британского королевского общества, заявил в 1895 г.: «Машины, тяжелее воздуха, не могут летать!» Уилбур Райт наставлял своего брата Орвилла в 1901 г.: «Человек не полетит еще лет пятьдесят!» Гэрри Уорнер, президент кинокорпорации «Уорнер Бразерс Пикчерс», с возмущением возражал своим оппонентам в 1927 г.: «Какого черта актеры должны говорить с экрана!» Президент корпорации «Диджитал Эквипмент» Кен Олсон в 1977 г. уверенно подчеркнул: «Нет никаких оснований для того, чтобы кто-нибудь пожелал иметь компьютер дома!» [2, table 4.1].

Вместе с тем те же специалисты «откопали» ряд примеров того, как известные авторитеты из военной области «прогнозировали будущее» в своей сфере. Приведем несколько показательных примеров. Из заявления представителя департамента вооружений СВ Франции перед членами Парламента в 1910 г.: «Не заблуждайтесь: пулеметы ничего не изменят на поле боя!» Помощник министра ВМС США, будущий президент Франклин Д. Рузвельт заявил в 1922 г.: «Судя по всему, ни самолет, ни даже масса летательных аппаратов никогда не смогут потопить корабль в условиях боя!» Из заявления в 1939 г. маршала Анри Петэна, бывшего военного министра Франции и главнокомандующего французской армии: «Что касается танков, о якобы решающей роли которых в будущей войне кое-кто пытается нас убедить, то не вызывает никаких сомнений их полная несостоятельность!» Ему вторил в том же году другой французский авторитет, представитель французской армии генерал А.Л. Жорж: «Не подлежит сомнению, что немецкие танки будут уничтожены сразу после прорыва нашей передовой линии окопов!» Из заяв-

ления министра ВМС США Фрэнка Нокса 4 декабря 1941 г., накануне трагедии в Перл-Харборе: «Ничего не случится, наши ВМС не будут застигнуты врасплох!» Комментарий в 1945 г. советника президента Гарри Трумэна адмирала Уильяма Д. Лихи относительно перспектив ядерного проекта: «Это самая глупая вещь, которую мы когда-либо сделали... Эта бомба никогда не пригодится. Я это заявляю как специалист в области взрывчатых веществ!» [2, Table 4.2]. Как говорится, без комментариев.

Данные парадоксальные заявления, дезориентирующие не только обывателя, но и представителей инстанций, разрабатывающих и принимающих решения, по мнению упоминавшегося Р. Хандли, можно избежать, если объединить усилия профессиональных аналитиков, тотально отслеживающих информацию и выискивающих признаки «надвигающейся РВД», с мнением крупных ученых-специалистов в соответствующей сфере. Оптимальным выходом из сложившегося положения может быть вариант, при котором оба интеллектуальных процесса взять «под крыло» в одной организации. Тот же Хандли полагает, что достаточно известное, в том числе и в нашей стране, Управление перспективных исследований МО США (DARPA) — именно та организация, сотрудники которой могут давать верные оценки происходящему и в состоянии «взглянуть за горизонт» [6, p. 46].

Естественно, одна даже специально сфокусированная на исковую цель организация не в состоянии обеспечить «продвижение РВД». Для этого и в других «причастных» инстанциях или организациях должен быть сформирован, как подчеркивает американский исследователь С. Роузен, своеобразный «творческий климат», способствующий раскрытию талантов, в том числе и прагматически мыслящей «молодежи». Многие при этом зависят от того, кто руководит данной организацией или, по крайней мере, проектом. Так, в Германии, ограниченной в своем военном становлении после Первой мировой войны статьями Версальского договора, роль инициатора возрождения германской мощи в начале 1920-х годов взял на себя (или ему навязали!?) начальник Управления сухопутных войск генерал-полковник Ганс фон Сект, которому и принадлежит изначальная идея о приоритете танков в формируемом рейхсвере. В США в тот же период большей частью инициативно занялись продвижением идеи так называемой авианосной войны два адмирала, два Уильяма — Симс (президент Военно-морского колледжа в

1917–1922 гг.) и Моффет (директор Бюро авиации ВМС в 1921–1933 гг.) [10, р. 76].

Но и этого недостаточно. Важным фактором в обеспечении «творческой свободы» коллектива организации является покровительство высших инстанций. Так, если вернуться к американскому опыту в межвоенный период, то известно, что упоминавшимся адмиралам, увлеченным авианосцами, помогали многие влиятельные политики и военные деятели страны, хотя вплоть до первого воплощения их идей в жизнь к концу 1930-х годов продвижение по службе морских авиаторов и получение ими высших офицерских званий было весьма затруднено.

Еще хуже обстояло дело в сухопутных войсках США, идеи об изменении подходов к ведению наземных операций с широким привлечением танков и авиации встречали жесткое сопротивление начальства. Известны примеры того, что будущим американским полководцам Второй мировой войны Д. Эйзенхауэру и Дж. Патону вообще рекомендовали «оставить затею с танками, если они хотят получить звание майор» [7].

«Свобода творчества» зачастую сталкивается с противоречием, которое заключается в «неадекватности инициативных изысканий» так называемой общей компетенции организации, в которой они осуществляются. Именно поэтому важно покровительство высших инстанций. Данная «неадекватность» сопряжена с материально-техническими затруднениями, которые неизбежны при, порой, внеплановых работах по вскрытию новой проблемы, изучению связанных с ней информационных материалов, последующем тестировании созданного «образца (ов)» и экспериментах с ним (ними). Иллюстрацией этому может служить американский опыт при разработке общей концепции авианосной войны. Начиная с 1910-х годов в ВМС США была осуществлена серия экспериментов с различными воздушными аппаратами — «морскими самолетами», летающими лодками, самолетами с колесными шасси, различными вариантами взлета и посадки на палубу и с палубы, на воду и с воды, с катапультной и без и т.д. Подробно, в бесконечных дискуссиях рассматривались возможные задачи, которые могла бы решать авианосная авиация и ее организационная структура. Так, авторитетный в военно-политических кругах Вашингтона сторонник «воздушной мощи» генерал Уильям Митчелл при поддержке своих многочисленных сторонников навязывал тезис о том, что «самолет вот-вот сделает корабль бесполезной игрушкой». Морское авиационное лобби в своем большинстве в тот период (как это

сегодня не покажется странным!) выдвигало тезис о том, что роль морской авиации должна сводиться к поддержке боевых кораблей в их противоборстве с морской мощью противника и не более. И лишь со временем, после многочисленных споров и экспериментов, специалисты формально пришли к единому мнению о том, что авианосная авиация может выступать как принципиальная боевая сила в составе флота. В общей сложности на подобного рода дебаты и различного рода эксперименты было затрачено порядка 20 лет.

Может сложиться впечатление, что эксперименты (причем не только с техникой) с «осмысленными» результатами всегда предшествуют «революционным изменениям» в доктрине или, по крайней мере, в концепциях ведения войны. Однако это не всегда так. Американские теоретики военных реформ утверждают, что адмирала У. Симса, руководившего Военно-морским колледжем ВМС США, и его единомышленников «озарила» идея «авианосной войны» еще до того, как были опробованы приемлемые летательные аппараты морского базирования и спроектированы их носители. Так, ими еще в 1919 г., т.е. за год-два до экспериментальных технических разработок в Бюро аэронавтики, были составлены планы учений, которые затем и легли в основу концепции авианосной войны. Точно так же и германский генерал фон Сект со своими помощниками, как подчеркивает Р. Хандли, додумался и теоретически обосновал наступательную концепцию «блицкрига» еще до того, как ее положения были «закреплены» на различного рода учениях и экспериментах с бронетанковой техникой. Тем не менее это ни в коем случае не означает, что «экспериментами в поле» можно пренебречь.

«Перебирая» особенности и характеристики различных проявлений РВД в историческом разрезе, видный американский военный теоретик Эндрю Маршалл делает четкий вывод — плоды преобразований в технологии, доктрине или в организации вне зависимости от времени их появления и до реализации можно считать революционными только в том случае, если они оказывают влияние на формы и способы ведения *реальных* военных действий [8]. Если, например, авиации, вооруженной высокоточными боеприпасами, удастся без потерь с большого расстояния остановить широкое по фронту и значительное по глубине боевых порядков наступление бронетанковой армады противника, то это РВД. Если применением «кибероружия» без вступления в контактный бой противнику наносится ущерб, в

I. РЕВОЛЮЦИЯ И РЕФОРМА

результате которого он капитулирует, это РВД. Отвечая на поставленный перед самим собой вопрос относительно того, реализовалась ли нынешняя «революция в военном деле», о которой так много говорят и пишут, он заключает: «Давайте не будем спешить с выводами!» [9] В связи с этим сложившееся у многих впечатление об американских успехах в ходе военных действий в Ираке в 1991 и 2003 гг. как свидетельство реализованной РВД — обманчиво. Это мы и попытаемся доказать в последующих публикациях. Бесспорно одно — проявления революционных преобразований в военном деле налицо, и их нельзя игнорировать в процессе реформы вооруженных сил.

Вопросы по оптимизации функционирования военной организации США всегда были в числе приоритетных у руководства американского государства. Под этим в первую очередь подразумевается следование незыблемому принципу бизнеса, лежащего в основе американского военного строительства, который можно свести к формуле — «низкая стоимость — высокая эффективность». Однако следует признать то, что на всем пути развития американской военной организации ее преследовали неурядицы, зачастую связанные с нарушениями «правил бизнеса» и сопровождаемые многочисленными случаями коррупции и тривиального воровства. Данные факты, естественно, не могли не обращать на себя внимания со стороны ветвей государственной власти США, но также и общественности и соответственно принятия мер по искоренению данных злоупотреблений.

Первые шаги

Примечательно, что первые в истории США шаги в борьбе с подобного рода злоупотреблениями отмечены еще в 1782 г., когда по поручению тогдашнего высшего законодательного органа Континентального конгресса расследование случаев «мошенничества, халатности и порчи имущества при закупках товаров на революционную войну» было поручено так называемому суперинтенданту финансов Роберту Моррису [1, р. 4]. По результатам расследования впервые в практике национального оборонного строительства были приняты меры по внедрению методов свободного рынка, исключаящие переплату за приобретаемые армией товары, различного рода имущество и услуги. Вместе с тем «работа» Р. Морриса, по признанию американских экспертов, продемонстрировала и негативные черты так называемого контроля сверху, которые не изжиты и по сей день. Так, например, обладая полномочиями «контролера», он умудрился «одаривать» своих родственников и друзей контрактами, которые удивительным образом избегали конкурсов и соревно-

вательности, якобы неизбежными при «рыночном» принципе выбора лучших вариантов для снабжения армии [10, р. 4].

Гражданская война в США (1861–1865) породила очередной всплеск злоупотреблений в снабжении армии, прежде всего связанный с различного рода имуществом и военным снаряжением, а также неизбежную реакцию на это со стороны властей. Так, например, нехватка хлопка, поставка которого с Юга по понятным причинам была прекращена, привела к тому, что военная форма для северян изготавливалась из абсолютно непригодных для этого материалов, но поставлялась в войска в большом объеме по завышенным ценам. Через несколько месяцев после начала войны один фабрикант с Севера заявил корреспонденту лондонского журнала «Экономист», что он уже заработал баснословные по тем временам 200 тыс. долл. [2, с. 108]. Зачастую подрядчики поставляли правительству негодные и устаревшие боеприпасы и оружие, которые тут же списывались в утиль. Позже известный в стране предприниматель М. Хартли признался, что продал правительству партию неисправных мушкетов. В эту сделку был вовлечен молодой тогда еще Дж.П. Морган, в результате чего его группа получила одноразовую прибыль в размере 95 тыс. долл. [2, с. 109].

Бизнес во время Гражданской войны настолько процветал, что фабриканты объявили 30%-ные дивиденды. Обогащение во время войны вызвало настоящую оргию расточительности, которая не могла не привлечь внимания общественности, потребовавшей от властей принятия жестких мер для наведения порядка. В декабре 1861 г. после серии неудач в сражениях с южанами в конгрессе был сформирован Объединенный комитет по ведению военных действий с самыми широкими полномочиями. Помимо постоянного, зачастую с негативными последствиями, вмешательства конгрессменов в сферу военных профессионалов относительно, например, нюансов ведения боевых действий, данный комитет взял на себя и функции «справедливого» распределения контрактов и регулирования поставок различного рода имущества в действующую армию. Как и в период войны за независимость, и тут не обошлось без «кумовства» и почти неприкрытой коррупции. Махинации с контрактами членов комитета были настолько «контрпродуктивными», что даже командующий войсками конфедератов генерал Роберт И. Ли съязвил: «Работа комитета усиливает наш потенциал как минимум на две дивизии!» [6, р. 258]. Один из членов британского истеблишмента при обсуждении вопроса о легитимности вме-

шательства Лондона в Гражданскую войну в США недвусмысленно заявил: «Янки дерутся только из-за тарифов и тщеславия» [2, с. 122]. Проблемы, связанные с искоренением рабовладения и сегрегации на Юге, занимали отнюдь не приоритетные места в политике официального Вашингтона.

«Сомнительные» связи

Отсутствие «особого» интереса американских властей к состоянию дел в вооруженных силах (далее — ВС) в «межвоенные периоды» побуждало по сути бесконтрольное укрепление связей между военными и бизнесом. Это стало особенно заметно накануне и в период Первой мировой войны, когда индустриализация американской экономики достигла такого высокого уровня, который создал благоприятную почву для развития «сомнительных» связей и соответственно злоупотреблений. Возникшая тогда потребность в максимальном развертывании военного производства привела к ослаблению действия антитрестовских законов и к формальному поощрению вмешательства бизнеса в военное строительство. Некоторые крупные бизнесмены продемонстрировали, казалось бы, бескорыстный патриотизм, заняв важные посты с символическим годовым жалованием в один доллар с целью «помочь правительству одержать победу в войне». Корпорации стремились доказать, что в чрезвычайной для страны обстановке они в состоянии править делами и без вмешательства извне. Но по «случайному стечению обстоятельств» эти люди, занимавшие государственные посты с годовым окладом в один доллар, принимали меры к тому, чтобы военные контракты передавались именно их фирмам или фирмам их коллег. В конце концов конгресс наложил ограничения на такую практику распределения контрактов, приняв «Закон Левера» [2, с. 395]. Но и после этого крупные бизнесмены, имевшие связи в правительственных кругах, умудрялись самым циничным образом, по сути, обворовывать свое государство. Показателен в связи с этим пример, когда «припертый к стенке» известный автопромышленник Генри Форд вынужден был объявить о «добровольном возвращении его компанией государству прибыли от военных заказов в сумме 29 млн. долларов». Однако позднее министр финансов США Э. Меллон назвал эту историю «басней» [2, с. 271]. Еще один показательный пример. Химический концерн другой процветающей семьи Дюпонов в ходе войны

выступил с заявлением о том, что члены Антанты будут получать взрывчатые вещества по цене один доллар за фунт вещества. Союзники, не имевшие альтернативы, вынуждены были согласиться. К концу 1916 г. компания Дюпонов производила для них 100 тыс. т тринитротолуола в месяц. Когда в войну вступили США (весна 1917 г.), конгресс отказался платить за взрывчатку больше 47,5 цента за фунт. Дюпоны были вынуждены смириться, а союзники выразили горячую благодарность американским властям за «свалившуюся и на них неожиданную экономию» [2, с. 317].

В некоторых СМИ периодически «всплывает» история о том, как якобы «недальновидное» руководство США «своими руками» в конце Первой мировой войны развалило национальную авиаиндустрию. Однако при этом обычно умалчивается тот факт, что именно злоупотребления во всех 16 фирмах, получивших подряды на строительство самолетов (из которых, правда, только в шести знали, как это делать), и привели сначала к расследованию комиссией, возглавлявшейся Ч.Э. Хьюзом, махинаций авиапромышленников, а затем к обвинению руководства этих компаний в «неприкрытом мошенничестве» и аннулированию, по сути, всех заказов [2, с. 380].

Конструктивный подход

Резкое сокращение военных ассигнований в период после Первой мировой войны, а затем и начавшийся в США беспрецедентный экономический кризис на некоторое время отвлекли внимание общественности и соответственно представлявших в конгрессе ее избранных представителей-законодателей от злоупотреблений в оборонной сфере. И лишь в начале 1930-х годов было решено вернуться к проблемам злоупотреблений в оборонной сфере, которые породили множество вопросов еще во второй декаде XX в. как в среде обывателей, так и у определенной части американского истеблишмента, но так и оставались без ответа. В 1934 г. решением сената был учрежден Специальный комитет по изучению аспектов обеспечения вооруженных сил предприятиями национальной промышленности. Во главе этого временного органа был поставлен республиканец от штата Северная Дакота Джеральд Прентис Най, известный своими «левыми» взглядами. В сферу деятельности комитета попали сделки промышленников и военных за период войны и вплоть

до начала 1930-х годов. Результаты расследования «не открыли Америки»: промышленников и связанных с ними военных мало интересовало благополучие нации — только прибыль любыми доступными способами. Субсидируемые фабрикантами средства массовой информации немедленно обрушились на комитет, окрестив его «левацким и изоляционистским» [10, р. 5]. При этом оценка прессы была недалеко от истины, поскольку одной из главных рекомендаций комитета — доказать необходимость национализации всех оборонных предприятий. В обоснование этого существовали ссылки на факты бесконтрольного заключения контрактов видами ВС с промышленными корпорациями, наносивших прямой ущерб интересам безопасности страны. Были отмечены и случаи вовлечения конгрессменов в незаконные сделки. Так, приводился пример получения фирмой «Юнайтед драйдокс» контракта на сумму в 50 тыс. долл. в обход всех нужных процедур только благодаря давлению ряда членов конгресса [4, р. 10134–10137].

В связи с этим примечательно, что многие законодатели, среди которых выделался молодой перспективный республиканский сенатор (будущий президент) от Калифорнии Ричард Никсон, не только не поддержали своих коллег из этого временного органа по вскрытию фактов коррупции, но и потребовали жестких санкций в отношении его членов, обвинив их самих в «непатриотизме» [8, р. 249]. Между тем приведенные в результирующем докладе комитета некоторые выводы уже тогда обращали внимание руководства страны и американской общественности на потенциальную опасность для нации сращивания промышленных и военных кругов.

Позитивные сдвиги

Тем временем во взаимоотношениях бизнеса и военной организации страны мало что менялось. По результатам периодически формировавшихся комиссий и комитетов по расследованию случаев коррупции в оборонной сфере санкциям и наказаниям подвергались отдельные компании, фирмы и должностные лица государственных учреждений, включая представителей военной верхушки. Однако сама система, способствовавшая злоупотреблениям, не претерпевала никаких изменений.

Существенным шагом вперед в деле наведения порядка при заключении контрактов на поставки различного рода имущества,

а также вооружения и военной техники (ВВТ) в войска и контроля их качества стало формирование сенатом в марте 1941 г. Специального комитета для расследования положения дел в национальной обороне, председателем которого был назначен энергичный сенатор-демократ, будущий президент США, Гарри Трумэн. Но этому предшествовали следующие события.

В мае 1940 г., когда все отчетливее становилась неизбежность вступления Соединенных Штатов в начавшуюся мировую войну, президент Франклин Д. Рузвельт запросил экстренные ассигнования на военные нужды в размере 1,2 млрд долл., а через месяц — еще 5 млрд. В общем счете к 1 декабря 1940 г. на оборону было выделено порядка 10 млрд долл. (180 млрд в ценах 2006 г.) [10, р. 6]. Сенатор Трумэн, не в последнюю очередь искавший повод «прославиться», в инициативном порядке вызвался проверить, как расходуются феноменальные по тем временам средства.

Первоначальными целями своих проверок он выбрал оборонные предприятия и фирмы, находившиеся неподалеку от столицы на Восточном побережье США. Трумэн избрал методом инспекций «персональные внезапные визиты» на объекты проверки. Обычно он прибывал на объект на своем «стареньком додже» без какого-либо сопровождения, но, пользуясь статусом законодателя, добивался доступа ко всем интересующим его материалам и образцам. Он категорически отвергал помпезность при встрече с руководителями предприятий и баз и тем более не принимал каких-либо «подношений» в виде «сувениров», памятных подарков и проч. Если сказать, что он был шокирован увиденным, пишет известный американских специалист в области военных реформ Уилис Уилер, значит, ничего не сказать. По мнению Трумэна, отсутствие конкуренции при «борьбе за контракты», бесконтрольное расходование средств и бездействие при этом чиновников достигли явно неприемлемых масштабов. Суммировав результаты нескольких проверок, он в частной беседе с президентом Рузвельтом доложил суть проблем. Однако глава государства прореагировал на доклад «без интереса и с обреченной неизбежностью такого порядка вещей» [10, р. 7]. Трумэн же, осознав, какие козыри оказались у него в руках, информировал прессу о своих визитах на объекты и выступил с беспрецедентным по жесткости оценок докладом в нижней палате конгресса и попросил поддержать его инициативу о формировании упомянутого комитета. Что и было сделано!

Комитету были даны самые широкие полномочия: изучение контрактов в оборонной сфере, правил их получения, географическое распределение, выгода для вооруженных сил от их осуществления и все другие аспекты наращивания военного потенциала, какие комитет сочтет необходимым исследовать.

Трумэн, надо отдать ему должное, лично проделал большой объем предварительной работы, включая анализ деятельности Объединенного комитета конгресса по ведению военных действий времен Гражданской войны и Специального комитета Ная (1934) Члены комитета и его председатель энергично взялись за дело. Достаточно привести такие цифры: комитет провел 432 публичных и 300 заслушиваний «за закрытыми дверями», подготовил не одну сотню докладных записок и 51 доклад. Трумэн и члены его комитета благодаря своей деятельности получили репутацию «независимых и неподкупных чиновников». Трумэн искусно лавировал между политически «чувствительными» проблемами и старался не вмешиваться в сферы, в которых он ощущал свою некомпетентность, таких как стратегия и тактика боевых действий. Помимо моральных дивидендов, Трумэн и его комитет получили и одобрение американской общественности как сэконоившие порядка 15 млрд долл. (270 млрд в ценах 2006 г.) [9, p. 338]. Одним из самых существенных результатов работы трумэновского комитета стал законопроект в области распределения и поставок военной продукции путем реорганизации множества причастных к этой проблеме агентств в единый Совет по военному производству, который сыграл заметную позитивную роль уже в ходе Второй мировой войны.

В последующем историки отметили и ряд явных упущений в работе Комитета Трумэна. Так, например, несмотря на явно бросающиеся в глаза расовые проблемы на оборонных предприятиях и неприкрытую сегрегацию, якобы мешавшие производительному труду рабочих и инженерного персонала, в докладах и многочисленных докладных записках комитета этому вопросу не было уделено и минимума внимания. Отмечался и факт первых признаков зазнайства и мании величия Г. Трумэна, которые ярко проявились уже в период его президентства. Зачастую он пренебрегал элементарными правилами сохранения государственной тайны, публично хвастаясь о своей осведомленности и в открытой переписке упоминая, например, о таком сверхсекретном проекте, как так называемый Манхэттенский, связанный с созданием ядерного оружия [6, p. 290]. Примечательно, что органы контрразведки США были в курсе

нарушений Трумэн и Ко режима секретности, но возросший до небывалых высот авторитет сенатора как «непримиримого борца с коррупцией» ограждал его от разоблачений и каких-либо санкций. И все же работа комитета под руководством Гарри Трумэна остается в памяти американцев как первая попытка конструктивной деятельности законодателей, принесящая ощутимые, явно позитивные плоды в деле национального военного строительства.

Имитация деятельности

В период Второй мировой войны и первые годы после ее окончания ни законодателям, ни тем более президентской администрации не было дела до выявления злоупотреблений в оборонной сфере, во всяком случае отдельные факты вскрытия коррупции в отношениях бизнеса с военными не привлекали особого внимания общественности и не становились предметом разбирательств на высшем уровне власти. Тем временем постепенно объем военных ассигнований начал уменьшаться, достигнув к 1948 г. «разумных» 12 млрд долл., а вместе с этим стабилизировалась и экономическая активность в стране [2, с. 395].

Именно в этот начавшийся период относительного «спокойствия» американские законодатели решили изучить состояние дел в оборонной сфере, возложив ответственность за эту весьма непростую работу на подкомитет по специальным расследованиям сенатского комитета по делам вооруженных сил. В конце 1940-х годов данный подкомитет возглавил молодой и амбициозный сенатор-демократ от Техаса Линдон Джонсон, который получил данный пост благодаря своему мощному покровителю сенатору Ричарду Расселу. Джонсон не скрывал, что его кумиром является Г. Трумэн, в то время уже президент США, и что особенно импонировало общественности молодого сенатора «восхищал» стиль работы бывшего знаменитого «разоблачителя коррупции». Принимая во внимание вспыльчивость характера и несдержанность нового руководителя подкомитета, умудренный опытом в законотворчестве председатель комитета по делам ВС сенатор-демократ от Мэриленда Миллард Тайдингс взял слово с Джонсона об обязательном предварительном информировании руководства комитета о результатах расследования и о недопущении критики президентской администрации. Но у амбициозного Джонсона были другие цели. Пытаясь приобрести попу-

лярность в самых широких слоях общества, он лично постоянно «сливал» конфиденциальную информацию в СМИ и даже позволял себе небрежно отзываться о тех или иных шагах членов президентской администрации — его однопартийцах. Роберт Каро, один из биографов сенатора, впоследствии ставшего президентом, охарактеризовал работу подкомитета Джонсона как «лишь имитирующую деятельность комитета Трумэна». Так, по мнению Каро, все 43 доклада, подписанные Джонсоном за два года руководства им расследованием злоупотреблений в оборонной сфере, были откровенно слабыми, не содержали ничего нового и обычно перефразировали исходные документы других комитетов и подкомитетов конгресса. Однако благодаря активной работе аппарата сенатора и его пресс-штаба СМИ регулярно публиковали материалы, в которых с восхищением отзывались о «неутомимом борце с коррупцией» [3, р. 317–341]. Между тем была существенная разница в стилях работы «образцового» органа, возглавлявшегося десятью годами ранее Трумэном и подкомитетом Джонсона. В частности, последний вообще предпочитал избегать визитов на подвергавшиеся инспекциям объекты и лично не вникал в суть проблем, возлагая рутинную работу на своих помощников. Аналогично и слушания по расследуемым вопросам организовывались так, что на них приглашались или присутствовали «нужные» сенаторы, конгрессмены и представители «прикормленных» средств массовой информации. Если случались разногласия по выводным частям докладов, то Джонсон с легкостью шел на компромисс, лишь бы отчет об «успешном завершении» того или иного расследования быстрее стал достоянием общественности. В связи с этим упоминавшийся эксперт У. Уилер подчеркивает факт малой продуктивности и самое главное очевидной бесполезности деятельности Джонсона и его помощников в деле наведения порядка в оборонной сфере [10, р. 9].

Мода на комиссии

Тем не менее опыт работы обоих органов, в задачу которых входило в том числе и расследование злоупотреблений в отношениях бизнеса с военными, оказался весьма востребованным. Вообще, с рубежа 40–50-х годов в высших эшелонах власти США началась (не исчерпавшая себя, кстати, и по сей день) своеобразная мода на формирование различного рода комиссий

для рассмотрения наиболее щекотливых, затрагивающих интересы многих инстанций, проблем.

В целом, конечно, это была «находка» для бюрократов и тех, кто стремился снять с себя ответственность за принятие непопулярных решений. Президент Джон Кеннеди, например, не был сторонником такого способа решения проблем, называя формируемые на временной основе комиссии и комитеты удобной подменой ответственности одного чиновника размытой ответственностью многих. В рейгановские времена в циничной вашингтонской чиновничьей среде ходила такая «байка»: «Когда ты не знаешь, чего ты хочешь, или ты не хочешь делать то, что ты знаешь делать надо, создай комиссию для изучения проблемы и доложи о результатах не ранее, чем года через полтора-два» [10, р. 56]. И все же общую тенденцию переломить оказалось невозможно: комиссии-комитеты-советы начали активно функционировать. Некоторые из них включали только членов конгресса, другие формировались исполнительной властью и состояли из отставных генералов и адмиралов, правительственных чиновников и бизнесменов, третьи — создавались на смешанной основе.

Военно-промышленная «угроза»

Как следствие принятия в 1947 г. фундаментального «Закона о национальной безопасности», а потом начавшейся в 1950 г. войны в Корее, в результате чего военный бюджет резко подскочил до более чем 50 млрд долл., обеими ветвями власти было инициировано формирование Комиссии Гувера (названной по фамилии председателя, бывшего президента, Герберта Гувера). Членами этого нового авторитетного органа в относительно короткие сроки была проделана колоссальная работа по анализу результатов кардинальной реорганизации военного ведомства страны, вскрыты существенные недостатки в сложившейся новой системе руководства вооруженными силами, предложены пути дальнейшей централизации управления ими с придачей больших полномочий министру обороны. Кроме того, после анализа дел в системе распределения и исполнения контрактов промышленностью в интересах вооруженных сил, «дорогостоящего дублирования» заказов ВВТ со стороны видов ВС были выданы существенные рекомендации, которые в скором времени приобрели форму законов и подзаконных актов.

В 1953 г. был сформирован очередной контрольный орган — Комитет Рокфеллера (названный по фамилии ее председателя известного в США филантропа и бизнесмена Дж. Рокфеллера) опять же с самыми широкими полномочиями. Закончившаяся в Корее война продемонстрировала целый ряд недостатков в управлении военной машиной США и обеспечении ВС адекватными требованиями современности вооружением и военной техникой (ВВТ), включая специальную. Комитет вновь рекомендовал предоставить главе оборонного ведомства больше полномочий в управлении военной организации страны, но одновременно предложил несколько сузить функции Комитета начальников штабов за счет повышения уровня самостоятельности видов ВС, якобы ограниченной предыдущими законодательными актами и различного рода постановлениями.

Между тем к концу 1950-х годов процесс формирования военно-промышленного комплекса достиг беспрецедентных масштабов. Под предлогом необходимости реагирования на «советскую угрозу» власти увеличили военные расходы до рекордных 80 млрд долл. в год. Почти половина военного бюджета направлялась на финансирование генеральных военных контрактов, что напрямую способствовало формированию и укреплению военно-промышленного комплекса. Более трех четвертей округов по выборам в конгресс имели на своей территории одно или несколько военных предприятий. Почти 5300 больших и малых населенных пунктов жили за счет по меньшей мере одного военного завода, работавшего на Пентагон. Военное ведомство содержало на территории страны около 5,5 тыс. баз и объектов, а также девять арсеналов, в которых были заняты десятки тысяч рабочих [2, с. 396]. Таким образом, избранные в своих округах законодатели обеих палат вольно или невольно оказывались во власти постоянно укреплявшего свои позиции бизнеса, связанного с военными кругами.

Попытки администрации Эйзенхауэра в этот период держать в узде военных и подрядчиков, как правило, не имели успеха. Пентагон апеллировал к конгрессу и общественности, утверждая, что снижение затрат на оборону равносильно предательству. Разумеется, заинтересованные круги бизнеса разделяли взгляды генералитета. Чтобы обеспечить благоприятный ход своих дел, крупные и средние фирмы делали ставку на «хорошие личные отношения». Они жертвовали крупные суммы различным общественным организациям, связанным с вооруженными силами, и

широко практиковали привлечение на службу отставных офицеров. Так, например, в штате военных подрядчиков в 1959 г. работало более 1400 офицеров запаса в звании от майора и выше. Несмотря на то что отставным офицерам запрещалось выступать ходатаями фирм в своем виде ВС, факты свидетельствовали о том, что 90 % отставников не соблюдали этот запрет [2, с. 398]. Все это с неизбежностью вело к крупным злоупотреблениям и почти незамаскированной коррупции.

Данные и множество других фактов, естественно, не могли не привлекать внимания общественности и соответственно реакции в высших эшелонах власти. Покидая пост президента в январе 1961 г., Дуайт Эйзенхауэр в своем прощальном обращении к стране предостерег против растущего влияния военно-промышленного комплекса. Хотя эту речь написал Малкольм Муз, впоследствии президент университета в Миннесоте, уже сам факт, что она оказалась для главы американского государства приемлемой, говорит сам за себя. Эйзенхауэр, в частности, сказал: «Соединение огромного военного истеблишмента с громадной военной индустрией представляет собой новое явление в американской истории... мы обязаны осознать его грозные последствия... и принять меры против того, чтобы военно-промышленный комплекс, намеренно или непреднамеренно, приобрел влияние недопустимых масштабов. Возможность катастрофического усиления власти в руках тех, кому она не должна принадлежать, существует и впредь будет существовать» [2, с. 394].

Инициатива — у администрации

Приход в Белый дом в начале 1960-х годов демократической администрации во главе с президентом-реформатором Джоном Кеннеди ознаменовался очередными серьезными попытками властей по наведению порядка в оборонной сфере. Однако ситуация осложнялась опасными военно-политическими кризисами, вроде Берлинского (1961) или вокруг Кубы (1961–1962), а также затем и началом полномасштабного и многолетнего американского военного вмешательства во Вьетнаме (с 1965 г.). Все это требовало миллиардных вливаний в вооруженные силы, правильность и справедливость распределения которых было чрезвычайно трудно контролировать. И все же кое-какие позитивные меры были приняты. При этом инициатива в борьбе

с злоупотреблениями в оборонной сфере в этот период принадлежала президентской администрации и лично неординарно мыслящему главе военного ведомства (1961–1968) Роберту Макнамаре.

Во время пребывания на этом посту ему, помимо многочисленных инициатив в области реформирования военного управления, удавалось во многом отражать нажим военно-промышленного лобби. Когда в 1968 г. Макнамару в конце концов вынудили перейти в Международный банк реконструкции и развития, он с гордостью подчеркнул: «В 98 процентах битв с военными кругами победа оставалась на моей стороне!» [2, с. 397]. В самом деле Макнамара оказался первым в истории страны министром обороны, сумевшим установить реальный гражданский контроль над распространяющейся империей Пентагона. Военных и подрядчиков, стремившихся урвать все больший куш из государственной казны, он контролировал весьма жестко и в какой-то степени умерял их аппетиты. Но бизнес шел на различные хитрости, чтобы добиться искомой цели на фоне постоянно увеличившихся ассигнований на военные нужды. Особенно много хлопот министру и его аппарату доставляла так называемая лоббистская деятельность. Активность лоббистов осуществлялась через пентагоновского бюро «по связям с законодательными органами», бюджет которого достигал почти 4 млн долл. в год. В кулуарах конгресса говорили, что лоббисты Пентагона обрушились на законодателей как «десант морской пехоты» [2, с. 397].

Несмотря на беспрецедентные полномочия и авторитет Макнамары в среде тех же законодателей, порой и ему приходилось уступать давлению. Показателен пример с «продавливанием» в 1967 г. решения о создании противоракетной системы. Министр считал ее ненадежной и чрезмерно дорогой. В его аппарате подсчитали, что эта система принесет барыши по меньшей мере 15 тыс. фирм, в том числе самым влиятельным — «Дженерал дайнэмикс», «Рэйтеон», «Дженерал электрик» и «Сперри рэнд». Лоббисты этой системы в качестве аргумента указывали, что в 172 округах по выборам в конгресс миллион человек получит работу. Еще за девять месяцев до того, как ему пришлось дать согласие на осуществление системы противоракетной обороны (далее — ПРО) Макнамара доказывал сенату, что предприятие это весьма сомнительное. Но, по подсчетам экспертов, планируемые первоначальные затраты на систему в 5 млрд долл. открывали путь к дальнейшим расходам в размере от 40 до 70 млрд

долл. [2, с. 402]. В этих условиях не уступить лоббистам оказалась «выше сил» принципиального министра.

И второй пример, характеризующий нравы в высших эшелонах власти США того времени. Речь идет о многомиллиардном контракте, предоставленном концерну «Дженерал дайнэмикс» на строительство самолета «ТФХ» (позже получивший индекс F-111) по цене 6 млн долл. за машину. Технические эксперты-лоббисты утверждали, что этот заказ, общая стоимость которого ориентировочно оцениваемая в 6,5 млрд долл., принесет с собой 20 тыс. новых рабочих мест. «Проталкивание» решения о строительстве самолета сопровождалось беспрецедентными скандалами и обвинениями в коррупции. В результате было проведено расследование, выявившее ряд серьезных злоупотреблений. Первое, что бросалось в глаза, так это намерение концерна-производителя начать строительство самолета в Техасе, родном штате действующего президента Линдона Джонсона и шефа министра. В связи с чем самолету тут же навесили кличку «истребитель Эл-Би-Джи» (по инициалам главы государства). Были вскрыты и другие «странные» факты, такие, например, как членство одного из бывших президентов концерна и представителя принадлежавшей концерну юридической фирмы в правительстве Джонсона. Достоянием гласности стал и факт предложения «Боингом» более дешевого и функционально лучшего самолета, кандидатура которого без серьезных обоснований была отклонена. Но дело было сделано: самолет пошел в серию и прошел «обкатку» во Вьетнаме, где показал себя с наихудшей стороны и в конце концов был вообще снят с вооружения. Этот факт не остался незамеченным конгрессом, в соответствии с решением которого в 1970 г. постоянный подкомитет по расследованиям комитета правительственных операций сената был вынужден досконально разбираться с нюансами заключения и реализации контракта по производству этого «кошмарного самолета» и в качестве резюме внести предложение об ограничении полномочий министра обороны при процедуре утверждения подобных контрактов впредь. Позже, кстати, Макнамара признал согласие своего министерства на создание данного самолета личной крупнейшей ошибкой, но умолчал о деталях своей «уступчивости».

Все признавали, что механизм заключения контрактов на оборонную продукцию действовал крайне неэффективно. За пятнадцать лет с 1953 по 1968 г. государство израсходовало на впоследствии аннулированные 57 контрактов почти 9 млрд долл. [2, с. 408].

Веление времени

Неудачный для США исход Вьетнамской войны вызвал настоящее «брожение» в американском обществе. Политические и военные деятели, аналитики и журналисты бурно обсуждали причины столь позорного провала национальной военной машины. В принципе все сходились во мнении, что вооруженные силы страны нуждаются в срочной и кардинальной реформе, которая бы затрагивала как руководящие органы ВС, систему комплектования, так и тотальную замену не оправдавших себя в бою вооружений и военной техники. Республиканцы во главе с опытным политиком и администратором Ричардом Никсоном, пришедшие в Белый дом в конце 1960-х годов на волне критики своих предшественников-демократов, обещали навести порядок в вооруженных силах и во всей системе их обеспечения, начиная с упорядочения военных закупок.

В 1971 г. решением президента Р. Никсона был создан новый временный контрольный орган — Комиссия Фитцхью (или «Комиссия голубой ленты», т.е. назначаемая президентом), возглавляемая председателем директоров «Метрополитен лайф иншуаренс компани» Гилбертом У. Фитцхью. Перед ее членами была поставлена задача ревизии выполнения решений всех предыдущих комиссий и комитетов в оборонной сфере и вскрытия причин, почему они не были реализованы. Предварительный анализ показал, что за более чем 20 лет преобразований «имеет место чудовищное наслоение военных руководящих органов и гражданских инстанций, плодящих ворох бумаг, мешающих координации действий, способствующих постоянному дублированию мер и перерасходам средств» [10, р. 10]. Особо подчеркивалось, что сложившаяся система руководства вооруженными силами от президента через министра обороны, комитет начальников штабов (КНШ) и видовые министерства до собственно соединений и частей «крайне неуклюжая», не обеспечивает своевременного доведения приказов и информации до адресатов, особенно в условиях кризисных ситуаций. Система же разработки и приобретения вооружений и военной техники вообще лишь поощряет коррупцию и злоупотребления [9, р. 1–3].

Если резюмировать выводы комиссии, то можно вкратце констатировать, что усилия причастных к национальной обороне лиц и инстанций за две предыдущие декады увенчались полным провалом, грозящим серьезными негативными последствиями

уже в ближайшее время. При этом комиссия сформулировала 113 рекомендаций, которые были направлены президенту.

Ричард Никсон был весьма впечатлен работой комиссии и поручил заместителю министра обороны Дэвиду Пакарду под личную ответственность заняться воплощением указанных рекомендаций в жизнь, особенно в области приобретения для вооруженных сил образцов ВВТ, где в наибольшей степени проявлялись недостатки контрактной системы на приобретение вооружений.

Д. Пакард как крупнейший бизнесмен в прошлом был в курсе всех нюансов функционирующего многие годы механизма приобретения оружия. По его мнению, которое разделял и Фитцхью, ключом к решению проблемы являлась реализация предложенного еще Трумэнном принципа «полетай, потом покупай». Суть этого простого, на первый взгляд, принципа состояла в том, что система оружия, прежде чем на нее будут потрачены миллиарды долларов из госбюджета, должна быть реально протестирована и проверена в деле, что исключало предыдущую практику всецело полагаться на обещания изготовителей лоббистов, суливших «высокую эффективность» новых образцов, не неся за это фактически никакой ответственности. Примечательно, что противники такого подхода выступали против тестирования новых систем на ранних этапах разработки, аргументируя это «лишней тратой средств и времени». Но Пакард «отмел» данные аргументы, резонно подчеркнув, что на устранение недостатков в ходе последующих испытаний уйдет куда больше средств из бюджета и в конечном счете в лучшем случае приведет к отсрочке на неопределенный срок принятия данной системы на вооружение [10, р. 11]. Пакард даже инициировал создание в рамках министерства отдельной структуры — управления по обзору результатов тестирования и испытаний новых образцов ВВТ. Забегая вперед, скажем, что усилия Пакарда по навязыванию указанного принципа, встретив ожесточенное неприятие со стороны сообщества конструкторов, производителей и покупателей оружия, были реализованы лишь частично. Пакарду и его коллегам не удалось в полной мере претворить в жизнь все те рекомендации, которые предложила Комиссия Фитцхью, но впервые в американской практике исполнения указаний властей началась методичная и комплексная работа по исправлению дел во всех областях оборонного строительства. Однако требовались дополнительные усилия, и импульс был дан.

В 1981 г. с целью ревизии осуществленного, по рекомендациям Комиссии Фитцхью, был сформирован новый контрольный орган — Комиссия Грейса (названная по фамилии ее председателя бизнесмена Джозефа Грейса), которая в своем отчете констатировала чрезвычайно медленное продвижение в направлении упорядочивания органов военного управления и улучшения их функционирования. Примечательно, что на данном этапе к работе по оптимизации деятельности военной машины страны подключился и целый ряд независимых научно-аналитических центров, таких как ориентированный на демократическую партию Центр международных и стратегических исследований, консервативный «Херитидж фаундейшн», либеральная Бостонская исследовательская группа и др. Их предложения по реформированию военной организации в принципе перекликались с рекомендациями Комиссии Фитцхью, тем самым подчеркивая их объективность.

Нетерпимая ситуация

Вместе с тем работа «реформаторов» не давала ощутимых результатов и к середине 1980-х годов явно застопорилась. В условиях очередного скачка в наращивании военного потенциала и накачивания Пентагона новыми миллиардными ассигнованиями, обещанными республиканцами в период избирательной кампании и воплощенными в жизнь администрацией Рональда Рейгана, перед бизнесом и военными опять «открылось окно возможностей» поживиться за счет государственной казны. Каспар Уайнбергер, рейгановский министр обороны, был подвергнут нещадной критике за бездействие и отсутствие какого-либо контроля за расходованием средств, выделяемых на национальную оборону. В ставшей знаменитой карикатуре, помещенной в газете «Вашингтон пост», он был изображен с сидением для унитаза на шее из крупной партии, заказанной для ВВС по 600 долл. за штуку [10, р. 12].

Положение, по общему признанию, становилось нетерпимым. В 1985 г. властями была сформирована очередная комиссия, главой которой теперь уже назначили самого Дэвида Пакарда, искушенного в особенностях функционирования механизма производства вооружений и заключения контрактов на их приобретение. Подводя итоги работы возглавляемой им комиссии, он заявил конгрессменам: «Откровенно говоря, джентльмены...

мы вынуждены констатировать наличие подлинного бардака... даже в еще большем масштабе, чем 15 лет назад!» [7, р. 718]. В принципе в его докладе не было ничего нового: бесконечное затягивание с разработкой новых систем оружия, необоснованная дороговизна их производства, несоответствие ТТХ произведенных образцов заказам и соответственно рекомендация по срочному исправлению «катастрофического положения».

Решение найдено

Конгресс рьяно взялся за дело. Наконец, были собраны воедино все предложения и рекомендации в области исправления ситуации в оборонной сфере. Была проведена целая серия слушаний должностных лиц и независимых экспертов. Как результат, сенатский комитет по делам вооруженных сил подготовил объемный на 645 страницах результирующий доклад «Оборонная организация: необходимость изменений», который содержал перечень практически всех проблем, стоящих перед вооруженными силами, и четкие предложения по их решению. На основе этого доклада был разработан законопроект, получивший название «Закон Голдуотера-Николса о реорганизации министерства обороны от 1986 года» (по фамилиям председателей комитетов по делам вооруженных сил сената и Палаты представителей соответственно), который вошел в историю как свидетельство плодотворной совместной работы исполнительной и законодательной властей США.

Изюминкой этого закона был комплекс обязательных к исполнению мероприятий в области совершенствования функций руководящих органов и лиц и упорядочивание звеньев непосредственного управления войсками, что вело к дальнейшей централизации в руководстве вооруженными силами в целом. Министру обороны предоставлялись большие полномочия в руководстве своим ведомством, в том числе в вопросах подбора исполнителей контрактов по производству ВВТ. Для этого вводилась специальная должность чиновника, тут же получившего кличку «Царь приобретений». В законе также предписывалось немедленное сведение всех правил по приобретению ВВТ для вооруженных сил в единый документ. Повышался статус председателя КНШ, который впервые в американской военной иерархии становился значительно выше начальников штабов видов ВС.

Этим, конечно, не ограничивался перечень «усовершенствований», но сам по себе примечателен факт в связи с тем, что содержание закона почти полностью перекликалось с рекомендациями, которые в свое время «выдала» Комиссия Фитцхью. Но теперь и в последующем закон и его положения по улучшению дел в оборонной сфере стали соотносить с «реформатором» Пакардом, сенатором Голдуотером и конгрессменом Николсом.

Новые проблемы

Казалось бы, можно спокойно вздохнуть и приступить к исполнению данного акта. Но жизнь преподнесла очередные «сюрпризы». Уже через год после принятия данного закона в министерстве обороны разразился очередной скандал, связанный с контрактами на приобретение систем ВВТ. На этот раз расследованием напрямую занялось министерство юстиции, следственные мероприятия которого получили весьма красноречивое название «Операция — неблагоприятный поворот». Выяснилось, что не только новые правила регулирования контрактной деятельности, но даже много лет до этого существовавшая «либеральная» практика заключения контрактов попросту игнорировалась официальными лицами Пентагона и промышленниками. Постоянно ставились «палки в колеса» управлению по обзору результатов тестирования и испытаний новых образцов ВВТ. К этому оказался причастен Уильям Перри, в прошлом сам член Комиссии Пакарда, старший менеджер управления МО по разработкам вооружений, и, что особо показательно, позже ставший вторым министром обороны в администрации Билла Клинтона [10, p. 12].

Законодатели, естественно, не могли оставаться в стороне от нарушений в недавнем прошлом принятого ими же законодательного акта, и сенат назначил серию дебатов по вопросу об «оптимизации» путей его исполнения. В качестве одной из мер улучшения ситуации с качеством приобретаемых для вооруженных сил ВВТ был предложен так называемый двухпартийный законопроект, автором которого явился сенатор-демократ от Арканзаса Дэвид Прайор. В соответствии с данным законопроектом, рассмотрению вопроса о том, какому контракту на разработку системы оружия отдать предпочтение, должен предшествовать конкурс главных оборонных контрактов. При этом предложения конкурирующих концернов и фирм должны зара-

нее подаваться в независимую комиссию в «запечатанных конвертах», что якобы исключит факты сговора промышленников и причастных к утверждению контрактов официальных лиц министерства обороны. Законопроект неожиданно встретил жесткое сопротивление не только со стороны бизнеса и причастных к приобретению ВВТ должностных лиц Пентагона, что, впрочем, было ожидаемо, но и в сенатском комитете по делам вооруженных сил. Члены комитета предложили целый ряд поправок к законопроекту, одни из которых Прайор назвал «косметическими», а другие просто недопустимыми, как выхолащивающими суть документа. Весьма показательна в этом плане была позиция сенатора-демократа от Род-Айленда Клейборна Пелла, который изначально принципиально был за законопроект. Однако при голосовании он высказался против, в кулуарах объяснив это тем, что расположенная в Коннектикуте верфь «Электрик боат», претендующая на строительство подводных лодок для ВМС, на которой работали в основном жители родного штата сенатора, в конкурентной борьбе могла бы не выиграть контракт, а сенатор — потерять поддержку избирателей [10, р. 13]. Как видно, все достаточно просто: главное — удержаться за место у кормила власти, а не интересы национальной обороны.

В комитете сената по делам вооруженных сил пытались «не дать хода» законопроекту, заявляя, что инициатива Прайора была «явно излишней», поскольку все необходимые для реализации предложения уже содержатся в Законе Голдуотера-Николса. Вообще сенаторы в большинстве своем считали, что не нужно размениваться на мелочи, а следует заниматься законами и контролировать осуществление уже узаконенных мероприятий «стратегического уровня». Но законопроект все же прошел и стал законом, хотя и лишь благодаря невероятным совместным усилиям влиятельных сенаторов, сплотившихся вокруг Прайора и массивного подключения к его утверждению средств массовой информации.

Импульс «сверху»

В соответствии с превалирующим в тот период в среде законодателей мнением о необходимости сосредоточиться на «проблемах высшего уровня», сенатский комитет по делам вооруженных сил открыл дебаты по разработанному при его участии проекту «Стратегии национальной безопасности». Слушания по

этому фундаментальному документу вылились в законодательно закреплённые рекомендации президенту и министру обороны, обязывающие их раз в четыре года докладывать конгрессу суть проводимой администрацией в жизнь стратегии в области обороны и конкретные планы ее реализации во всех областях, включая планируемые приобретения ВВТ. Почти сразу эти доклады приобрели форму документа системы стратегического планирования под названием «Четырёхлетний обзор» или «Всестороннего обзора состояния и перспектив развития вооружённых сил США».

Усиление внимания со стороны законодателей к Пентагону привело к неформальному подходу президентских администраций к контролю деятельности министерства обороны и его принципиальным отчетам относительно свершенного и планов на предстоящие годы. Первым данный документ подготовил министр Ричард Чейни из администрации Буша-старшего, впоследствии ставший вице-президентом у Буша-младшего.

Пришедшая в Белый дом в начале 1990-х годов администрация демократов во главе с Биллом Клинтонем продолжила исполнение указаний законодателей на этот счет. Клинтонский министр обороны, бывший конгрессмен Лес Эспин, известный как «оборонный реформатор», подготовил выдержанный в самокритичном духе документ — «Обзор состояния и развития вооружённых сил США на перспективу». Последовательно сменившие его на этом посту второй и третий клинтонские министры обороны Уильям Перри и Уильям Коэн представили каждый свое видение ситуации и предложения по ее улучшению.

Почти анекдотично, если бы не в самый канун трагических событий, сложилась ситуация с четырехлетним обзором главы военного ведомства из республиканской администрации Буша-младшего Дональда Рамсфелда. Дело в том, что в представленном им 10 сентября 2001 г. обзоре, т. е. за день до «мегатерактов», в качестве главной для страны фигурировала ракетная угроза, а проблемы терроризма были затронуты лишь вскользь. Естественно, меры по противодействию терроризму были экстренно включены в окончательную версию документа, но военный бюджет, как подчеркивает авторитетный американский эксперт У. Уилер, «продолжал фокусироваться на ПРО» [10, р. 14]. Информированная «Дифенс ньюс» в этой связи писала: «Пентагон откладывает рассмотрение насущных, хотя и трудно решаемых проблем. Более того, вообще нет признаков наличия предложе-

ний по изменению главных программ вооружений» [5, р. 1]. Но и в следующем рамсфелдовском обзоре в 2006 г. приоритеты деятельности военного ведомства не претерпели никаких изменений.

«Старые болячки»

После избрания в 2008 г. президентом страны Барака Обамы, представителя демократической партии, приоритеты в оборонном строительстве претерпели, как тогда казалось, «реалистичные» изменения. По крайней мере, и в первый, и во второй сроки исполнения президентских полномочий администрацией Обамы был сделан акцент на частичное свертывание «избыточных» глобальных военных обязательств Вашингтона, включая прекращение вмешательства в Ираке, а затем и Афганистане, и соответственно на снижение военных расходов как элемента общей политики экономии финансовых средств.

Но в то время как президент из года в год пытался протолкнуть непопулярные реформы, намереваясь выгадать миллиард-другой в госбюжете, корпорации продолжали методично навязывать Пентагону ВВТ, в которых тот не испытывал особой нужды. И «заботой об обороне» «странным образом» вдруг обеспокоились законодатели, причем от обеих партий. Им, как оказалось, виднее, что нужно вооруженным силам. Реально же препятствуя закрытию производств избыточных и устаревших вооружений в своих штатах, сенаторы и конгрессмены, не стесняясь, говорили о намерении сохранить малый бизнес и рабочие места в избирательных округах безотносительно того, что производит персонал на продолжающих функционировать предприятиях. Бизнес, естественно, был на стороне законодателей и, по всей видимости, небескорыстно. Другими словами, в очередной раз так и неизжитая в предыдущие годы коррупционная составляющая системы контрактирования и выделения бюджетных средств на приобретение имущества для вооруженных сил оказалась сильнее «благих намерений» реформаторов. Иллюстрацией этому могут служить три характерных примера.

Первый касается начатой в 2001 г. еще в бытность президентом Бушем-младшим программы создания универсального ударного истребителя пятого поколения, позже получившего индекс F-35, который американские СМИ не без «подсказки» лоббистов окрестили «чудом техники 21-го века». Изначально

предполагалось построить более трех тысяч машин в трех версиях: с обычным взлетом, укороченным и вертикальным. Однако чуда не получилось. После бесконечных миллиардных долларовых «вливаний» в «доработку» самолета было решено, наконец, разобраться с тем, почему им не довольны те, для кого этот самолет предназначен, т.е. ВВС, ВМС и морская пехота США. После соответствующего расследования Управление по обзору тестирования и испытаний новых образцов ВВТ Минобороны США опубликовало закрытый доклад, попавший на страницы прессы. Выяснилось, что машина вследствие ошибок конструкторов явно недотягивает до авиакомплекса пятого уровня. У всех версий отмечена ненадежная работа бортовой электроники, недостаточная маневренность на больших скоростях и при перегрузках, слабый двигатель, малый боевой радиус и др. Разработка, обошедшаяся налогоплательщикам США в астрономическую сумму, признана американскими же специалистами «стратегическим провалом». Упомянутый эксперт У. Уилер пишет: «... это гигантская неудача на крыльях, а в некотором отношении даже шаг назад. С самолетом можно сделать только одно — выбросить в корзину!» [11].

По открытым данным бюджет военного ведомства США содержит еще как минимум два столь же неподъемных проекта. Первый из них — так называемый корабль прибрежной зоны. За время разработки проекта его цена уже удвоилась и на конец 2011 г. составляла 440 млн долл. По оценкам экспертов, корабль еще не был спущен на воду, но опять проявились «ошибки конструкторов»: недостаточная прочность корпуса и явно неэффективное вооружение [12].

И наконец, третий проект, на общую сумму в 0,5 млрд долл., относящийся к закупке «глубоко модернизированных» тяжелых танков М1 «Абрамс» стоимостью 7,5 млн долл. каждый. В данном случае негатив сделки Пентагона и корпорации «Дженерал дайнемикс» заключается не столько в запредельном весе (70 т) и неповоротливости на поле боя данной машины, сколько в ее абсолютном несоответствии нынешней национальной военной стратегии США, которая ориентирует ВС на подготовку к войне не с канувшим в лету СССР и Варшавским договором, а в конфликтах ограниченного масштаба с полупартизанскими формированиями в различных удаленных уголках мира.

Перечень примеров «неадекватных» совместных проектов промышленных корпораций и военного ведомства США, активно проталкиваемых законодателями, естественно, этим не

ограничивается. В оправдание американских военных нельзя не отметить факт порой звучащих из их уст просьб к гражданским руководителям и законодателям переориентировать денежные потоки на решение более насущных проблем вооруженных сил, таких, например, как боевая подготовка и обучение личного состава. Но слабо звучащий голос военных в принципе не может быть услышан в вашингтонских коридорах власти, особенно в конгрессе, где явно просматривается «нерушимая связка» законодателей и военно-промышленных корпораций. Глава администрации Б. Обама обрушился с резкой критикой на конгрессменов и пентагоновских чиновников, причастных к трате громадных средств на ВВТ, не только избыточных для обороны, но и не соответствующих требованиям сегодняшнего и тем более завтрашнего дня. Ему в ответ эксперт Уилер, назвавший в связи с этим военное ведомство США «наиболее слабо управляемым федеральным агентством», с сожалением заключает, что после окончания Второй мировой войны, несмотря на многочисленные случаи участия американских войск в вооруженных конфликтах, не произошло кардинальных изменений в такой важной области поддержания военного потенциала страны на соответствующем уровне, как система приобретения оружия в целом [10, p. 14].

В итоге, видимо, нельзя не согласиться с теми дальновидными американскими аналитиками, которые предложили расширить содержание угрозы демократии в США, сформулированной в свое время президентом Эйзенхауэром, за счет включения в него «законодательной составляющей» — «военно-промышленно-конгрессовский комплекс».

В последнее время внимание общественности в США сосредоточено на обсуждении в прессе и в специализированных изданиях вопросов о преобразованиях в военной сфере. По мнению многих, необходимо адаптировать ВС к требованиям современности. Между тем вопросам оптимизации путей национального военного строительства в США всегда отдавался приоритет в работе, как должностных лиц, так и независимых военных аналитиков, особенно на переломных этапах исторического развития американского государства. В последние десятилетия там даже сформировалось некое неформальное сообщество так называемых реформаторов, т. е. тех, кто обеспокоен частыми провалами американской военной машины и вступил на тернистый путь поиска приемлемых вариантов для реформирования военной организации страны, причем во всех ее аспектах.

Первые импульсы

Некоторые аналитики считают началом «движения реформаторов в военной сфере» публикацию статьи сенатора-демократа Гэри Харта, аргументирующую срочную необходимость проведения реорганизации военного ведомства страны, опубликованную зимой 1981 г. и благодаря которой якобы резко возрос интерес в первую очередь законодателей к данному вопросу. Другие специалисты, в том числе американский авторитет в области теории и практики военных реформ Уинслоу Уилер, полагают, что импульсом к совместной работе независимых экспертов, правительственных чиновников и законодателей по преобразованиям в военной сфере стала «весьма смелая» по тем временам аналитическая записка ныне всеми забытого полковника ВВС, подготовленная им весной 1967 г. и «случайно просочившаяся на свет», которая содержала аргументированную критику Пентагона, конгресса и соответствующих кругов бизнеса относительно «запредельных трат» на строительство «сверхтяжелого,

не прошедшего достаточных испытаний и просто не нужного ВВС самолета» [8, р. 21].

Именно эта необычная по тем временам записка, ставшая достоянием гласности и наделавшая много шума, спровоцировала энтузиастов, «радеющих за благое дело», выйти из тени и, не боясь последствий, начать непримиримую борьбу с бюрократами и коррупционерами от военно-промышленного комплекса и к нему «приблизженными» военными и государственными чиновниками.

Пионеры «реформаторства»

Одним из таких подвижников был на рубеже 1960–1970-х годов майор ВВС Джон Бойд, впоследствии ставший в ряд неформальных лидеров «реформаторского движения» в США. В те годы многомиллиардных вливаний в вооруженные силы, день ото дня все глубже погружавшихся в трясину Вьетнамской войны, надо было обладать определенным мужеством, тем более человеку в форме, чтобы открыто заявить своему руководству о том, что оно «впустую тратит деньги», как это сделал Бойд. Его поступок не остался незамеченным. По своей инициативе на майора вышел известный в те годы «критик Пентагона» гражданский эксперт Пьер Спрей, который высоко оценил интеллектуальные способности визави. Они стали соратниками в методичной работе по навязыванию законодателям и военной верхушке принципов «правильного» ведения бизнеса в военно-промышленном комплексе. Забегая вперед, подчеркнем, что, как указывает У. Уилер, именно Бойду и Спрею прежде всего обязаны американские ВВС и ВМС тем, что на их вооружение в свое время поступили «самые успешные со времен Корейской войны самолеты — F-15, F-16, F-18 и штурмовик A-10». А ведь лоббисты от этих видов ВС, продолжает Уилер, приложили немало усилий, чтобы навязать вооруженным силам другие менее совершенные, но «кому-то» выгодные разработки [8, р. 21].

Бойд по-настоящему прославился благодаря циклу лекций, посвященных оптимизации различных направлений военного строительства, в том числе в области военных технологий, в частности, управлении, связи, разведки, а также в более широком плане — вопросах стратегии, методах и способах ведения современного боя. Парадоксально, но Бойд так и не свел свои взгляды в единый аналитический труд, а лишь написал

многочисленные лекции, статьи, эссе, которые его последователи уже после смерти «реформатора» в середине 1990-х годов собрали и опубликовали, в том числе в нескольких брошюрах, посвященных этому неординарно мыслящему офицеру. Игравшие не последние роли в американском военно-политическом истеблишменте в те годы умудренный опытом конгрессмен-республиканец Ньют Гингрич и восходящая звезда республиканской партии конгрессмен Ричард Чейни провели многие часы в беседах с Бойдом и Спреем, черпая из их интеллектуального багажа свежие «реформаторские» идеи.

Бойда, получившего такую авторитетную поддержку, оказалось трудно «свалить» даже появившимся «вдруг» его многочисленным недругам из верхушки военно-промышленного комплекса. В 1973 г. в звании полковника ВВС он был не без протекции, переведен в Пентагон. В его подчинении оказался другой неординарный мыслитель Франклин Спинни, уволенный из этого же вида ВС «за строптивость» в звании капитана (а теперь простой гражданский чиновник), — с которым они быстро нашли точки соприкосновения.

Ф. Спинни при поддержке Спрея и Бойда на рубеже 1970—1980-х годов опубликовал сделавший его имя известным общественности самостоятельный аналитический труд «Оборонные факты жизни», а затем в 1983 г. и его продолжение, на кратком содержании которых есть резон вкратце остановиться.

Жесткий подход

Прежде всего широким кругам заинтересованных лиц впервые были «открыты» нюансы некачественной работы механизма приобретений военным ведомством ВВТ: непрактичная сложность разрабатываемых систем, нереалистичность бюджетного планирования поставок ВВТ, неотработанность вопросов оценки их стоимости, неоправданный, опережающий бюджетные вливания рост стоимости вооружений и т. п.

Особенно возмутительным, по мнению Спинни, являлся факт скрытого от контроля процесса принятия решений о приобретениях, корректировки программ через неоправданный пересмотр бюджета в сторону дополнительных ассигнований. Абсолютно неприемлемой считал автор практику политического давления, после утверждения программ, с целью подключения к их выполнению массы субподрядчиков «по числу конгрес-

совских выборных округов». В связи с тем, продолжал Спинни, что реальная цена той или иной системы оружия становилась известной только после наступления фазы производства, неизбежно возникала потребность в новых долларовых вливаниях. Получался порочный круг: большее количество денег только усугубляло ситуацию, ускоряя рост цен и в конечном счете понижая боеготовность ВС. На все это накладывалась проблема, связанная с путаницей с перетеканием средств из предыдущего бюджета, ориентированного на одну стоимость системы, в новый бюджет, сформированный исходя из трудно прогнозируемого «скачка цен». В конечном итоге налицо было искусственное «недофинансирование» и... новые ассигнования.

По мнению Спинни, существенно страдала и система раннего тестирования оружия, предлагаемого к приобретению министерству обороны. Во многих случаях искусственно заниженные требования к системам ВВТ приводили к тому, что министерству предлагалось безальтернативное оружие по завышенным ценам, которое на практике оказывалось хуже предшественника. В качестве примера он приводил истребитель-бомбардировщик F-111, который оказался настолько неудачным, что после нескольких лет эксплуатации в войсках вообще был снят с вооружения.

В связи с этим автор настоятельно требовал от «покупателей» оружия в Пентагоне понять тривиальную истину: есть существенная разница между так называемыми высокими технологиями в гражданском и военном понимании этого термина. В первом случае результатом внедрения новых технологий продукция становится более простой по исполнению и дешевой. Пример — цветные телевизоры соответственно 1950-х и 1980-х годов. Во втором случае оборудование обычно получается более сложным и дорогостоящим и не всегда лучше предшественника [6]. Спинни вскрыл и другие весьма полезные факты, которые просто не могли не заинтересовать соответствующие инстанции.

Незамаскированное противодействие и поддержка

Исследование «Оборонные факты жизни» привлекло внимание сенатора-«тяжеловеса» Сэма Нанна, который обратился к министру обороны из тогда еще картеровской «команды» Гарольду Брауну разрешить Ф. Спинни выступить перед сенаторами с изложением своего видения путей решения оборонных проблем. После некоторых колебаний глава военного ведомства

дал согласие. Выступление Спинни имело успех, в связи с чем ему было предложено подготовить аналитическую записку с кратким изложением сути проведенного исследования, которая, однако, оказалась невостребованной как у законодательной, так и у исполнительной властей.

Продолжение исследования, опубликованное через несколько лет, также было встречено «в штыхы» в высших эшелонах власти в Вашингтоне и даже обвинения в адрес автора в том, что он, мягко говоря, «преувеличивает» остроту проблем. Но и на этот раз исследование вызвало интерес, в частности, у одного из влиятельных сенаторов Чарльза Грэсли (республиканец от Айовы), который решил отправиться в Пентагон, чтобы лично заслушать Спинни. Но встреча не состоялась, так как начальник Спинни попросту не дал санкцию на контакт. Возмущенный сенатор потребовал публичных слушаний по поднятым Спинни проблемам в бюджетном комитете сената, членом которого являлся Грэсли. Однако известный «друг Пентагона» сенатор-республиканец от Техаса Джон Тауэр, он же председатель сенатского комитета по делам вооруженных сил, пустился на различные, последовательно «вбрасываемые» ухищрения, чтобы не допустить выступления Спинни: выдвинул требование о получении на это официального разрешения своего комитета; предложил провести заслушивание в пятницу после обеда в надежде, что пресса проигнорирует это мероприятие; добился выделения для заслушивания небольшой аудитории, чтобы не осталось места для телеоборудования; настоял на совместном заседании обоих комитетов сената. Но получился, что называется, обратный эффект. Благодаря организованному сенатором Грэсли и его аппаратом «просачиванию» в СМИ информации о неблагоприятных «маневрах» Тауэра к докладу Спинни оказалось приковано повышенное внимание общественности, а тема злоупотреблений в Пентагоне вообще вышла на первые страницы прессы.

Разоблачители-инициативники

Немногим ранее Бойда и Ко на арену борьбы с злоупотреблениями в военной сфере в инициативном порядке вышел еще один будущий член «реформаторского движения» специалист по финансам из ВВС Эрнест Фитцджеральд, на рубеже 1960–1970-х годов по заданию конгресса подготовивший отчет

о финансировании программы создания транспортного самолета С-5А, в котором доказал очевидный перерасход средств, выделенных на этот проект. Администрация президента Р. Никсона, для которой С-5А был козырем в реализации стратегии быстрого наращивания группировки американских ВС в Европе при чрезвычайных обстоятельствах, восприняла работу Фитцджеральда, как «удар в спину». В результате в довольно грубой форме он был уволен, но после нескольких месяцев судебных тяжб вновь восстановлен на работе. Несправедливое с ним обращение лишь стимулировало Фитцджеральда к новым разоблачениям. Именно ему принадлежало авторство вскрытия многочисленных переplat в Пентагоне за заказанные у промышленности, казалось бы, обычные вещи: сидения для унитазов более чем полтысячи долларов за штуку (для ВВС), кофеварки по 7,5 тыс. долл. (для ВМС) и др. Его многочисленные разоблачительные публикации, собранные затем в отдельный сборник, пользовались большим успехом в обывательской среде, но вызывали негодование в высших военных и промышленных кругах [3]. До своего все же неизбежного увольнения, которое последовало в 1985 г., Фитцджеральду удалось внести определенный вклад в общее дело энтузиастов-«реформаторов» и заставить власти предпринимать реальные меры по оптимизации функционирования военной машины страны.

На рубеже 1970–1980-х годов прославился своими разоблачениями злоупотреблений еще один «реформатор» — гражданский чиновник Чарли Мэрфи, работавший в тот период в аппарате конгрессмена-республиканца от штата Аризона Джека Эдвардса. Его заинтересовало «отсутствие должного порядка» в системе поставок ВВТ, в частности, информация о том, что в некоторых частях ВВС специалисты сталкиваются с проблемой некачественных двигателей для новейшей по тем временам и весьма достойной разработки — самолетам F-15. На официальный запрос руководство ВВС ответило, что «никаких проблем с двигателями F100 для F-15 не отмечено». Заручившись рекомендацией своего босса, Мэрфи посетил несколько авиабаз, где ему «доброжелатели» посоветовали связаться с командой «реформаторов» из пентагоновского управления анализа и оценок программ и лично с Бойдом, Спинни и Спреем, уже получившими к тому времени «скандальную известность», но продолжавшими работать в военном ведомстве. После консультаций с ними и совета во избежание в последующем обвинений в «некомпетентности» и «преувеличении проблем» лично вникнуть

в суть дела, Мэрфи погрузился в доскональные исследования. В результате он выяснил, что двигатели дают сбой по причине изношенности деталей, которые вовремя не заменяются из-за дефицита запчастей. Попутно он обнаружил ту же проблему и с самолетами авианосной авиации.

Инициированные конгрессменом Эдвардсом слушания по результатам расследования Мэрфи существенно подточили репутацию президента-демократа Картера и его команды в год выборов (1980) как «некомпетентной в военных делах» и не в последнюю очередь обеспечили их проигрыш республиканцу Рейгану, обещавшему в ходе предвыборной кампании в качестве отдельного пункта «решить раз и навсегда проблему с запчастями для ВВТ».

Мощным «толчком» в продвижения идей реорганизации военной машины страны в целом стало присоединение в 1979 г. в неформальной группе «реформаторов» Джеймса Фоллоуса, влиятельного в политической среде Вашингтона аналитика, бывшего в прошлом спичрайтером президента Картера. На волне критики Пентагона ему была заказана журналом «Атлантик мансли» статья о злоупотреблениях в военно-промышленном комплексе. Естественно, он не мог пройти мимо Джона Бойда, рекомендации которого помогли сделать нашумевший материал на тему, почему, несмотря на феноменальные расходы на оборону, США в последние десятилетия постоянно проигрывают на полях сражений. Но более значимым вкладом в борьбу «реформаторов» с Пентагоном стала книга Фоллоуса «Национальная оборона», которая выдержала несколько изданий весьма значительным тиражом и фактически вывела «реформаторское движение» на национальную сцену политики [2].

СМИ в наступлении

Выше указывалось, что важную роль в будораживании общественности и соответственно властей относительно, мягко говоря, «неблестящего» положения в оборонной сфере страны, сыграли острые публикации в СМИ материалов, причем не только за авторством независимых энтузиастов-«реформаторов». Среди журналистской братии также было немало людей, которые, кто по меркантильным, кто «патриотическим» соображениям, стремились довести до общественности и властей информацию о недостатках в ВПК и предложить методы решения проблем.

Среди последних в наиболее критический «поствьетнамский» период истории страны выделялась Дина Рэйзор, которая начала свою «разоблачительную» деятельность на рубеже 1970–1980-х годов в качестве корреспондента электронных СМИ. В поисках «горячего» материала в данной области она случайно натолкнулась на проблемы, связанные со строительством супертяжелого транспортного самолета С-5А компании «Локхид» и пришла к тем же выводам, что и упоминавшийся ранее Фитцджеральд: перерасход средств, выделенных на данный проект. Фитцджеральд, естественно, был обрадован «неожиданному» подтверждению своего заключения и предложил Рэйзор свои услуги, в частности, связав ее с группой Бойд-Спрей-Спинни, которые тут же организовали ей поддержку в сенате со стороны сенатора Грэсси и его аппарата, а также в Палате представителей — со стороны конгрессмена-демократа от Калифорнии Барбары Боксер и ее аппарата.

Рэйзор была предложена новая тема: «взять под контроль» программу создания нового основного боевого танка М1 «Абрамс», в отношении качества которого у независимых специалистов возникло много вопросов. По результатам проведенного расследования в журнале «Ризон» была помещена статья за ее подписью, в которой подчеркивалось, что этот танк не проходил серьезных испытаний, а результаты «щадящего» тестирования не только не анализировались специалистами, но об их существовании вообще не знали в соответствующих структурах Пентагона [5, р. 19–28]. Естественно, в руководящих инстанциях сухопутных войск эту информацию тут же опровергли. Но на эту статью обратил внимание сенатор-демократ Дэвид Прайор, который «по случайному стечению обстоятельств» как раз занимался разработкой законопроекта о реорганизации системы тестирования заказываемых Пентагоном ВВТ. Консультации сенатора с Рэйзор и ее покровителями Бойдом и Ко во многом помогли подготовке качественного законопроекта, ставшего, не без коллизий, законом, который, как метко указал У. Уилер, «просто возненавидел ВПК!».

Законодатели «выходят на сцену»

Между тем количество критических выступлений относительно «непорядка» в Пентагоне и ВПК в целом и необходимости проведения кардинальных реформ в национальной военной

организации переросло в «критическую массу», которая вот-вот могла взорваться с самыми непредсказуемыми последствиями для всего американского общества. Это понимали наиболее дальновидные представители законодательной власти.

Сенатор-демократ Гэри Харт в январе 1981 г. во влиятельной «Уолл-стрит джорнал» опубликовал мощную, во многом программную статью «Дело о военной реформе», в которой не только вскрыл порочность многих традиционных методов управления Пентагоном, но и попытался указать направления выхода из, казалось бы, окончательного тупика, в который зашло развитие американского военного ведомства [4]. Данная статья, хотя и произвела сильное впечатление на американскую общественность, вместе с тем была лишь очередным этапом в укреплении позиций «реформаторов» в их борьбе за «наведение порядка» в военной организации США. Но она, наконец, затронула за живое тех законодателей, которые понимали, что время для «подвижек» пришло.

Конгрессмен-республиканец от Вирджинии Уильям Уайтхерст оперативно связался с Хартом и договорился с ним о необходимости объединения членов конгресса, заинтересованных в кардинальных преобразованиях военной организации страны, в некую неформальную группу, которая позже получила название Закрытое общество конгресса по военной реформе или просто — «Общество». Была достигнута договоренность о том, что неформальными сопредседателями «Общества» будут представители от обеих палат конгресса — от сената (Харт) и от Палаты представителей (Уайтхерст). После длительных подготовительных мероприятий, наконец, в середине мая 1981 г. состоялось первое заседание этого своеобразного органа. (Забегая вперед, подчеркнем, что в различные годы членами «Общества» числились до полутора сотни членов конгресса из обеих палат.) На данном заседании среди прочих влиятельных законодателей присутствовали и приняли активное участие в работе три «тяжеловеса»: Сэм Нанн от Джорджии (главный авторитет среди законодателей по оборонным вопросам); Билл Коэн от Мэн (министр обороны в 1996 г.); Джон Уорнер от Вирджинии (председатель сенатского комитета по делам вооруженных сил в 1999 г.). Как и ожидалось, первое заседание прошло сумбурно, затронув в беспорядке сразу массу проблем — от строительства «не тех» кораблей для ВМС, «абсолютно неэффективных истребителей» для ВВС до «неадекватных требованиям современности» формирований сухопутных войск. Примечательно, что на

этом заседании прозвучал и получивший впоследствии широкое звучание тезис о том, что «каждый из видов ВС готовится к своей собственной войне» [8, р. 19].

После того, как работа «Общества» упорядочилась, возник естественный вопрос о цели этой неформальной организации. После недолгих дебатов было решено добиться от руководства страны проведения «военной реформы». Именно с этого момента данный термин прочно закрепился на страницах прессы, а члены «Общества» активизировали свою деятельность с целью перехвата инициативы (и «славы») у «реформаторов»-энтузиастов.

Первым делом было предложено провести презентацию программы данной неформальной организации специально для членов обеих палат конгресса. На презентационном мероприятии докладчики высветили три глобальные задачи, которые требовали своего немедленного решения: во-первых, улучшения морального климата в войсках после нескольких лет «разложения» как следствие поражения во Вьетнаме, в том числе путем существенного повышения уровня заботы государства об уволенных с военной службы; во-вторых, проведение целенаправленных исследований в области стратегии и тактики применительно к войнам будущего, чтобы «не повторять превращение борьбы на поле боя в болезненное кровопролитие»; в-третьих, кардинальный пересмотр требований к заказам вооружения и военной техники для резкого повышения их качества перед лицом угрозы нивелирования ожидаемых достижений на моральном поприще и в развитии военной теории [8, р. 20].

Упомянувшийся ранее эксперт в области военных реформ У. Уилер вспоминает о том, что многих наблюдателей уже тогда насторожил тот факт, что особую «прыть» в подготовке документов для презентации и самой презентации продемонстрировал лишь член аппарата сенатора Харта Билл Линд, тогда как формальные члены «Общества» — законодатели не проявили особой заинтересованности в, казалось бы, основополагающем мероприятии [8, р. 21].

Смена руководства

И все же первые два года функционирования «Общества» были ознаменованы высокой активностью его ядра, численность которого колебалась в пределах 10–12 человек. Сопред-

седатели Харт и Уайтхерст постоянно проявляли инициативу, чтобы «расшевелить» законодателей. Их весьма активно поддерживал авторитетный в среде законодателей Ньют Гингрич. Но постепенно энтузиазм «испарился» и у многих его основателей. В этих условиях главный помощник Харта, член его аппарата Б. Линд рекомендовал своему шефу передать функции сопредседателя от сената другому подходящему кандидату. Выбор пал на Нэнси Л. Кассебаум, сенатора-республиканца от Канзаса, которая уже привлекла к себе внимание «реформаторов» тем, что в ходе обсуждения очередного бюджета выступила с интересными предложениями, выдержанными в «реформаторском духе». Несмотря на то что она не была членом «Общества», предложение стать сопредседателем ее заинтересовало, тем более, что и альтернативы не было. Кассебаум стала сопредседателем от сената и активно включилась в работу. В этот же период вошла еще одна «реформаторская звезда» — ее ближайший помощник У. Уилер, который с тех пор и по настоящее время является признанным лидером неформального «реформаторского движения за позитивные изменения в военной организации США». В скором времени этой связке сторонников реформ представился случай проявить себя.

Успех окрыляет

Весной 1983 г. в конгрессе обострились противоречия между законодателями вокруг так называемого Закона Прайора, вводящего в практику новые, весьма жесткие правила оценки образцов ВВТ, предлагаемые военному ведомству для приобретения. Положения закона не устраивали как представителей ВПК, так и связанных с ним некоторых влиятельных должностных лиц из исполнительной, а также законодательной ветвей власти. Особое рвение при этом показали замминистра обороны Ричард Деллауэр, упоминавшийся влиятельный сенатор-республиканец Джон Тауэр, а также примкнувший к ним сенатор-республиканец от Канзаса Роберт Доул, которые под видом «некоторых улучшений» попросту пытались «выхлостить» саму суть данного закона. Сюрпризом для «реформаторов» стало то, что сменивший Уайтхерста в 1982 г. на посту сопредседателя Общества от Палаты представителей республиканец от Нью-Джерси Джеймс Картер, как показал дальнейший ход событий, хотя публично и ратовал за закон, на деле помогал оппонентам «смягчить»

наиболее чувствительные его положения. Более того, в конце концов он предложил свою версию закона, что предполагало вынесение его на слушания в согласительной комиссии конгресса. Вот тут себя и показали «реформаторы», объединенными усилиями с привлечением прессы склонили на свою сторону авторитетного Сэма Нанна, за которым пошло большинство законодателей. Закон вступил в силу в 1984 финансовом году. Это была осязаемая победа сообщества «реформаторов», как из числа законодателей, так и независимых.

Благодаря отзывам в прессе и позитивным комментариям инициатив, выдвигаемых «реформаторами»-законодателями, стало престижным быть членом «Общества». Однако к большому негоднованию независимых «реформаторов», зачастую формальным членством в этой организации «работа» сенаторов и конгрессменов и ограничивалась. Ярким примером могла служить «деятельность» (а, вернее, бездеятельность) сенатора-республиканца от штата Мэн Уильяма Коэна, позже, кстати, ставшего министром обороны, который публично заявлял о своем желании стать членом «Общества», но после вступления в него практически ни разу не присутствовал на заседаниях и даже постоянно оппонировал инициативам «реформаторов».

Утраченные иллюзии

Успех с «продавливанием» Закона Прайора вскружил голову некоторым «реформаторам», которые решили, что теперь так будет и впредь. Но они явно поторопились.

Влиятельный пентагоновский аппаратчик, бывший член «команды» Линдона Джонсона «Док» Кук, известный в военном ведомстве под кличкой «Мэр Пентагона», не без помощи лоббистов от ВПК подготовил инструкцию, смысл которой сводился к тому, как обойти «неудобные» положения закона. Вовремя узнав об этом, сенаторы Прайор, Кассебаум и Рот обратились к министру обороны К. Уайнбергеру с требованием немедленно аннулировать инструкцию и беспрекословно выполнять закон.

Когда встал вопрос о поиске подходящей кандидатуры на пост чиновника, отвечающего за контроль тестирования ВВТ в Пентагоне, сенатор Кассебаум по рекомендации У. Уилера предложила действующего полковника ВВС Джеймса Бартона, принципиального и знающего проблему офицера, помогавшего в подготовке законопроекта Прайора. Бартон прославился тем,

что, лично вмешавшись в процесс испытаний новой боевой машины пехоты (БМП) «Бредли», заблокировал дальнейшее продвижение в производство ее «необкатанной» модели. Позже, когда в 1991 г. американские сухопутные войска разворачивались в зоне Персидского залива на стадии подготовки к операции «Буря в пустыне», командующий коалицией генерал Н. Шварцкопф, знакомый с проблемой «Бредли», распорядился отправить назад в США всю партию первой модификации этой БМП и заменить их на те, что рекомендовал Бартон [1].

Показательно, что аппарат министра обороны сделал все возможное и невозможное, чтобы не только не пропустить кандидатуру Бартона на этот «чувствительный» для ВПК пост, но и через свои связи в руководстве ВВС вынудил полковника уволиться из вооруженных сил. Сенатор Кассебаум в этих условиях оказалась бессильной что-либо сделать, и пост начальника управления тестирования и испытаний новых образцов ВВТ Минобороны занял представитель корпорации «Макдоннел-Дуглас». Назначение этим представителем ВПК действующих офицеров от видов вооруженных сил главными контролерами испытаний спонсируемых этими же видами ВС вооружений тут же негативно сказалось на качестве испытаний.

Разочарования

Наступил период стагнации. Некоторые конгрессмены из числа «реформаторов» все еще пытались предложить ряд законопроектов для улучшения ситуации с приобретением ВВТ, но они так и не стали законами. «Общество» проигрывало одну «битву» за другой. А тем временем, едко подметил У. Уилер, те высшие должностные лица Пентагона, которые отвечали за приобретения якобы качественного оружия у корпораций, после увольнения продолжали спокойно «перемещаться» на не самые низкие должности в те самые корпорации [8, р. 48].

Конечно, нельзя сказать, что дело «реформаторов» заглохло совсем. Они продолжали писать разоблачительные статьи, как, например, это делал почти непрерывно на рубеже 1980–1990-х годов Спинни, превратившийся в авторитетного эксперта по делам злоупотреблений в Пентагоне. Однако одни и те же темы, подкрепляемые одними и теми же цифрами уже, казалось, приелись, становились малоинтересными для читателя и постепенно перекочевали на последние страницы изданий. Главный

же негатив состоял в том, что утрачивалась связь независимых «реформаторов» с «реформаторами»-законодателями. Это четко осознали чиновники от ВПК, которые стали открыто игнорировать, а то и третировать того же Спинни.

Более того, оппоненты «реформаторов» попытались перехватить инициативу, развернув кампанию в СМИ по их дискредитации. Так, на страницах «Вашингтон таймс» даже появилась отдельная «колонка» за подписью Фреда Рида, который осенью 1987 г. из номера в номер пытался убедить читателей в некомпетентности и технической безграмотности «реформаторов».

Почувствовав угрозу делу, которому они посвятили годы жизни, Джон Бойд и Пьер Спрей вышли на членов «Общества» конгрессменов Чарльза Беннета (демократ от Флориды) и Тома Риджа (республиканец от Пенсильвании) в попытке вновь возбудить активность «реформаторов» из числа законодателей и защитить их от нападков оппонентов. Однако конгрессмены не показали особой заинтересованности в предмете разговора и заявили, что «не стоит обращать внимания на мелкие насочки недоброжелателей». К тому времени сопредседатель «Общества» со стороны Палаты представителей Барбара Боксер (демократ от Калифорнии) постаралась смягчить ситуацию. Но тут грянула «победоносная» «Буря в пустыне», которая дала шанс «ура-патриотам» заявить о своей правоте и «заблуждениях реформаторов». Связь между «реформаторами»-энтузиастами и законодателями оказалась прерванной. Барбаре Боксер не оставалось ничего иного, как объявить о том, что «Закрытое общество конгресса по военной реформе, выполнив миссию, прекращает свою деятельность» [8, p. 52].

«Клуб-конгресс»

Вообще, с точки зрения Уинслоу Уилера, работа «Общества» в целом могла бы быть более продуктивной. Безусловно, не последнюю роль в этом сыграли по сути коррупционные связи некоторых членов конгресса из обеих палат, входивших в состав данной организации, с влиятельными корпорациями ВПК. Принцип «прикипания» к власти также никто не отменял. Желание в очередной раз быть избранным в конгресс заставляло его членов изворачиваться так, чтобы понравиться избирателю. А проще всего это было сделать путем публичной «борьбы» за права «своего» населения, в том числе за сохранение рабочих

мест, даже ценой продолжения производства некачественного и ненужного оружия в своем избирательном округе. Как считает Уилер, нельзя и недооценивать фактор зависимости тех же законодателей от складывавшихся многие десятилетия своего рода «клубных традиций», характерных скорее для всякого рода тайных обществ, но оказавшихся приемлемыми и для конгресса, где входящие в него члены повязаны по рукам некими обязательствами «корпоративности», которые недопустимо нарушать. На эти мысли Уилера навели вышеизложенные, а также следующие примеры.

Первый связан с упоминавшейся Барбарой Боксер, которая показала себя «реформатором»-активистом в середине 1980-х — начале 1990-х годов. Воспользовавшись информацией журналистки Дины Рэйзор о злоупотреблениях, в частности в ВВС, она приложила немало «реформаторских» усилий, заставивших «прийти в движение» Палату представителей. Более того, на волне своей проявившейся популярности ей даже удалось избраться в сенат. Но после этого «реформаторский пыл» Боксер резко пошел на убыль. Уже в начале 2000-х годов, когда та же Рэйзор предложила ей конструктивное сотрудничество в расследовании фактов злоупотреблений в одном из производственных комплексов, она отказала, не постеснявшись намекнуть на то, что речь идет о Калифорнии, от которой она и избралась в законодательный орган страны.

Второй пример касается упоминавшегося сенатора Коэна, который сам редко посещал заседания «Общества», но представители аппарата которого неизменно присутствовали на них. В начале 1984 г. в различных комитетах конгресса шло активное обсуждение новейшей по тем временам технологии «Иджис», которая должна была быть внедрена в строящийся в родном для сенатора штате Мэн по заказу ВМС крейсер «Тикондерога». Несмотря на вскрытые очевидные недостатки этой системы, в частности, малую эффективность управления оружием по низколетящим целям, и требование конгрессмена-республиканца Д. Смита (от штата Вашингтон) о проведении дополнительных испытаний, Коэн и его команда приложили беспрецедентные усилия, чтобы «проташить» систему, попутно обвинив конгрессмена в некомпетентности.

На мысль о тесных «корпоративных связях» законодателей Уиллера натолкнул инцидент, участником которого он был сам. Так, в 1984 г. неожиданно возникли трения между сенатором-«реформатором» Нэнси Кассебаум и жестким защитником

Пентагона сенатором Барри Голдуотером вокруг расследования поставок для ВВС Национальной гвардии некачественных двигателей для самолетов F-4, оставлявших недопустимый по тактико-техническим требованиям мощный инверсионный след. Накануне слушаний по данной проблеме в сенате Голдуотер демонстративно начал рыться в бумагах на столе временно отсутствовавшей Кассебаум, которой предстояло выступить с основным докладом с разоблачениями причин закупок некачественных двигателей. Поставив Кассебаум в известность о бесцеремонном поведении ее оппонента, к своему изумлению Уиллер обнаружил полное безразличие к этому дамы-сенатора и, более того, значительное смягчение формулировок в докладе, в подготовке которого он принимал непосредственное участие. Позже Кассебаум откровенно заявила, что в ее планы не входила ссора с влиятельным коллегой-сенатором.

В те годы аналогичные истории случались со многими программами по разработке ВВТ. Например, такими, как по бомбардировщику B-1B, самолетной пушке «DAVID», ПТУР «Вайпер», управляемому артиллерийскому снаряду «Коперхед» и др. И всегда на их яростную защиту вставал кто-нибудь из законодателей, несмотря на то, удовлетворяли они первоначально предъявляемым требованиям к их характеристикам или нет. На финальной стадии принятия решений, как правило, законодатели-оппоненты обычно резко смягчали свои претензии в угоду коллегам, совершенно забывая о «реформаторстве».

Опять застой?

Отсутствием какого-либо конструктивизма в деле преобразований в военной сфере, по мнению независимых «реформаторов», отличался период нахождения у власти республиканской администрации во главе с Джорджем Бушем-младшим (2000–2008). Пользовавшийся непререкаемым авторитетом в высших эшелонах власти министр обороны Дональд Рамсфелд, как подчеркивает Уилер, попросту вернул военное ведомство в начало 1980-х годов [8, р. 58]. Разросшийся гигантский бюрократический аппарат, кумовство, да и просто авторитарный стиль правления министра лишь инициировали бесконечные скандалы в его ведомстве, взаимные обвинения в некомпетентности, крайнее недовольство военных и, как результат, очередной сбой в системе заказов и приобретении оружия для нужд вооружен-

ных сил. Вновь в СМИ появились сообщения о коррупции и злоупотреблениях в данной сфере. Так, например, типичный, казалось бы для 1970–1980-х годов, крупный скандал возник вокруг заказанного для морской пехоты конвертоплана V-22, в частности, относительно неоправданно завышенной стоимости его узлов и агрегатов, а также «неполного соответствия реальных тактико-технических характеристик заказанным». Новый избранный председатель комитета по делам вооруженных сил Палаты представителей Данкан Хантер (республиканец от Калифорнии) в 2006 г. был вынужден публично признать, что «он лично не обнаружил каких-либо позитивных изменений в системе приобретений ВВТ для вооруженных сил со времени принятия в 1986 г. Закона Голдуотера-Николса...» и что «20 лет оказались потерянными для этой области» [7].

Примечательно, что и годы нахождения у власти, сменившей республиканцев демократической администрации Б. Обамы, не были ознаменованы какими-либо серьезными подвижками в данной сфере. Достаточно вспомнить провал с приобретением «чуда-оружия 21 века» — самолета F-35, о явных недостатках и злоупотреблениях, вокруг заказа которого постоянно «трубили» независимые «реформаторы», мнение которых было просто проигнорировано.

И тем не менее есть основания констатировать весьма полезную роль, которую играют «реформаторы», как «независимые», так и из среды исполнительной и законодательной ветвей власти США, в поддержании в рабочем состоянии национальной военной машины с большим зачастую неадекватно оцениваемым трудом, добиваясь методичного воплощения в жизнь инноваций и борясь с злоупотреблениями, без чего в целом американские вооруженные силы не имели бы столь высокого авторитета в мире.

Выдающийся ученый-математик венгеро-американского происхождения Джон фон Нейман, кстати непосредственный участник Манхэттенского проекта по созданию американской ядерной бомбы, анализируя результаты ее принятия на вооружение, как-то заметил, что главным следствием этого изобретения является подтверждение того факта, что «накопленные в человеческом мозгу и гибко применяемые на практике знания оказывают большее влияние на ведение войны, нежели изобретение даже самого разрушительного оружия» [4, р. 13]. Известный в США эксперт в области развития вооруженных сил Марк Манделес подчеркивает, что военная трансформация может принести позитивный результат только при понимании военно-политическим руководством роли приобретенных знаний и важности экспертизы как основы для принятия правильного решения [4, р. 10]. Иллюстрацией этих мыслей, как представляется, может служить достаточно продолжительный в американской военной истории период с окончания Гражданской войны в США (1861–1865) и вплоть до начала XX в., в рамках которого военно-политическим руководством страны предпринимались попытки по созданию национальной военной машины, якобы адекватной требованиям грядущей эпохи.

Гражданская война в истории США «закрепилась» в памяти потомков не только существенными потрясениями в общественной жизни страны, разрушениями экономических устоев и многочисленными человеческими трагедиями, что, впрочем, характерно для внутренних военных конфликтов в любой стране, но и воплощением в жизнь некоторых достижений научной революции того времени. И гражданское, и военное руководство страны впервые были поставлены перед новыми вызовами, реакция на которые без багажа накопленных и проанализированных знаний, усиленных экспертизой, и на этой основе понимания того, что нужно делать, грозила обернуться провалом.

Какие вооруженные силы нужны?

Конгресс США как воплощение законодательной власти был озабочен прежде всего проблемами воссоздания единой страны, обеспечением ее всепроникающими экономическими связями, на что требовались, без преувеличения, огромные финансовые средства. Военная угроза существованию Соединенных Штатов более не рассматривалась в качестве приоритетной, в связи с чем вопрос о формировании национальной военной машины отошел на второй план. Конгрессмены, базируясь на выкладках так называемых политологов-прогнозистов, исходили из того факта, что втягивание молодого американского государства в какой-либо военный конфликт в Старом Свете в обозримой перспективе маловероятен, а в Новом — достаточно наличных сил, чтобы справиться с любыми катаклизмами локального масштаба. Отсюда был сделан вывод: стране не нужны вооруженные силы уровня продвинутых европейских держав. Законодатели посчитали приемлемым иметь ограниченные по составу и размерам ВС, которых должно хватить по крайней мере для ликвидации внутренней «индейской угрозы» на «Диком Западе». Следовательно, был резко уменьшен военный бюджет, а затем начался болезненный процесс сокращения вооруженных сил, названный «реконструкцией», а в действительности вел к застою во всех областях, связанных с развитием военной организации государства. Именно в этот период и были осуществлены мероприятия, в ходе которых, как стало понятно значительно позже, и были в конце концов заложены основы формирования тех вооруженных сил, которые, вступив в Первую мировую войну, имели немало проблем и поначалу терпели неудачи.

Недостаток знаний

Обвальные сокращения напрямую затронули сформировавшийся в ходе Гражданской войны и приобретший боевой опыт офицерский корпус. Борьба офицеров за привилегию остаться в строю вылилась в развернувшуюся в генеральской среде дискуссию относительно полезности для компактных вооруженных сил новых военных технологий, уже частично внедренных в войска, таких как магазинные винтовки, бездымный порох, скорострельные орудия и некоторые другие, а также необходи-

мости обучения кадров для их правильного применения. Парадоксально выглядело то, что в военном руководстве страны вяло реагировали на «революционные проявления в военном деле» и влияние новых технологий на тактику, не говоря уже об оперативном искусстве. Высшие государственные чиновники, причем как гражданские, так и военные, не могли разобраться с тем, какой же механизм принятия решений в случае возникновения чрезвычайных ситуаций должен существовать и быть апробирован на практике в ходе необходимых для этого тренировок с войсками и экспериментов. Более того, затягивалось решение вопроса о географическом распределении гарнизонов и баз, вопросов передислокации войск, да и вообще относительно выделения необходимых финансов на поддержание боеготовности оставшихся частей и подразделений. Проблемы нарастали как снежный ком, но так и оставались нерешенными. В основе всех этих проблем делает заключение упоминавшийся выше эксперт М. Манделес, лежало превалировавшее в американском военно-политическом руководстве «явное пренебрежение к военной науке и получаемым на ее основе соответствующим знаниям» [4, р. 15]. Как отмечал военный историк Перри Джеймсон, в начале второй половины XIX в. в США была всего лишь пара книг, из которых командиры могли почерпнуть «кое-какую» информацию, необходимую для включения интеллектуального процесса для обдумывания вопросов оптимизации системы подготовки войск, основанной на тактических принципах, структуре сил, роли и задачах частей и подразделений, методах отбора и поставок в войска необходимых вооружений и военной техники и т. п. [1, р. 19–20].

Упущения в «реконструкции»

После окончания Гражданской войны в США оказалось фактически две армии: конвенциональные вооруженные силы как наследство армии северян с обычными звеньями управления ими и армейская группировка на разгромленном Юге, непосредственно замыкавшаяся на Конгресс и только к 1877 г. поглощенная национальными вооруженными силами. Через год после окончания Гражданской войны решением Конгресса было сформировано Военное министерство и определено количество полков как основной оперативной-тактической единицы армии, которое постоянно претерпевало изменения на всем протяжении так

называемой реконструкции. Помимо этого Конгресс учредил 10 административных и технических бюро, позже получивших название «департаментов». Бюро были независимы от Главного командования (ГК) армии и отчитывались в своей работе только перед военным министром и Конгрессом. Полномочия ГК были весьма узкими: оно даже не имело право заниматься вопросами материально-технического снабжения подчиненных частей и подразделений и лишь выступало с ходатайствами перед министром относительно необходимости воплощения в жизнь «полезной» инициативы, исходящей от того или иного бюро. Главное командование армии вообще оказалось в двусмысленном положении, поскольку было лишено таких существенных полномочий для подобного управленческого органа, как, например, планирование и проведение маневров или экспериментов и, тем более, организация взаимодействия с другими организациями и ведомствами в интересах вооруженных сил в целом. Офицеры, откомандированные для работы в бюро, хотя формально и были приписаны к определенному формированию, фактически исключались из нормальной армейской службы и находились в полной зависимости от руководства бюро. Короче говоря, в стране не было создано стройной системы управления военной организацией, благодаря которой процесс «реконструкции» мог бы оправдать ожидания.

Прогресс не остановить

Между тем, несмотря на «апатию» властей в отношении решения проблем развития национальных вооруженных сил, прогресс военного дела остановить было невозможно, и наиболее продвинутые американские генералы и офицеры активизировали свои усилия, фактически в инициативном порядке, с тем чтобы, по крайней мере, окончательно не утратить навыки, приобретенные в ходе ожесточенных столкновений на полях Гражданской войны.

Плоды революции в военном деле, реализовавшиеся по началу в Европе, постепенно «переносились» за океан, чтобы оказаться в центре внимания пытливых умов из американской офицерско-генеральской среды. Скорострельные артиллерийские орудия, заряжавшиеся с казенной части и использовавшие металлические гильзы, начиненные бездымным порохом, наряду с качественно новым, более мощным и точным стрелковым

вооружением не могли не внести существенные коррективы в тактику действий войск. В этой связи наиболее подготовленные военные руководители США не оставляли попыток размышлений относительно характера будущих войн и конфликтов. В частности, некоторые из них уже тогда осознавали вероятность наступления эры превалирования обороны над наступлением, когда атакующие массы окажутся под воздействием плотного и прицельного огня обороняющейся стороны, укрытой в оборудованных в инженерном отношении надежных укрытиях. Так, генерал Джордж Маклелан в статье, опубликованной в «Харперс нью мансли мэгэзин» в 1874 г., писал о том, что «традиционным формированиям пехоты вряд ли удастся справиться с плотным огнем обороняющихся... если не будет найдено противодействие» [5, р. 409]. Через десять лет другой неординарно мыслящий американский генерал-лейтенант Филип Шеридан сумел предсказать характер будущих масштабных боестолкновений на полях Первой мировой войны в Европе и возможный «позиционный тупик», в котором окажутся противоборствующие стороны [4, р. 17].

Некоторым американским лидерам, связанным с военной тематикой, стало очевидно, что быстро меняющаяся военно-стратегическая обстановка с неизбежностью окажет влияние на военное искусство. Им стало понятно, что в свое время взятые за основу, а в большинстве случаев даже не адаптированные под местные условия уставы и наставления ВС европейских держав, в новых условиях не могут быть подпоркой для «реконструируемой» американской армии. Ветеран Гражданской войны генерал Эмори Эмптон, написавший сделавшим его знаменитым исследование «Военная политика Соединенных Штатов» (правда, опубликованное только в 1904 г.), еще в 1980-е годы выдвигал идею о реорганизации пехоты под настоятельные требования проявившихся плодов «революции в военном деле», и прежде всего «убийственного огня новых средств поражения». В январе 1888 г. военный министр Уильям Эндикотт был вынужден под давлением «армейской общественности» сформировать комиссию по рассмотрению многочисленных предложений относительно пересмотра директивных документов, определявших жизнедеятельность вооруженных сил. К началу 1891 г. проекты отдельных уставов для пехоты, кавалерии и артиллерии были разработаны и представлены на суд командующего сухопутными войсками генерал-майора Джона Шофелда, военного министра Рэдффилда Проктора и президента Гровера Кливленда, которые

одобрили данные документы без существенных замечаний. Тем не менее офицеры «в поле» посчитали эти уставы «излишне регламентированными» и потребовали сокращений отдельных положений и уточнений по некоторым позициям. В 1894 г. генерал Шофелд был вынужден вновь вернуться к данной проблеме, и все три устава были существенно переработаны. И уже в скором времени уставы и разработанные на их основе наставления прошли обкатку в Испано-американской войне 1898 г.

Борьба взглядов

В целом к концу XIX в. в американском военно-научном сообществе сформировалось два течения: сторонников концентрации интеллектуальных и физических усилий на, как тогда казалось, насущной «борьбе с индейцами» и тех, кто считал необходимым идти в общем русле европейской военной мысли и готовиться к «конвенциональным войнам» крупного масштаба. Сторонники первой группы явно преобладали и продолжали навязывать идеи о том, что участие национальных вооруженных сил в крупномасштабной войне маловероятно и что есть резон сконцентрироваться целиком на конфликтах типа «борьбы с индейцами», которые, скорее всего, будут иметь место еще долгие годы. Именно анализу такого типа конфликтов посвящались многие труды американских экспертов, в частности, таких популярных в то время в США, как Джон Бурк и Роберт Атли. Между тем и эти конфликты не мог обойти технический прогресс, в связи с чем американским специалистам приходилось обдумывать проблемы применения в войсках таких «новинок», как полевой телефон, телеграф или радио безотносительно масштабов конфликтов.

Борьба с индейцами на «Диком Западе», действительно, занимала большую часть времени у командования немногочисленных вооруженных сил, которым, как указывает М. Манделес, более не хватало времени ни на что: ни на теоретическую подготовку офицеров, ни на учения, ни даже на занятия строевой подготовкой и выполнение других обязанностей рутинной армейской службы. Активный сторонник подготовки войск к «конвенциональной войне» генерал Шофелд и его единомышленники, осознавая необходимость вывода армии из под пресса всепоглощающей борьбы с индейцами, тем не менее сетовали на то, что не имеют возможности уделять достаточного вни-

мания вопросам «классической боевой подготовки», разработке планов и осуществлению полноценных маневров и экспериментов, на которые к тому же не предусматривалось выделения финансовых средств [4, р. 19].

Преодолевая сопротивление

И все же сторонники перенесения акцентов на подготовку войск к «конвенциональным войнам» не дремали. При этом они опирались на конструктивные мысли и всестороннее обоснование в первую очередь именно такого вида деятельности вооруженных сил, высказанные еще в первые годы после окончания Гражданской войны безусловным авторитетом военного дела генерал-лейтенантом Уильямом Шерманом, занимавшим тогда пост главкома сухопутных войск. Он, в частности, считал, что командирский корпус армии с неизбежностью деградирует, если не будет привлечен на постоянной основе к разработке планов и проведению учений с войсками, для чего необходимо поставить обучение офицеров на прочную и постоянную основу приобретения самых современных знаний в области военной теории и изучения последних образцов вооружения и военной техники. Следуя его рекомендациям, в 1990-е годы XIX в. в сухопутных войсках США все же началась так называемая кампания по проведению учений с войсками, которые не «зацикливались» на «карательных действиях» ВС, а осуществлялись по принятым в Европе стандартам ведения боевых действий. На этих учениях, проводившихся, правда, в тот период времени «от случая к случаю», проверялась способность командиров звена «подразделение-часть» решать задачи, которые могли быть поставлены, если возникнет ситуация, подобная назревавшему кризису в Европе [1, р. 60–61]. Несмотря на заявленное военным руководством США, якобы соответствие данных учений «требованиям современности», они все же «не укладывались в рамки мировой научной мысли», характерной для наиболее развитых европейских держав. Даже командирование американских наблюдателей-посредников в Европу на аналогичные учения не приносили пользы для ВС США в силу недостаточной подготовки американских офицеров и их непонимания того, чем же «озабочены» военные в европейских армиях. Соответственно и законодатели США, до которых «доходили» «неадекватные» отчеты американских военных о результатах «продвижения евро-

пейской военной мысли», и без того равнодушные к нуждам армии, формально не имели оснований для принятия экстренных мер для кардинального изменения положения.

Между тем сторонники преобразований в ВС США продолжали свои усилия, с тем чтобы довести уровень подготовки национальных вооруженных сил «хотя бы» до европейского. Упомянувшийся генерал Шерман, используя свои связи в администрации президента и в Конгрессе, сумел организовать Школу практической подготовки пехоты и кавалерии в Форт-Ливенуорте (кстати, существующую по сей день, но, естественно, под другим названием). Его преемник, не менее заслуженный американский генерал Шеридан приложил максимум усилий, чтобы на фоне безразличия властей к вопросам обучения военных кадров, сформировать систему подготовки специалистов в областях военной теории, военных технологий и материально-технического обеспечения. Американские офицеры нижнего звена, среди которых выделялся неординарно мыслящий майор Эдвард Уильсон, также пытались внести свой вклад в развитие военного искусства и «реконструкции» национальной военной машины под насущные требования времени. Им, в частности, была предложена концепция применения пулеметов и формирования на их основе отдельных подразделений и даже частей в качестве рода войск в рамках пехоты. Однако взгляды «продвинутых» генералов, таких как Шерман или Шеридан, а уж тем более «майоров», вроде Уильсона, не были восприняты должным образом политическим и самое главное военным руководством США, чтобы «встретить» катаклизмы наступающей эпохи «во всеоружии».

Аналогичная ситуация

Приблизительно аналогичным образом обстояло дело в другом виде американских вооруженных сил — на флоте. После окончания Гражданской войны законодатели посчитали маловероятной угрозу интересам национальной безопасности, которая могла бы исходить со стороны моря. Конгрессмены обосновывали свое понимание перспектив военно-морских сил страны как «компактных и малотоннажных» тем, что усилия государства теперь якобы должны направляться на освоение обширных пространств на Западе и всемерное развитие торговли в целях обеспечения восстановления разрушенной войной экономики,

для чего необходимы существенные «денежные вливания». Как указывает историк Поль Койстинен, «Конгресс методично отвергал все инициативы заинтересованных инстанций и индивидов относительно строительства современного флота, ориентированного на возможные крупные катаклизмы в Европе и активизацию колониальной политики, нацеленной на Карибы или Тихоокеанскую зону, аргументируя это нехваткой средств» [2, р. 21]. Но, как и в случае с сухопутными войсками, и здесь были энтузиасты, которые, будучи озабочены поиском «правильных» путей развития ВМС, практически в инициативном порядке продолжали работу над конструированием и созданием современных боевых кораблей, морского оружия и теоретическими изысканиями в области военно-морского искусства.

Борьба «старого» с «новым»

Яркой иллюстрацией этому служит «эпопея» с быстроходным фрегатом «Вампаноа», заложенным еще в 1863 г. в качестве реакции северян на успешно применяемую тактику действий южан, создавших флотилию парусно-паровых рейдеров, которые изматывали противника путем неожиданных налетов на побережье и захваты его торговых судов. Новый фрегат был спущен на воду только в 1868 г. вследствие трудностей, возникших в результате утраты в ходе разрушительной войны некоторых передовых технологий. В целом мировая инженерная общественность весьма высоко оценила данную разработку американцев. В частности, были отмечены такие неординарно мыслящие ученые-практики в области морского дела, как Бенджамин Франклин Ишервуд, руководитель Бюро парового инжиниринга, ответственного за разработку двигательной установки и корпуса корабля, а также Джон Лентолл, руководитель Бюро конструкций и ремонта, ответственный за выполнение всех остальных работ. Как всякое «новое явление», тем более в кораблестроении, фрегат «Вампаноа», естественно, не был лишен недостатков. В частности, подвергались критике его якобы недостаточно прочный корпус, малое количество мест для угля и воды и некоторые другие. Данный корабль изначально задумывался для выполнения не только так называемых прибрежных задач, но и как «средство ведения войны на океанских просторах». Однако как раз это и стало главной причиной критики. Несмотря на успешные ходовые испытания и позитивный доклад по их результатам ру-

ководителя приемной комиссии кэптэна Дж. Николсона лично военно-морскому министру Гидеону Уэллесу с заключением о том, что «данный корабль имеет превосходство над всеми судами иностранной постройки данного класса», против реализации дальнейшей программы постройки подобных кораблей была развернута довольно шумная кампания, главная роль в которой отводилась, как не покажется это странным, морякам-профессионалам во главе с адмиралом Луисом Голдсборо [4, р. 23]. Помимо явно навязанного «сверху» негативного мнения, многих морских офицеров и адмиралов старой закалки («парусное лобби») не устраивала перспектива переучивания на управление принципиально новыми системами, в том числе паровыми двигателями, и связанной с этим новой тактикой действия флота. Как в свое время отмечал «абсолютный авторитет» в американской военной среде адмирал А.Т. Мэхэн, массовое поступление в ВМС кораблей типа «Вампаноа» сулило морскому офицерству весьма значительные трудности с отбором на вышестоящие должности, да и вообще делало неясной перспективу их статуса в ранее привилегированном виде вооруженных сил [4, р. 24]. Судьба корабля оказалась незавидной: «прослужив» в составе ВМС США малое количество лет, в конце концов он был выведен из состава флота и продан как «лишняя обуза».

Не оценив по достоинству намечавшийся прорыв в развитии национальных ВМС, руководство американских вооруженных сил, как гражданское, так и военное, продолжало навязывать флоту рутинную практику эпизодических тренировок и учений. При этом зачастую дело ограничивалось одним кораблем, когда какие-либо «новации» опробовались на действиях экипажа, а затем рекомендовались всему флоту. При этом откровенно игнорировались технологические достижения (паровые двигатели) с точки зрения их влияния на разработку новых оперативных концепций. Даже в ходе первых учений ВМС в 1873 г. с привлечением нескольких боевых кораблей и судов обеспечения этим вопросам практически не уделялось должного внимания. И лишь в начале 1980-х годов благодаря усилиям адмирала Стефана Льюиса, основавшего и возглавившего Военно-морской колледж, и его единомышленников постепенно начала внедряться система учений флота, главным образом на Атлантике, в ходе которых отрабатывались задачи «отражения угроз на дальних подступах» с учетом возможности поступления на вооружение ВМС кораблей, не уступающих по своим боевым возможностям европейским.

В связи с этим военно-морской историк кэптэн Ян ван Тол сетует на то, что, если бы гражданские и военные руководители, обладая соответствующими знаниями, вовремя осознали, какая перспективная и незаурядная техника оказалась в их руках, многие последующие ошибки в оснащении флота и вытекающие из этого промахи в развитии военно-морского искусства в целом не были допущены [3].

Выводы

Во-первых, отсутствие желания военно-политического руководства США после окончания Гражданской войны уделять должное внимание вооруженным силам, хотя и под объективным предлогом нехватки средств, не только привело к «обвальному» сокращению вооруженных сил, но и создало существенные препятствия для реальной «реконструкции» национальной военной машины, в том числе формированию адекватных требованиям времени органов для управления войсками.

Во-вторых, реформа вооруженных сил, а тем более военная реформа в целом, как бы ее ни называли — «реконструкция», «трансформация» и т.п. — требует значительных финансовых затрат: недофинансирование с неизбежностью ведет к «недоформированию».

В-третьих, выделение военно-политическим руководством США из всего спектра якобы перспективных угроз в качестве приоритетной «внутренней» (так называемой индейской) в известной степени дезориентировало американский офицерский корпус, «сбивая» его с пути обретения «истинных» знаний в рамках передовой на тот период европейской военной науки и вело к утрате приобретенных в ходе Гражданской войны навыков «конвенциональной» вооруженной борьбы.

В-четвертых, недооценка гражданским и, главное, военным руководством новых технологий, включая и национальных, приводило к упущению реальных возможностей для развития вооруженных сил до уровня, по крайней мере, европейских держав.

В-пятых, частичное же внедрение в войска новых технологий в виде образцов вооружения и военной техники в силу отсутствия базы специального образования и подготовки офицерских кадров не позволяло военному руководству делать правильные выводы и прогнозировать последствия влияния поступающих в войска ВВТ на изменение форм и способов вооруженной борьбы.

В-шестых, допущенное военным руководством США непонимание в силу отсутствия соответствующих знаний и игнорирование мирового (европейского) опыта важности масштабных и методичных учений с войсками, а тем более экспериментирования, вело к утрате командным составом армии и флота не только способности к «оперативному мышлению» в условиях боя, но даже и тех ограниченных навыков, которые приобретались военнослужащими в ходе предварительной теоретической подготовки.

В-седьмых, подвижническая деятельность немногочисленной группы генералов (адмиралов) и офицеров армии и флота США, направленная на внедрение в практику войск, в условиях наличия как объективных, но также и субъективных препятствий, достижений передовой военно-научной мысли все же позволила американским вооруженным силам окончательно не отстать в своем развитии, основываясь на созданных в этот период «заделов», в конце концов преодолеть «застой» и выдвинуться в число передовых в военном отношении держав мира.

В начале 2000-х годов на страницах американских специализированных изданий активно обсуждалась амбициозная программа трансформации сухопутных войск (СВ) США, выдвинутая в 1999 г. только что назначенным начальником штаба этого вида ВС генералом Эриком Шинсеки [1]. Несмотря на формальные успехи американских вооруженных сил, имевшие место весной того же года в ходе натовской агрессии на Балканах против Югославии, американские специалисты признали факт явной неадекватности СВ тем требованиям, которые возложены на них национальной военной стратегией. Именно поэтому руководство сухопутных войск инициировало «революционный», как оно само окрестило, «процесс реструктуризации, переоснащения и модернизации» данного вида американских вооруженных сил.

Между тем многие военные аналитики США, в том числе и некоторые авторы программы трансформации сухопутных войск, подчеркивают, что за сто лет до этого американская армия уже переживала такой же «революционный процесс перестройки», причем в относительно схожих условиях. Именно на рубеже XIX–XX вв. крупные социальные, политические, экономические и технологические подвижки как внутри страны, так и за рубежом существенным образом коснулись военной организации Соединенных Штатов Америки и прежде всего сухопутных войск. Военный истеблишмент США, включая государственных деятелей всех рангов, и в те, теперь уже далекие, годы активно дискутировал по поводу того, каким же образом и в каком направлении следует проводить реорганизацию армии, ее оснащение современными по тем временам ВВТ, осуществлять оперативную и боевую подготовку, чтобы она соответствовала взятому новому курсу на резкий рывок страны в число великих держав.

В конце XIX в. в период президентства Маккинли постепенно начал таять лед изоляционизма по мере того, как США все активнее стали вмешиваться в дела сопредельных государств, а вектор внешней политики Белого дома явно развернулся в

направлении Тихоокеанского бассейна и Карибского региона. После же убийства Маккинли в 1901 г. сменивший его на президентском посту Теодор Рузвельт активизировал внешнюю политику администрации, уже в первом послании конгрессу провозгласив амбициозные претензии США на мировой арене и подчеркнув так называемые их обязанности и права в отношении всего Западного полушария. Им же впервые публично было продемонстрировано стремление использовать вооруженные силы как инструмент внешней политики, тем самым доказав, что США более не провинциальная держава на задворках мировых политических отношений.

Весьма скоро представилась возможность продемонстрировать это и на деле. Военно-политическое руководство США направило многочисленные формирования своих инженерных войск на строительство стратегически важного Панамского канала. Параллельно развернулось строительство военных и военно-морских баз по периметру границ страны, что должно было показать мировой общественности новые внешнеполитические с силовым оттенком приоритеты администрации Т. Рузвельта.

Наиболее яркая личность в окружении президента бывший судья Нью-Йорка, а теперь военный министр Элиу Рут [2], всецело поддерживавший амбиции своего патрона, сформулировал и при поддержке главы государства начал интенсивно осуществлять «программу трансформации сухопутных войск», необходимость в которой якобы «явно назрела» в свете вышеизложенного.

Следует подчеркнуть, что к началу XX в. сухопутные войска, а фактически все вооруженные силы США руководствовались неформальной концепцией (или доктриной), предполагавшей существование децентрализованной, мобильной, оснащенной преимущественно стрелковым оружием армии, основной задачей которой после окончания Гражданской войны 1861–1865 гг. и на протяжении почти сорока лет оставалась борьба с коренным населением — индейцами. За эти годы участия в 12 крупных кампаниях и почти одной тысяче операций «по умиротворению» свободолюбивых племен аборигенов в мозгах и рядового, сержантского, и офицерского состава прочно укоренился стереотип вооруженных сил как организации с преимущественно внутренними, жандармскими функциями. Проникнутые насквозь таким видением задач своей армии американские военнoслужащие, в большинстве своем проходившие службу в

многочисленных фортах центральных и юго-западных районов страны, с явным непониманием, а зачастую и с неодобрением восприняли идеи глубокой трансформации военной машины США, исходившие от главы военного ведомства Э. Рута.

Между тем именно Рут как никто другой осознал абсолютное несоответствие военных возможностей страны провозглашенной новой национальной военной стратегии. Он активно взялся за реализацию комплексной программы реорганизации, переоснащения и передислокации формирований американских вооруженных сил. Первым делом военный министр на базе Военного колледжа сформировал нечто вроде комитета с функциями по разработке долгосрочных планов военных преобразований. Учитывая факт изменения направленности задач ВС с преимущественно обороны страны на готовность к вмешательству в кризисные и конфликтные ситуации за рубежом, Военное министерство США при поддержке законодателей санкционировало размещение контингентов американских вооруженных сил в Панаме, на Гавайских островах, в Пуэрто-Рико и на Филиппинах под предлогом «необходимости их защиты от внешней агрессии». И уже к 1911 г. только на Филиппинах было создано 22 новые военные базы.

Наряду с реализацией Белым домом экспансионистского внешнеполитического курса, существенным образом оказавшего воздействие на концептуально-доктринальные взгляды военного руководства страны и постановку принципиально новых задач вооруженным силам, начавшийся примерно в этот же период очередной этап научно-технической революции, охвативший весь индустриальный мир той эпохи, не мог не коснуться и США как страны, начавшей стремительное продвижение в число наиболее промышленно развитых государств и соответственно американских вооруженных сил.

Быстрое внедрение в войска новых по тем временам революционных разработок ВВТ, таких как многозарядные винтовки, пулеметы, качественно новые артиллерийские системы и др. в значительной степени поколебали сложившееся было равновесие между наступлением и обороной, естественно, в пользу второго. В значительной степени потенциал обороняющихся увеличивался за счет широкого применения полевых фортификационных сооружений, колючей проволоки и минных полей. Соответственно наступающие уже больше не могли как прежде использовать факторы скорости и мобильности, необходимые для разгрома обороняющихся. Все это наглядно было проде-

монстрировано в русско-японской войне 1904–1905 гг. В определенном смысле военная теория как таковая зашла в тупик.

Как указывают американские военные историки, министр Рут и его окружение четко это осознавали и предприняли ряд экстренных мер в рамках реализуемой программы трансформации сухопутных войск. Так, в 1902 г. по прямому указанию военного министра руководство сухопутных войск США подготовило и провело первое из целой серии научно-исследовательских полевых учений дивизионного уровня в Кэмп-Рут (шт. Канзас). Результаты этих учений и других практических экспериментов легли в основу разработанного и опубликованного в 1905 г. первого видового полевого устава, предшественника известного в настоящее время основного устава СВ серии FM 100-5. На следующий год после окончания русско-японской войны силами инженерных войск США в Форт-Райли (шт. Канзас) были построены оборонительные сооружения и сооружения — аналоги применявшихся в войне на Дальнем Востоке для проведения экспериментальных учений с войсками по их преодолению и захвату. В качестве самостоятельного направления в обучении войск были выделены учения с отработкой задач по укреплению взаимодействия между различными родами войск СВ — пехоты, кавалерии и артиллерии (предвестники нынешних «объединенных» межвидовых учений, экспериментов, операций и т. п. американских ВС).

Предпринимаемые военным ведомством активные меры по адаптации осуществляемой программы трансформации СВ к достижениям научно-технической революции все же порой, в основном из-за бюрократических проволочек, не достигали успеха. Так, только к 1916 г. удалось принять меры по массовым поставкам пулеметов в пехотные подразделения, что на порядок увеличило их боевую мощь. Были и другие накладки и даже серьезные творческие неудачи, такие, например, как отсутствие позитивных результатов в ходе поиска выхода из позиционного тупика.

И все же менее чем за 15-летний период, с конца XIX по начало XX в., сухопутные войска США сделали крупнейший шаг в своем развитии. Был осуществлен переход от примитивной винтовки M1892 «Крэг-Йоргенсен» к одной из лучших на тот период в мире M1903 «Спрингфилд». Многочисленные полевые учения и эксперименты позволили выработать новые, чуть позже реализованные требования к полевой артиллерии. На вооружение пехотинцев был принят штык-нож новой конструкции,

долгое время состоявший на вооружении армии пулемет примитивной конструкции был заменен пулеметом нового поколения конструкции Максима. Создание двигателя внутреннего сгорания привело к поистине тотальной автомобилизации как ни в одной другой стране мира американских вооруженных сил, принятию на вооружение боевых аэропланов. Имели место и другие новации, существенно повысившие потенциал американских СВ.

Особо американские исследователи-историки выделяют факт кардинального изменения мышления командного состава сухопутных войск США за короткий период их трансформации на рубеже веков. Значительный толчок к этим изменениям дала Испано-американская война 1898 г., которая не только впервые практически продемонстрировала генералам и офицерам СВ США необходимость кардинального изменения их «тактической культуры», но и внедрила в их сознание «великодержавные амбиции», которые и по сей день являются неотъемлемой частью менталитета американских военных руководителей.

Таким образом, взаимодействие двух существенных факторов на рубеже XIX–XX вв. предопределило настоятельную необходимость трансформации американских вооруженных сил в целом и сухопутных войск в частности. Это, во-первых, отказ от политики «изоляциизма», резкое изменение внешнеполитического курса руководства страны в направлении реализации давно созревавших великодержавных амбиций и, во-вторых, беспрецедентный прорыв в подавляющем количестве областей науки и техники, оказавший самое непосредственное влияние на революцию в военном деле, охватившую весь индустриальный мир того времени, в том числе и США. Во всем этом военные аналитики США видят аналог с настоящим периодом американской истории, когда продвижение, скорее даже скачок от одной формации к другой (от «индустриальной» к «информационной») параллельно с обозначением новых глобальных приоритетов во внешней политике («ответственность за все, что происходит в мире») с неизбежностью заставляет военнополитическое руководство страны адаптировать вооруженные силы, включая сухопутные войска, путем их реорганизации, к потребностям наступающей новой эпохи.

VI. «ЗОЛОТОЙ ВЕК» АМФИБИЙНЫХ ОПЕРАЦИЙ

В среде западных специалистов в области военного строительства существует мнение о том, что период между двумя мировыми войнами был поистине «золотым веком» с точки зрения создания многочисленных «революционных» военных технологий, формулирования и обкатки новых стратегий и доктрин. Но далеко не всегда данные новшества быстро и успешно реализовывались, а некоторые из них, прежде чем быть воплощенными в жизнь проходили довольно тернистый путь от формулирования концепции до принятия «на вооружение». Последнее напрямую относится к так называемым амфибийным операциям, умелое проведение которых, как считают западные специалисты, во многом и определило исход Второй мировой войны в пользу союзников по антигитлеровской коалиции, причем на обоих театрах войны. Генерал-лейтенант морской пехоты США Холланд Смит уже после войны отмечал тот факт, что «такого рода операции являют собой высшую степень координации усилий всех инстанций... и вовлекают в себя последние достижения военной науки» [10, р. 14].

«Преамбула»

Амфибийное десантирование по англосаксонской терминологии или десантирование войск на побережье с моря имеет довольно длинную историю, начиная от древних греков, римлян, викингов, норманнов и др. В новой истории вопросам десанта с моря посвящали свои научные изыскания многие теоретики военного дела, и прежде всего такой авторитет, как франко-швейцарско-русский генерал Антуан-Анри Жомини, который еще в 1838 г. предложил принципы, на которых должны строиться все фазы такого рода операций, включающие введение противника в заблуждение при выгрузке войск на побережье, выбор удобных мест для десантирования и гидрографических условий, благоприятных для атакующих, применение соответствующего оружия для поддержки десанта, включая артилле-

рию и ее первостепенную выгрузку, захват командных высот, бесперебойную и быструю организацию обеспечения десанта и перевод фазы десантирования в обычное наземное сражение [4, р. 72–73]. В развитие теории амфибийных операций внесли свой вклад и американские военные теоретики, в частности адмиралы С.П. Ли и С.Ф. Дюпон, которые в 1861 г. обосновали приоритетную роль морского десанта в войнах будущего, а также капитан 2-го ранга Уильям Фуллам, выдвинувший в 1896 г. положение об организации морской пехоты в виде экспедиционных сил поддержки действий флота. Однако, как считают некоторые современные исследователи, эти идеи, опережая свое время, не были должным образом оценены американским военным руководством. В других государствах ситуация складывалась аналогичным образом.

Неудачный опыт

Недостаток внимания к такого рода операциям в годы Первой мировой войны привел к негативным последствиям в ходе так называемого сражения за Галлиполи, в организации которого со стороны Антанты самое непосредственное участие принял в последующем видный военный и политический деятель Великобритании, а в те годы Первый лорд Адмиралтейства Уинстон Черчилль, а также государственный секретарь по военным вопросам (военный министр) Лорд Горацио Китчинер.

В 1915 г. руководство Великобритании и Франции сошло во мнении о том, что нейтрализовать Османскую (Османскую) империю, обеспечить бесперебойную связь с союзной Россией, а уже после победы не дать последней закрепиться на стыке Европы и Азии можно только единственным путем — самим захватить Дарданеллы и Босфор, ключом к которым являлся полуостров Галлиполи. Британцы и французы разработали план десантирования в двух пунктах с тем, чтобы затем окружить турецкие войска и вынудить их к сдаче. Разведка союзников сработала неудовлетворительно: вместо ожидавшегося слабого сопротивления их встретили, пожалуй, самые боеспособные турецкие соединения. Три попытки, с апреля по июнь 1915 г., осуществить задуманное окончились провалом. В августе того же года франко-британцы попытались еще раз провести десантирование, но опять потерпели неудачу и через некоторое время вообще отказались от своих планов и отступили. Примеча-

тельно, что высокомерные британцы были настолько уверены в своем превосходстве над «азиатами-турками», что, например, один из руководителей десантной операции генерал Сэр Ян Гамильтон, докладывая своему руководству накануне о готовности союзной группировки к десантированию, подчеркнул «отсутствие для этого необходимости в разработке какой-либо специальной стратегии действий, а лишь наличие решимости и мужества войск!» [11, р. 114]. Позже, при подробном разборе этих неудачных акций были выявлены главные причины провала: непонимание союзным руководством всей сложности самой десантной операции; соответственно неадекватность подготовительных мероприятий, включая слабую разведку; явный недостаток вооружения и количества выделенных формирований; игнорирование советов экспертов относительно разработки специальных средств для высадки десанта и обеспечения его огневого прикрытия; полное забвение постулата об организации тесного взаимодействия различных видов ВС и родов войск не только в рамках союзной группировки, но и внутри национальных контингентов, а также некоторые другие. Но эти выводы были сделаны уже в 1920-е и 1930-е годы, когда в передовых в военном отношении государствах всерьез занялись разработкой концепций десантирования с моря и анализом уже проведенных амфибийных операций. Сразу же после провала, что называется «по горячим следам», британские специалисты пришли к заключению, что в условиях развитости промышленной инфраструктуры и сети коммуникаций на европейских театрах войны невозможно провести успешную амфибийную операцию. А такой авторитет военного дела как Бэйсил Лиддел-Гарт вообще пришел к выводу о том, что быстро развивающаяся авиационная мощь скорее всего исключит такой вид военной деятельности из военного искусства [3, р. 5].

Факторы внимания

В межвоенный период имели место два фактора, которые косвенно способствовали разработке заинтересованными инстанциями концепций амфибийных операций и созданию под них специального вооружения и технических средств.

К первому относится невключение положений о такого рода мероприятиях в статьи специальных международных договоров, ограничивающих военно-морскую деятельность. Так, в декабре

1920 г. член американского Сената Уильям Борах предложил резолюцию, позже вошедшую в так называемый Морской закон, призывающую к созыву международной конференции по сокращению морских вооружений. Президент США Уоррен Гардинг поддержал эту инициативу законодателей и пригласил главные морские державы к участию в Международной конференции по ограничению морских вооружений, организацию которой в ноябре 1921 г. он поручил государственному секретарю Чарльзу Хьюзу. К февралю следующего года делегаты от ведущих морских держав разработали три взаимосвязанных договора, которыми должны были руководствоваться государства в осуществлении своей стратегии на морях и океанах. Главным заинтересованным морским державам того времени — США, Великобритании и Японии — по существу были «развязаны руки» на разработку концепций амфибийных операций и создание специальных вооружений и военной техники. Так, статья XIX Договора, подписанного США, Великобританией, Японией, Францией и Италией, запрещала возведение новых военно-морских баз и военной деятельности, включая ремонт военных кораблей, в Азии и западной части Тихоокеанского бассейна за пределами четко обозначенных в документе уже «закрепленных территорий». По «недосмотру» США и их союзницы Великобритании данная статья Договора фактически давала Японии права на безраздельное господство в оговоренном в документе регионе и «невольню» подталкивала англо-саксонских союзников к разработке концепций амфибийных операций с целью защиты их владений от «вероятного агрессора».

Вторым фактором, способствовавшим обращению внимания руководства главных морских держав того времени на разработку амфибийных операций и значительное усиление их главного проводника в жизнь — морской пехоты, был параллельно осуществляемый в этих же государствах эксперимент с созданием поначалу нового рода войск, а затем и вида вооруженных сил — военной авиации, включая морскую. Именно сконцентрированные в рамках сформированных сообществ по развитию авиации усилия, воплощенные в жизнь, и стали зримым примером для созданных в первую очередь в США, но также с некоторыми оговорками и в Великобритании аналогичных многофункциональных инстанций либо неформальных организаций, которые и занялись вплотную проблемой амфибийного десантирования.

Недооценка «веяний времени»

В Великобритании до Первой мировой войны не уделяли должного внимания разработке теории десантирования с моря и соответственно подготовке войск к выполнению данной задачи и уже, тем более, развитию специального рода войск, главной функцией которого и является десантирование с моря, т. е. морской пехоты. С началом войны на Альбионе была развернута в качестве временного соединения так называемая Королевская морская дивизия, состоявшая из трех бригад, только одна из которых и была по существу реальной бригадой морской пехоты. После завершения военных действий дивизия была расформирована, а вследствие этого «недалновидного шага», как отмечают специалисты, был утрачен и опыт, правда, далеко не всегда позитивный, участия морпехов в боевых действиях.

Пацифистские настроения, охватившие мировое общественное мнение как реакция на многомиллионные жертвы, понесенные и побежденными, и победителями, и вылившиеся в стремление не допустить подобного впредь, естественным образом получили широкое развитие и в Великобритании, причем по началу и в британском военно-политическом истеблишменте. В августе 1919 г. военный министр У. Черчилль издал приказ, ориентировавший британские вооруженные силы на «мирную передышку», которая по официальным прогнозам должна была продолжаться «как минимум одно десятилетие». Этот приказ, получивший название «Десятилетнее правило», лег в основу выдержанных в умеренных тонах указаний Комитета имперской обороны по планированию развития военного потенциала страны. Несмотря на то что уже в начале 1930-х годов данный «расхолаживающий» приказ утратил силу, британский военно-политический истеблишмент не торопился форсировать упущенное время и ориентировать нижестоящие инстанции на разработку «революционных» оперативных концепций и образцов ВВТ. К тому же, как подчеркивает известный американский эксперт в области военного строительства Марк Манделес, в Лондоне в силу крайне бюрократизированных механизмов принятия важных решений в военной сфере, отягощенных традициями «сословности» британского высшего общества и гипертрофированной независимости видов вооруженных сил, «протолкнуть» что-либо неординарное в тот период было чрезвычайно затруднительно, даже перед лицом осознания грядущей угрозы, исходящей от быстро прогрессирующего германского милитаризма [7, р. 54–55].

Военные «не расслабляются»

Между тем наиболее дальновидные британские военные руководители не были «расслаблены» общей «эйфорией миролюбия» и не прекращали работу по извлечению уроков из недавно закончившихся сражений, как на обширных равнинах и побережье, так и на море. Уже осенью 1919 г. военным руководством страны в инициативном порядке была созвана так называемая объединенная (т.е. межвидовая) конференция с участием более 150 офицеров от всех видов и родов войск с целью анализа недавних боевых действий под углом зрения решения проблем взаимодействия на поле боя. Ее результатом явилась рекомендация по пересмотру «Устава совместных (объединенных) операций» от 1913 г. Совет Адмиралтейства, занимавшийся выработкой основ политики ВМС, также не остался в стороне от грядущих изменений в формах и способах ведения военных действий и рекомендовал штабу данного вида вооруженных сил учесть в своей работе факт неизбежного активного участия авиации в войнах будущего. По инициативе моряков в 1920 г. был сформирован Межминистерский комитет по совместным (объединенным) операциям, в задачу которого была вменена разработка документов, регламентирующих все нюансы взаимодействия Королевских ВМС, Королевских ВВС и сухопутных войск. В период между 1922 и 1925 гг. было подготовлено несколько версий регламентирующих межвидовое взаимодействие документов, в том числе и пересмотр уставов и наставлений в рамках видов ВС с включением в них согласованных положений о подобного рода взаимодействии. Весьма существенную роль в вопросах «дезориентирования» морской пехоты как рода войск ВМС сыграл конфиденциальный доклад специальной комиссии Адмиралтейства во главе с адмиралом Сэром Чарльзом Мэдденом, представленный руководству в августе 1924 г., в котором «убедительно» обосновывалась роль МП как неотъемлемой части экипажа корабля, решающей сугубо ограниченные задачи, в частности, по обслуживанию корабельного оружия и несения корабельной службы. Те же морпехи, по рекомендациям доклада, которые проходят службу на берегу, якобы должны сосредоточиться на подготовке в случае необходимости к захвату и обороне баз на побережье и проведению ограниченных по масштабам и времени рейдов на «вражеские объекты» [7, р. 56].

Теория при отсутствии практики

Такая «форсированная» и «не в полной мере обдуманная» разработка рекомендаций в начале 1920-х годов в вооруженных силах Великобритании, отраженная в регламентирующих документах по взаимодействию видов ВС, по мнению целого ряда специалистов, носила скорее «рекламный», нежели практический характер. Так, считает видный британский военный историк Дональд Биттнер, обновленные уставы и наставления в данной, весьма «щекотливой» области военной деятельности, базировались в основном на плодах теоретических измышлений и явно недостающих знаниях, почерпнутых из ограниченной практики. По его мнению, якобы положенные в основу документов результаты учений не дотягивали до «полновесных выводов», поскольку, например, большей частью эти так называемые полевые занятия акцентировались на выполнении ограниченных и сугубо специальных задач, типа «конструирования искусственных дамб в помощь высаживаемому десанту, подготовке артиллерийских позиций, изучению склонов и дорог, отработке методов определения пригодности побережья и оценки условий для выгрузки на него техники» [1, р. 355]. Несмотря на отдельные замечания со стороны критически мыслящих специалистов относительно необходимости привнесения «большого реализма» в проводимые полевые занятия, ситуация оставалась без изменений. Об этом свидетельствовали учения по высадке десанта в 1924 г. (имитация защиты Сингапура) и в 1928 г. — оборона шотландского побережья. Амфибийные учения в 1934 г., несмотря на, казалось бы, учтенные критические замечания, вновь ограничились решением специфических задач, в частности, организации связи, и не более того.

Подвижки в «правильном» направлении

Между тем к середине 1930-х годов в Адмиралтействе накопилось достаточно информации о том, что в таких аналогичных «Туманному Альбиону» «морских державах» как США и Япония весьма серьезно относятся к амфибийным операциям и проводят интенсивную подготовку войск к возможному в будущем десантированию на побережье «противника». По указанию командования Королевских ВМС один из перспективных морских военачальников, в то время в звании кэптэн (капитан 1-го

ранга) Бертрам Уотсон подготовил специальный меморандум, в котором на основе проведенного анализа зарубежного опыта настоятельно рекомендовалось привлечь авиацию и наземные войска к совместной с флотом отработке задач по десантированию на побережье. Британский военный историк Кеннет Клиффорд писал о том, что «это был, пожалуй, самый качественный документ, разработанный в стране в межвоенный период, в котором самым убедительным образом обосновывалась необходимость учета весьма вероятной возможности десантирования с моря в грядущей войне» [2, р. 57].

В 1938 г. в Великобритании, наконец, был создан специальный Межвидовой центр по разработке соответствующих документов и практической подготовке войск к проведению амфибийных операций, размещенный на ВМБ Портсмут, начальником которого был назначен кэптэн (позже — адмирал) Л.И. Маунд, многолетний «борец» за продвижение данной идеи в жизнь. За год до своего назначения Маунд был лично свидетелем проведения десантной операции японцами в Шанхае, подробный анализ о чем довел до влиятельного секретаря заместителя председателя Комитета начальников штабов и Комитета имперской обороны Хастингса Исмея (чуть позже — Лорда Исмея). В докладе с определенной долей тревоги констатировался факт существенного отставания британцев от их «коллег» японцев и американцев в готовности к проведению десантных операций с моря. Однако, несмотря на активную работу Центра и постоянно оказываемое им давление на военное руководство страны, к началу Второй мировой войны в рамках британских ВС, как подчеркивает упоминавшийся исследователь Биттнер, «было всего лишь одно соединение, более-менее подготовленное к осуществлению амфибийных операций. Это 9-я пехотная бригада генерала Бернарда Монтгомери, который впоследствии был одним из основных организаторов высадки союзников в Нормандии в 1944 году» [1, р. 351].

Парадоксально, но британское военное руководство по-прежнему выражало сомнения в целесообразности подготовки войск к проведению амфибийных операций, полагая, как публично и неоднократно уже накануне войны заявлял заместитель председателя Комитета начальников штабов вице-маршал авиации Ричард Прайс, «такого рода операции просто невозможны перед лицом военно-воздушной мощи серьезного противника» [7, р. 58]. Более того, подчеркивает авторитетный американский эксперт в области военного строительства Дэвид Макгрегор, влиятельные британские военные руководители, не-

смотря на декларации об их «внимании» к зарубежному опыту в области амфибийного десантирования, так и «не смогли сгенерировать совместные усилия Межвидового центра, Адмиралтейства и Военно-морского колледжа и направить их в единое русло экспериментирования и отработки данных задач в условиях реальной обстановки» [6, р. 607–608]. И лишь по прошествии нескольких месяцев с начала Второй мировой войны благодаря «озарению» бесспорно неординарной личности Уинстона Черчилля, ставшего к тому времени фактическим британским военным лидером, в Великобритании, подчеркивает специалист в области истории морской пехоты Аллан Миллетт, «были приняты практические шаги, которые даже позволили ей стать лидером и первопроходцем в создании специальных методов и снаряжения для десантирования с моря, формирования для этого объединенных (межвидовых) штабов и организации реального взаимодействия наземных и морских сил» [8, р. 91].

Американцы мыслят иначе

В Соединенных Штатах отношение к амфибийным операциям как таковым и силам, их осуществляющим, в значительной степени отличалось от подходов, имевших место в «Царице морей», т. е. в Великобритании. Прежде всего это обуславливалось разным видением руководства обоих государств так называемых вызовов национальной безопасности и путей нейтрализации соответствующих угроз. В Лондоне, начиная со второй половины XVIII в., основной упор в деле «защиты» национальных интересов, носивших поистине глобальный характер, делался всецело на развитии военно-морской мощи. В Вашингтоне, столице молодого североамериканского государства первоначально были озабочены неприкосновенностью своих границ и, во вторую очередь, обеспечением «ползучей» экспансии, не выходящей за рамки Западного полушария («Доктрина Монро»). Отсюда и акценты на развитие сил, способных обеспечить национальные интересы и представленных небольшими мобильными отрядами, получившими название «морская пехота», способной оборонять свои объекты на побережье и высаживаться на побережье «противостоящей стороны». Американские историки приводят данные о порядка 180 амфибийных операций, осуществленных морской пехотой США и подготовленных для этого других родов войск, в период между 1800 и 1934 гг. [7, р. 59].

Приоритет — морской пехоте

«Увлеченность» такими операциями военно-политическим руководством США даже породила в конце XIX в. дискуссию относительно того, нужна ли какая-либо привязка, как в организационном, так и в доктринальном плане, морской пехоты к национальным военно-морским или сухопутным силам. Во всяком случае уже в те годы американский авторитет в области военной стратегии Альфред Тэйер Мэхэн однозначно утверждал о неразрывной связи МП именно с ВМС и их неизбежном сотрудничестве в осуществлении военной политики США. Правильность высказанного Мэхэном положения подтвердила Испано-американская война 1898 г., в ходе которой, в частности, батальон морской пехоты США, захватив объект на кубинском побережье, обеспечил тем самым поддержку американскому флоту, блокировавшему испанский гарнизон в Сантьяго-де-Куба. По словам военного историка Джека Шуллимсона, «данная акция наглядно продемонстрировала американским морякам, что отныне они не могут всецело опираться только на армию; ВМС нуждаются в собственном компоненте наземных сил» [9, р. 207].

И уже в 1900 г. благодаря инициативе Генерального совета (ГС) ВМС свет увидела «Концепция передового базирования», в которой четко была прописана задача МП как рода войск, взаимодействующего с ВМС и ответственного за захват и последующую оборону объектов на побережье противника. На это нацеливали и откорректированные программы подготовки офицерского состава в учебных заведениях морской пехоты США. Более того, отставные адмиралы-члены ГС активизировали работу по формулированию доктрины амфибийных операций будущего, к чему по их рекомендации были подключены соответствующие инстанции, включая прежде всего Военно-морской колледж, руководство МП и штаб ВМС.

Дискуссии вокруг теории

Провал осуществленной франко-британцами амфибийной операции по захвату Галлиполи в 1915 г. стимулировал американцев к обращению еще большего внимания, на первых порах, к теоретическим проработкам всех нюансов проведения

подобного рода операций в войнах будущего. Весьма полезная дискуссия на эту тему была развернута и на страницах основанного к тому времени специального периодического издания — «Марин кор газетт». Так, в опубликованной в данном издании в 1921 г. статье полковник Роберт Данлэп подверг весьма подробному анализу операцию союзников в Галлиполи и жестко раскритиковал действия британских плановиков, проигнорировавших погодные условия, не сумевших рассчитать объемов различного рода имущества, необходимого для десантирования с моря, неэффективность его перебазирования с места на место уже на побережье и др. По мнению Данлэпа, в будущих операциях такого рода главный акцент следует делать на совместном планировании их осуществления летчиками, моряками и морпехами. Аналогичного характера статьи в эти годы были опубликованы и в журнале «Просидингс», ведомственном издании независимого, организованного еще в 1873 г., Военно-морского института, а также в сборниках лекций Военно-морского колледжа. При этом авторы пытались затронуть весьма широкие аспекты проблемы, включая нюансы ведения корабельного огня в поддержку десантников, разработку специальных боеприпасов для операций по десантированию, медицинского обеспечения и др. Наиболее подготовленные офицеры морской пехоты по указанию своего руководства принимали самое активное участие в обсуждениях различных аспектов амфибийных операций в учебных заведениях ВМС и СВ, насаждая в ходе них идею о необходимости тесного сотрудничества и при этом отстаивая «особую» роль морской пехоты в обеспечении конечного успеха.

Где место морской пехоты?

Такая активность командования морской пехоты в начале 1920-х годов была неслучайной. Дело в том, что в этот период в военно-политическом руководстве США еще не сложилось твердой убежденности в том, что проведение амфибийных операций следует всецело возложить на морскую пехоту как отдельного рода войск. К тому же еще не были сконструированы специальные суда для высадки войск на побережье, не были выработаны подходы к обеспечению прикрытия высаживаемых войск. Генералы и офицеры морской пехоты, твердо

убежденные в необходимости развития МП как самостоятельного рода войск, предпринимали невероятные усилия с тем, чтобы не дать законодателям из Конгресса повода к «поглощению» морской пехоты не только сухопутными войсками, но даже ВМС.

Комендант (командующий) морской пехоты генерал-майор Джон Леджун, защищая свой род войск от возможности такого хода событий, сконцентрировал усилия соратников и единомышленников на обосновании практической и «эксклюзивной» роли МП в операциях войн будущего. По его указанию имевший авторитет в среде военных исследователей и абсолютный приверженец идеи «особости» морской пехоты майор Ирл Эллис провел специальное исследование относительно возможности проведения масштабной операции по десантированию на острова центральной зоны Тихоокеанского бассейна, находившиеся ранее под контролем Германии и отошедшие по условиям Версальского мирного договора к Японии. Результатом этой аналитической работы явился многостраничный и детальный, так называемый План 712 «Операции сил передового базирования в Микронезии», в котором «выпячивалась» роль морской пехоты. Разработанный Эллисом документ в последствии лег в основу так называемого Плана войны «Орандж», разработанного и одобренного в 1924 г. Объединенным советом армии (СВ) и ВМС США в предвидении военного конфликта с постепенно набирающей мощь Японией, в котором уже тогда прогнозировались ожесточенные бои по захвату и удержанию стратегически важных островов, для чего якобы необходимы специальные тренировки и интеграция усилий военно-морских, военно-воздушных и наземных сил.

В феврале 1922 г. генерал-майор Леджун направил в Генеральный совет ВМС специальную записку, посвященную проблеме увязки перспектив развития морской пехоты со статьями международных договоров, ограничивающих морские вооружения. Квинтэссенцией данного документа был вывод о том, что необходимо срочно обеспечить флоту поддержку со стороны мобильных войск, предназначенных для проведения амфибийных операций, для чего целесообразно организовать совместные учения в условиях «реально складывающейся обстановки». По его мнению, данные учения должны в обязательном порядке включать отработку задач по загрузке на специальные суда и разгрузке войск и техники [5, р. 251–252].

Акцент на учения

Во исполнение рекомендаций коменданта МП в 1923—1924 гг. были тщательно подготовлены и проведены весьма масштабные учения. В частности, в ходе первых же, двусторонних, было организовано прохождение группировкой кораблей Тихоокеанского флота США с морскими пехотинцами на борту через Панамский канал, при поддержке размещенных на Карибах мобильных сил МП, с учетом «противодействия» им со стороны аналогичной группировки Атлантического флота США. На следующих аналогичных масштабных учениях проигрывался захват морпехами Тихоокеанского флота (1750 военнослужащих) объектов на острове Кулебра (Пуэрто-Рико), контролируемых морскими пехотинцами Атлантического флота (1550 военнослужащих). Причем с обеих сторон активно привлекалась авиация, артиллерия и подразделения обеспечения. Вскрытые в ходе учений недостатки подверглись тщательному анализу с целью недопущения их впредь. Так, по результатам учений было принято решение о введении системы распознавания своих и чужих самолетов (кодовая система «свой-чужой») и организации телефонной связи между постами наблюдения и зенитными средствами. Участник этих учений адмирал Роберт Кунц, позже ставший начальником штаба ВМС США, оценил данные тренировки «в поле» как «первую реальную возможность подтверждения правильности концепции тесного взаимодействия флота и морской пехоты» [7, р. 63]. В 1925 (Гавайи), 1927 (Никарагуа) и 1932 (вновь Гавайи) годы были проведены еще более крупные учения с акцентом на отработку вопросов десантирования с моря, организацию взаимодействия с авиацией и инженерное обеспечение. Следует подчеркнуть тот факт, что если, например, в учебных заведениях МП в 1924—1925 гг. изучению вопросам амфибийных операций уделялось по паре часов в семестр, то уже в 1927 г. — 100 учебных часов.

В 1927 г. с санкции Объединенного совета армии (СВ) и ВМС был опубликован очередной документ «Совместные (объединенные) действия сухопутных войск и военно-морских сил», в котором наряду с «тривиальными» задачами МП — корабельная служба, охрана и т.п. — впервые акценты были сдвинуты на решение морской пехотой задач в амфибийных операциях. Отвечая в 1931 г. на запрос Генерального совета ВМС относительно ранжирования и задач морской пехоты, комендант этого рода войск генерал Бен Фуллер однозначно отдал приоритет ам-

фибийным операциям, причем в этом его поддержал начальник штаба ВМС адмирал Уильям Пратт.

Очередные «притязания» на морскую пехоту

Однако вопрос о «самостоятельности» морской пехоты США все еще оставался открытым. «Масло в огонь» в очередной раз подлили противники так называемого размывания ответственности за подготовку и осуществление амфибийных операций, и прежде всего руководство сухопутных войск во главе с начальником штаба этого вида ВС генералом Дугласом Макартуром, которое через законодателей в Конгрессе стремилось «вливать» морскую пехоту в сухопутные войска. Между тем ставший в 1934 г. комендантом морской пехоты генерал-майор Джон Рассел мобилизовал все интеллектуальные силы МП с тем, чтобы доказать «нерациональность» такого шага. В качестве одной из мер генералом было дано указание активизировать работу по всестороннему анализу проблемы и представление устраивавших морпехов выводов высшему руководству. Так, молодым перспективным офицером ВМС Х. Хьюиттом, артиллеристом по образованию и будущим адмиралом, был разработан весьма примечательный документ, касавшийся нюансов артиллерийской поддержки десанта на побережье, в котором обосновывалась необходимость для этого специальной подготовки офицеров, которую те могли получить только в учебных заведениях МП. Кстати, представленные в данном документе методы и правила ведения специфического огня в поддержку высаживаемых на побережье войск были применены практически без изменений в ходе амфибийных операций уже в ходе Второй мировой войны.

Параллельно научным сообществом моряков и морпехов был разработан «Экспериментальный устав десантных операций», который был одобрен штабом ВМС и рекомендован в качестве учебного пособия в главном учебном центре МП США в Куантико. Для того чтобы исключить в дальнейшем разговоры о возможности передачи морской пехоты в подчинение армии (сухопутных войск), руководство ВМС и МП согласованно выступили с оригинальным предложением о переименовании «экспедиционных сил морской пехоты» в «Силы морской пехоты флота».

И вновь учения и тренировки

С 1935 г. учения по амфибийному десантированию стали ежегодными и осуществлялись в рамках отработки положений периодически обновляемого «Плана войны “Орандж”», причем все чаще стали практиковаться учения с боевой стрельбой и реальным бомбометанием. Они проводились на фоне постепенно обострявшейся международной обстановки, в том числе вызванной выходом Японии в 1936 г. из международных договоров, подписанных в начале 1920-х годов в ходе Вашингтонской конференции, развертыванием Токио масштабной кораблестроительной программы и началом в 1937 г. японской интервенции в Китае. Надо признать, что в этот период и США со своим англосаксонским союзником Великобританией не оставались в стороне от общего «тренда» и также активно включились в гонку военно-морских вооружений.

В 1937 г. руководство ВМС США утвердило новое «Наставление по боевой подготовке», которое, по сути, стало официальной предвоенной доктриной амфибийных операций. В январе следующего года было организовано новое масштабное учение в Пуэрто-Рико, затянувшееся до марта, в котором приняли участие 2,5 тыс. морских пехотинцев и вновь, после некоторого перерыва, «по приглашению ВМС» — экспедиционная бригада сухопутных войск. Учения 1939 и 1940 гг. проводились уже на фоне начавшейся в Европе Второй мировой войны и ознаменовались попытками приближения их к реалиям боевых действий. Последние предвоенные учения в Нью-Ривер (шт. Северная Каролина) состоялись в августе 1941 г. По рекомендации руководителя учений тогда еще генерал-майора Холланда Смита, в них было задействовано беспрецедентное количество участников — порядка 17 тыс. человек. В ходе этих учений, наряду с высадкой на побережье, отрабатывались задачи по десантированию и с воздуха, в том числе в ночное время, для выполнения задач по разведке и охране были привлечены подводные лодки, впервые были использованы новые десантные средства, включая резиновые лодки и другие новшества. Естественно, не обошлось без замечаний, наиболее существенных из которых посредники насчитали 38. Но исправлять их пришлось уже в ходе войны, в которую США вступили в декабре 1941 г.

Выводы

Во-первых, в основу решения проблем разработки современной концепции амфибийных операций и ее реализации были положены объективные требования развития в период между двумя мировыми войнами военного искусства, в целом, и, в частности, субъективное видение отдельными военными специалистами и неформальным сообществом военных теоретиков в передовых в военном отношении государствах особенностей грядущих войн и конфликтов и место в них такого рода операций.

Во-вторых, в Великобритании, одной из стран-победительниц в Первой мировой войне и признанном лидере в развитии военноморской мощи, военно-политический истеблишмент тем не менее не сумел вовремя оценить важность амфибийных операций как «прорыва» в одной из сфер военного искусства и должным образом прореагировать на идущие, большей частью, в инициативном порядке «сигналы» снизу и «дать ход» теоретическим изысканиям в данной сфере и их апробированию на практике.

В-третьих, пристальное внимание к амфибийным операциям в США, как гражданского, так и военного руководства, явилось следствием учета не только собственного многолетнего опыта применения своеобразного рода войск — морской пехоты, находящегося «на стыке» армии (сухопутных войск) и военноморского флота, но и вовремя вскрытого потенциала специально подготовленных формирований для осуществления подобно рода операций в сражениях войн будущего.

В-четвертых, существенное продвижение в деле теоретического осмысления данного, по тем временам «революционного», шага в развитии военного искусства явилось результатом тесного взаимодействия различных инстанций не только в рамках американских ВМС и морской пехоты, но и военной авиации, сухопутных войск и независимых структур (в частности, Военно-морского института), давших реальный синергетический эффект в ходе проделанной работы.

В-пятых, успех масштабных амфибийных операций, осуществленных американцами в ходе Второй мировой войны сначала на Тихоокеанском, а затем с помощью союзников и на Европейском театрах войны, явился прямым следствием многочисленных учений с войсками, проведенных командованием ВС США в 1920–1930-е годы с привлечением практически всех видов и родов войск, боевыми стрельбами и бомбометанием в условиях обстановки, реально приближенной к боевой.

Американские специалисты в области теории вооружений Бернард и Фавн Броди еще в начале 1960-х годов выдвинули нетривиальный тезис о том, что «мыслительный процесс выбора приемлемой стратегии и перспективного оружия вовлекает в себя много знаний из различных областей человеческой деятельности, большая часть которых с неизбежностью сбивает с истинного пути» [2, р. 12]. Более того, констатирует другой известный американский эксперт в области строительства вооруженных сил Марк Манделес, даже столь востребованные для проверки идей эксперименты и опытные учения могут оказаться бесполезным занятием, если проводить их формально и не подвергать глубокому критическому анализу, на что требуется время. Так, командир первой американской ядерной подводной лодки «Наутилус», а затем ведущий морской историк Эдвард Бич вспоминал о том, что накануне Второй мировой войны бесконечная череда учений ВМС, больше напоминавших «спортивные соревнования» между экипажами кораблей в конечном счете превратилась в настоящую «показуху», не дававшую «пищу для ума», а лишь в моральное преследование тех командиров, которые резко выступали против такой «учебы» [1, р. xix–xx]. В этой связи, заключает Манделес, продвижение вперед в области создания новых видов оружия и разработки стратегий может быть обеспечено только в том случае, если обладать способностью или, по крайней мере, выработать навыки видеть «за горизонт» и иметь подходящие структуры, воплощающие передовые идеи в жизнь.

В данном плане показателен пример разных подходов в ВМС и сухопутных войсках США в период между мировыми войнами к решению проблемы создания авиационных компонентов в обоих видах ВС.

Мода на авиацию

В годы, непосредственно предшествовавшие началу Первой мировой войны, и в Европе, и в США военно-научную обще-

ственность охватила своеобразная мода на рассуждения относительно будущего авиации как таковой и ее полезности с точки зрения ведения и победы в грядущих войнах и военных конфликтах. Принимая во внимание географическое расположение США как «острова, удаленного на приличное расстояние от театров войн будущего», в данных словесных баталиях акцент делался на пригодность авиации для отражения возможных угроз национальной безопасности, исходящих прежде всего со стороны моря. В статье, опубликованной в популярном журнале «Сайентифик Америкэн» в 1910 г., например, утверждалось, что «идеи о том, что аэроплан революционизирует войны будущего, являются огромным преувеличением» [8]. Вместе с тем многие прогрессивно мыслящие американские аналитики и военные деятели придерживались диаметрально противоположной точки зрения. Так, уже в те годы получивший известность контр-адмирал Брэдли А. Фиске высказывал мысль о том, что «аэропланы представляют собой наиболее простое, относительно дешевое и быстро подготавливаемое средство для обороны нашего островного государства от возможного вторжения иностранной державы» [5, р. 276].

Несмотря на то что пальма первенства в практическом применении авиации принадлежала США (полеты братьев Райт), американцы быстро утратили лидирующие позиции в освоении данного вида техники. Специалисты США сетуют на то, что субъективной причиной этому была совершенно не вовремя начавшаяся тяжба между компаниями Кертиса и тех же Райт за права на патенты по производству авиационной техники, которая фактически парализовала мощности страны по изготовлению аэропланов. Но факт остается фактом. Именно европейцы на полях Первой мировой войны значительно продвинули идеи о применении авиации для решения целого комплекса задач в военной области, включая разведку, целеуказания для артиллерии, авиаподдержку пехоты и даже торпедирование отдельных судов с воздуха. Британия же вообще считается пионером в применении морской авиации, построив первый в мире авианесущий корабль «Фуриос», аэропланы с которого принимали участие в решении разведывательных задач по патрулированию. Американские же офицеры, командированные в британские формирования в годы войны и допущенные к разработке планов применения авиации, вернулись домой убежденными в том, что у аэропланов грандиозное будущее.

Моряки-пионеры

И уже в 1919 г. в военно-политических кругах Вашингтона развернулась дискуссия относительно перспектив авиации, в целом, и морской авиации, в частности. Сформированный еще в 1900 г. в соответствии с приказом тогдашнего военноморского министра Джона Д. Лонга так называемый Генеральный совет (ГС) ВМС, состоящий по большей части из имевших высокий авторитет на флоте отставных адмиралов, рекомендовал министру ВМС Джозефу Даниэлсу предложить президенту и конгрессу программу строительства авианосцев и разработку под них специальных (палубных) самолетов. В следующем году тот же совет подготовил обширный аналитический доклад, в котором убедительно доказывалась необходимость включения авиационного компонента в ВМС как «естественное звено модернизации» этого вида вооруженных сил [9, р. 188].

Неожиданно «морское лобби» столкнулось с ожесточенным сопротивлением их идеям относительно строительства авианосцев и базирующихся на них самолетов. Тон в этом противодействии задавал главный адвокат воздушной мощи в США бригадный генерал Уильям («Билли») Митчелл. В начале декабря 1919 г. он выступил перед конгрессменами с концептуальным докладом, в котором попытался доказать «правильность» тезиса о том, что ВВС одни способны ликвидировать угрозу стране откуда бы она ни исходила и что для этого нет необходимости «внедрять» авиацию в ВМС, которые сами по себе в скором времени будут «потеснены» новым перспективным видом вооруженных сил — авиацией. Аргументация Митчелла воздействовала на законодателей и даже показалась убедительной для некоторой части морского истеблишмента. Так, министр ВМС и начальник штаба этого вида ВС адмирал Уильям С. Бенсон поначалу не поддержали инициативу «снизу» относительно формирования самостоятельного морского Бюро по аэронавтике (БА).

Но моряки в инициативном порядке без обычной в таких случаях рекламной шумихи, но достаточно успешно в 1920 г. провели серию учений с боевым бомбометанием по стоящим на якорях кораблям-мишеням. Сам факт проведения этих «секретных» учений, все же просочившийся на страницы периодических изданий, вызвал неоднозначную реакцию. Прежде всего негодовали сплотившиеся вокруг Митчелла сторонники созда-

ния самостоятельного вида ВС — военно-воздушных сил, которые обвинили моряков в «бесполезной трате средств».

Военно-морской истеблишмент продолжал проводить свою линию. В январе 1921 г. министр ВМС предложил Генеральному совету подготовить всесторонне обоснование того, на какой вид кораблей в перспективе следует опереться национальным военно-морским силам, чтобы с пользой для дела акцентировать усилия в реализации программы вооружений. И уже в феврале того же года совет доложил о своем видении развития ситуации. В частности, в докладе указывалось, что традиционные корабли ждут угрозы на море, нейтрализовать которые будет весьма не просто. Появившимся на вооружении в конце XIX в. торпедам, хотя и было найдено противоядие в виде улучшенной защиты днища кораблей, скорострельного оружия и эффективных в бою миноносцев, в войнах будущего все же противостоять будет достаточно сложно, что и показал опыт Первой мировой войны. Подводные лодки, также продемонстрировавшие свою эффективность в ходе недавних морских боев, опять же, якобы, ждет незавидное будущее в силу найденного «противоядия» в виде тех же миноносцев, глубинных бомб нового поколения и акустических приборов. А вот угрозу со стороны морской авиации, подчеркивалось в докладе, нейтрализовать будет весьма сложно в силу того, что в странах-потенциальных противниках пока еще не придумано эффективное средство противодействия.

Американские адмиралы с одобрением встретили документ Генерального совета. В частности, его положения горячо поддержали такие авторитеты, как в недавнем прошлом командующий Атлантическим флотом адмирал Генри Мэйо и начальник Бюро военно-морских вооружений адмирал Чарльз Макквэй. А адмиралы Уильям Фуллэм, Уильям Симс и Брэдли Фиске выступили с заявлением, в котором назвали появление морской авиации «даром свыше, реальным воплощением революции в военном деле!» [6, р. 33].

Примечательно, что одновременно и британским Адмиралтейством был подготовлен доклад с аналогичными выводами и направлен в Парламент. Известные британские морские военачальники и в их числе адмирал Джон Джилайко, а также авторитетные адмиралы «с Континента» Люсьен Лаказ (Франция) и Альфред фон Тирпиц (Германия) также выступили твердыми сторонниками морской авиации.

Моряки «гну́т» свою линию

Воодушевленный такой мощной поддержкой, министр ВМС Даниэлс резко «отмел» все критические замечания генерала Митчелла по поводу нового рода военно-морских сил и обвинил последнего в «незаслуженном присвоении себе звания эксперта в морских делах!» [6, р. 33]. Не тратя время, Даниэлс уже в феврале 1921 г. обратился с письменным предложением к военному министру Ньютону Бэйкеру относительно проведения совместных учений ВМС и сухопутных войск, в ходе которых предусматривалось бомбометание с воздуха в прибрежной зоне. Предложение моряков было принято, и в скором времени серия совместных (объединенных) учений была осуществлена.

Результаты реального бомбометания тем не менее были оценены неоднозначно. Если сторонники создания морской авиации были воодушевлены итогами тестирования, то их противники сделали вывод о «нехватке реализма испытаний»: идеальная погода, отсутствие противодействия авиации, стационарная цель — корабль-мишень, да к тому же, не обладавший броней и системой откачки воды и т.п. Сомнения в отношении того, что в реальной обстановке самолет может потопить корабль высказывал даже помощник министра ВМС, будущий президент страны Франклин Рузвельт [4, р. 90]. Адвокатам морского авиационного компонента тем не менее удалось доказать экономическую выгоду создания нового рода ВМС и добиться от Конгресса формирования в рамках этого вида вооруженных сил Бюро по аэронавтике.

Организационная «подпорка»

Весьма существенную роль в продвижении идеи создания морского авиационного компонента сыграло руководство Военно-морского колледжа (ВМК), созданного еще в 1884 г. как первого видового учебного заведения в США для подготовки командных кадров, и лично его директор (начальник) адмирал У. Симс. В рамках колледжа при содействии Бюро по аэронавтике, которое возглавлял адмирал Уильям Моффет, была сформирована специальная программа обучения будущего командного состава морской авиации. В реализации этой программы отрабатывался весь комплекс связанных с этим вопросов — от имитации действий флота с участием авианесущих кораблей до

выработки предложений относительно конструкции базирующихся на них самолетов — и представления основанных на этом рекомендаций в высшие инстанции.

Наконец, в 1923 г. сторонникам морской авиационной мощи удалось договориться об объединении усилий и создании неформальной организации, или так называемого своеобразного общества поддержки морской авиации, в которое вошли Генеральный совет ВМС, Военно-морской колледж и Бюро по аэронавтике, а также отдельные адмиралы и офицеры-энтузиасты этого, по сути, нового формирующегося рода военно-морских сил. И даже несмотря на такой существенный шаг вперед, в рамках самого этого общества продолжались бурные дискуссии относительно приоритетов развития морской авиации: сможет ли она самостоятельно выполнять задачи по противодействию флоту противника в войнах будущего, или ей придется ограничиваться обеспечивающей ролью, например, ведением разведки. Долю сомнения в амбициозные планы «морских авиаторов» вносил скептицизм гражданских авиационных конструкторов, считавших, что создание в тот период перспективных самолетов под жесткие требования моряков вряд ли возможно, особенно на фоне бурно развивавшегося «традиционного» военного кораблестроения. Ответить на все эти вопросы, совершенно логично посчитали в руководстве ВМС, могли только эксперименты с новыми технологиями и опытные учения флота в условиях реальной обстановки на море.

В 1925 г. в соответствии с плановой ротацией командиром сформированной эскадры морской авиации был назначен капитан (позже адмирал) Джозеф Ривс, переведенный на эту должность из Военно-морского колледжа, где он как раз и курировал вопросы организации экспериментов и военных игр с участием авианесущих кораблей. Ривсу командованием флота были даны самые широкие полномочия по проведению реальных экспериментов в море и внедрению их результатов в планировавшееся в скором времени обновление военно-морской стратегии. Для этого в распоряжение Ривса был выделен экспериментальный корабль-носитель самолетов «Лэнгли». Уяснив еще в бытность офицером-исследователем в колледже, что наибольший эффект приносит применение самолетов морской авиации не «поодиночке», а в группе, Ривс первым делом увеличил количество летательных аппаратов с 14 до сразу 42 и активизировал интенсивность тренировок экипажей. Параллельно им были предпри-

няты и другие новшества, в последующем взятые на вооружение теоретиками и практиками нового рода ВМС.

Нельзя не отдать должное руководству американских ВМС в том, что, несмотря на превалировавшие поначалу в межвоенный период взгляды относительно необходимости акцентов в развитии данного вида вооруженных сил на традиционную военно-морскую мощь, в центре которой якобы должен оставаться корабль, а не на «искусственно внедренный чуждый элемент в виде самолета», морская авиация оказалась отнюдь не «пасынком» в планах развития и применения этого нового рода ВМС.

У сухопутчиков свои проблемы

В отличие от военно-морских сил в сухопутных войсках США никогда не стоял вопрос о том, быть ли авиационному компоненту в составе СВ, или не быть. Дискуссии разворачивались вокруг других проблем: на какую авиацию, истребительную или бомбардировочную, делать ставку и какие задачи должны решать военно-воздушные силы страны, сведенные в так называемый авиакорпус и подчиняющийся начальнику штаба армии (СВ).

При решении первой проблемы, несмотря на некоторые оппозиционные настроения, верх одержали те в высших эшелонах военного руководства, кто призывал сконцентрировать усилия на бомбардировщиках дальнего действия. В Тактической школе авиакорпуса разработали воздушную доктрину, содержавшую четыре принципиальных положения. Во-первых, самолет — это наступательное оружие. Во-вторых, в войнах будущего поражение противнику может быть нанесено массированными бомбардировками населенных пунктов. В-третьих, в тех случаях, когда неизбежно взаимодействие с наземными войсками или военно-морским флотом, приоритет отдается авиаторам, которые сами выбирают форму такого взаимодействия. В-четвертых, в ходе воздушного наступления необходимо завоевание господства в воздухе над театром войны, воспрепятствование продвижению войск противника и его снабжению и оказание поддержки своим наземным войскам. Примечательно при этом то, что эти фактически доктринальные принципы постулировались, не пройдя «обкатки» ни в ходе полевых экспериментов, ни в ходе командно-штабных тренировок, ни даже дискуссий в кругах заинтересованных лиц. Слабым утешением для «продвинутых» авиаторов могло служить то, что, как подчеркивает упоминав-

шийся выше эксперт М. Манделес, аналогичная ситуация в межвоенный период сложилась вокруг проблемы применения танков [6, р. 39].

Имитация учений

Тем не менее, взяв за основу данную доктрину, в 1931 г. командующий авиакорпусом генерал-майор Джеймс Фечет организовал маневры, руководство которыми поручил своему помощнику полковнику Бенджамину Фулюа. Масштаб маневров и представленные образцы авиационной техники произвели впечатление на публику, тем более что они проводились вблизи населенных пунктов в районе Великих озер. Тот факт, что в ходе них не было отмечено ни одного инцидента, был весьма позитивно оценен начальником штаба СВ генералом Дугласом Макартуром и президентом страны Гербертом Гувером.

Между тем критически мыслящие специалисты и в их числе незаурядный тогда еще майор Клэр Ченнолт отмечали явную «профанацию» мероприятия и «показуху», когда не был решен ни один из вопросов, стоявших в тот период перед авиацией. Так, например, по его мнению, проблема перехвата бомбардировщиков истребителями осталась «за скобками» маневров, хотя было очевидно, что оповещение о налете с задержкой, да еще и по слабо развитым телефонным коммуникациям никак не могло удовлетворять «обороняющихся». А ведь в это же время в союзной Великобритании штаб Королевских ВВС уже приступил к экспериментам с организацией той ПВО, которая показала себя вполне надежно с началом Второй мировой войны и в основе которой лежали внедренные в войска радиолокационные станции, специальные истребители, оснащенные восемью пулеметами, и апробированная в ходе учений тактика действий истребительной авиации в целом.

В 1933 г. теперь уже командующий авиакорпусом генерал Б. Фулюа организовал новые учения авиации, ответственность за проведения которых возложил на генерал-майора Оскара Уэстовера. И на этот раз маневры оказались «неполноценными», большей частью ориентированными на «публичный эффект». Между тем в своем докладе по итогам учений Уэстовер сделал весьма «интересные» заключения. Во-первых, по его мнению, высокоскоростные бомбардировщики (моноплан «Мартин»Б-10, имевший скорость более 200 миль в час) в состоянии с лег-

костью преодолевать любую ПВО вероятного противника. Вторых, тихоходные истребители [типа биплана «Боинг»П-12) не представляют никакой угрозы бомбардировщикам, которым, в связи с этим, нет нужды в эскортировании. В-четвертых, даже если и будут созданы высокоскоростные истребители, их применение против бомбардировщиков будет весьма проблематично в силу якобы отсутствия приемлемых разработок по тактике их действий. Руководство Тактической школы авиакорпуса никак не прокомментировало данные парадоксальные выводы. Таким образом, были полностью проигнорированы достижения европейской военно-воздушной мысли, уже продемонстрированные на аналогичных учениях за океаном.

Тем не менее, в 1935 г. руководством авиакорпуса было решено провести исследование относительно возможной роли истребителей в будущей войне. Выводы исследования в очередной раз поразили независимых экспертов своей беспечелляционностью и однозначностью. Так, утверждалось, что современные технологии не позволяют создать тяжелый истребитель дальнего действия, обладающий скоростью, превышающей хотя бы на 25% скорость уже созданных бомбардировщиков, а также критически важными для истребителей высоким «потолком» и «быстрой» скороподъемностью. Кроме того, подчеркивалось, что в связи с нехваткой денежных средств, усилия авиаторов должны сосредоточиться на совершенствовании бомбардировочной авиации, а разработки по истребителям будут финансироваться по остаточному принципу. За всем этим ощущалось мнение «авиационного лобби» во главе с авторитетным генералом Митчеллом, которое воспринималось руководством страны априори как истина в последней инстанции, не будучи подвергнутой экспертизе ни в виде дискуссий, ни тем более путем экспериментов «в поле». Слабым утешением, если так можно сказать, для критически настроенных специалистов как из среды авиаторов, так и независимых экспертов могло служить лишь то, что, как и в ВМС, на авиацию в межвоенный период вообще выделялось меньше средств, чем на развитие других родов войск.

Неясность с задачами

Что касается перспективных задач, стоящих перед авиацией, то и здесь при их формулировании, не говоря уже об «обкатке», авиаторы СВ сталкивались со значительными трудностями.

Так, например, ставшая в американской авиации приоритетной задачей по дальним и массированным бомбардировкам не подкреплялась теоретическими разработками в области их наземного обеспечения, в том числе относительно строительства сети так называемых аэродромов подскока. Да и массированные бомбардировки населенных пунктов, как показала Гражданская война в Испании в середине 1930-х годов, хотя и приводила к огромным жертвам среди гражданского населения, но эффекта победы в войне в целом не приносила.

Далее. По результатам Первой мировой войны всем было понятно, что без выполнения задачи целеуказания для артиллерии с воздуха в войнах будущего не обойтись. Офицеры-энтузиасты авиакорпуса настаивали на создании для этого специального самолета, который в предварительном порядке необходимо было «пропустить» через полевые учения. Однако на деле не выходило ни того, ни другого. Либо проект такого самолета получался с чрезмерной для решения задач по целеуказанию скоростью, либо слишком большим и тяжелым, чтобы летать на предельно низкой высоте, удобной для засечки целей. Да и до специальных учений у командования авиакорпуса руки не доходили [7, р. 23].

Марк Манделес отмечает, что, несмотря на явное требование времени о необходимости тесной увязки действий наземных войск и авиации в ходе решения масштабных задач в бою, «ни военного министра, ни председателя Комитета начальников штабов, ни генералов-авиаторов в тот период ни разу не озарила мысль о формулировании доктрины воздушно-наземной операции и ее опробовании в ходе экспериментов и учений» [6, р. 43]. Даже с началом в сентябре 1939 г. Второй мировой войны и, якобы, неожиданным для всех германским «блицкригом», успех которого во многом определили совместные действия наземных войск и авиации, данные факты нисколько не убедили американцев в срочной необходимости пересмотра всего комплекса стоящих перед авиацией США задач. И лишь в августе 1940 г., т. е. фактически через год после начала военных действий в Европе, безусловно одаренный американский генерал Джордж Маршалл, занявший пост начальника штаба СВ, дал указание руководителю одного из управлений штаба бригадному генералу ВВС Фрэнку Эндрюсу разобраться с этим вопросом и доложить рекомендации по исправлению положения. И уже в сентябре того же года Эндрюс представил документ, в котором подтвердил несоответствие подготовки командного

состава авиакорпуса европейским стандартам и четко указал на необходимость срочно осуществить совместные учения авиации и наземных войск и по их результатам провести массовое переучивание командного состава с акцентом на умение организовывать такое взаимодействие в бою. Командование сухопутных войск США в срочном порядке занялось разработкой соответствующих регламентирующих документов, первые из которых в данной области, полевые уставы FM 31-35 «Авиационная поддержка наземных сил» и FM 100-15 «Регулирование полевых служб. Части и соединения», появились с опозданием только в первой половине 1942 г.

Существенной подвижкой в деле адаптации авиации США под требования складывавшейся кардинально новой обстановки, в том числе на полях битв в начавшейся Второй мировой войне явилась проведенная в июне 1941 г. реорганизация и создание вместо авиакорпуса сухопутных войск США ВВС Армии (СВ) со значительным расширением функций командования и конкретизацией задач авиационных формирований.

Однако уже после прибытия первых американских авиачастей в Европу командующий американскими ВВС генерал Генри Арнольд был вынужден признать, что «несмотря на то, что авиация не была протестирована в бою, мы самонадеянно были уверены в ее боеспособности» [6, р. 44]. Особо же критично настроенный упоминавшийся выше, ставший впоследствии генерал-майором Клэр Ченнолт был более жесток в своих оценках: «Офицеры авиакорпуса, имевшие за плечами неполноценную подготовку в предыдущие годы, в начале войны уже занимали руководящие посты в американской авиации, когда сотни незащищенных Б-24 и Б-17 были сбиты над Европой!» [3, р. 24].

Выводы

И сухопутные войска, и военно-морские силы США в межвоенный период формально были поставлены в одинаковые условия, если не выживания, то, по крайней мере, «некомфортного» существования. Но скорее субъективно и интуитивно, нежели осознанно, в морском истеблишменте быстро поняли, что для продвижения «революционной» идеи о морской авиации необходимо объединить внутриведомственные усилия, и создали так называемое сообщество, состоящее из нескольких орга-

низационных структур (ГС, ВМК, БА), окрыленных «сверхзадачей», пронизанных интерактивными отношениями входящих к нему компонентов и возглавлявшихся незаурядно мыслящими военачальниками. Ничего подобного у сухопутчиков не было, да к тому же армейское руководство находилось «в плену» явно иллюзорных представлений о перспективах военной авиации в целом.

ВМС США, в жестких рамках «недофинансирования», нашло единственно приемлемый в тот период путь воплощения идеи с морской авиацией в жизнь через широкую дискуссию, эксперименты и опытные учения, правильность которого была подтверждена буквально с первых дней участия страны во Второй мировой войне и, в конечном счете, одержанной американцами победы на Тихоокеанском театре благодаря именно морской (авианосной) авиации. Как подчеркивал генерал Дж. Маршалл, «интеллектуальное экспериментирование делает расчетливой трату ресурсов и приносит победу в бою... Лучше обладать информацией и знаниями, позволив им даже умереть под напором критики и неудач в ходе учений в мирное время, нежели приобретать те же знания ценой человеческих жизней в бою!» [6, р. 46].

Вопросы реформы управления ВС впервые в качестве самостоятельных стали рассматриваться в законодательных органах США только в 1944 г. с тем, чтобы дать импульс к реальным преобразованиям, но уже после окончания Второй мировой войны. В Палате представителей Конгресса США был сформирован специальный комитет под председательством К. Вудрума, в котором изучались различные варианты предложений, но в силу кардинально противоположных предложений проект закона так и не был выработан. Бесплодные дискуссии продолжались до весны 1945 г.

Тем временем в Белом доме произошла смена руководства. Новый президент Гарри Трумэн, поставивший цель — достижение абсолютного доминирования в мире для США — нуждался в органе, координирующем действия ведомств, занятых разработкой и осуществлением внутренней и силовой внешней политики. Под его давлением Конгресс был вынужден вернуться к обсуждению вопроса о централизации управления ВС.

Сенатский комитет по делам вооруженных сил начал слушания по вопросу объединения руководства ВС в октябре 1945 г. Участвовавшие в его работе представители сухопутных войск и ВМС в жестких дискуссиях, отстаивая «эксклюзивные» права своих видов, все же выработали предложения, которые могли бы стать основой для законопроекта, но не стали ввиду вновь обострившихся межвидовых противоречий. Потребовалось вмешательство президента.

19 декабря 1945 г., т. е. через два дня после того, как слушания были завершены, Г. Трумэн направил послание в Конгресс, в котором рекомендовалось «объединение вооруженных сил» и создание единого Министерства обороны. В послании подчеркивалось, что сведение существующих двух ведомств (Военное министерство и Министерство ВМС) в единое целое необходимо, в том числе чтобы содействовать более эффективному финансовому управлению вооруженными силами.

В конце декабря 1945 — начале января 1946 г. сенатский комитет по делам вооруженных сил под председательством сенатора Э. Томаса открыл слушания по вопросу о реорганизации военной машины страны. И вновь не удалось прийти к соглашению. Еще более жесткое давление президента в конце концов привело к компромиссу, получившему известность по фамилиям министров ВМС и сухопутных войск (армии), соответственно как «Соглашение Дж. Форрестола и Р. Паттерсона». Рассмотрение рекомендаций президента и «Соглашения Форрестола-Паттерсона» проходило в обеих палатах Конгресса. Наконец, сформулированные идеи в виде закона были приняты Сенатом 24 июля, а Палатой представителей — 25 июля. Президент подписал этот закон 26 июля 1947 г., который получил название «Закон о национальной безопасности».

Таким образом, несмотря на то что далеко не все предложения участвовавших в дискуссиях представителей сторон были учтены, тем не менее самое существенное воплотилось в жизнь: министр обороны страны как единый глава «национального военного истеблишмента», состоящего из трех исполнительных органов — видовых министерств (включая ВВС, выделенных в отдельный вид вооруженных сил), был поставлен над всеми видами ВС. Был также утвержден КНШ в качестве постоянного органа с организацией при нем Объединенного штаба [2, с. 26–27]. Примечательно, что с целью упорядочивания разработок и поставок в войска ВВТ по настоянию большой группы конгрессменов создавались два так называемых Совета — военных поставок (для координации и планирования военного производства и поставок) и военных исследований (для подготовки научно-технических разработок в военной сфере) [12, р. 103].

До принятия закона Военное министерство и Министерство ВМС выполняли как оперативные, так и обеспечивающие функции, начальники же штабов видов ВС могли руководить войсками «в поле». Теперь приказы президента направлялись по однозначно намеченной линии: через министра обороны непосредственно до войск (боевых или объединенных командований, как географических, так и функциональных).

В текст закона вошли и другие существенные положения, введением в действие которых подводилась черта под вызревшие в ходе Второй мировой войны предложения о преобразованиях военной машины страны. Во всяком случае, на первых порах американский генералитет, и в частности такие его яркие представители, как Джордж Маршалл (правда, оставивший

к этому времени действительную службу) и Дуайт Эйзенхауэр, был удовлетворен и этим. Однако многое еще предстояло сделать, а то, что было намечено в силу тех или иных как объективных, так и субъективных причин, осуществлялось не так, как планировалось.

Уже через год Конгресс заинтересовался тем, как претворяется в жизнь данный закон. Заняться анализом было поручено подкомитету по вопросам расследований сенатского комитета по делам вооруженных сил. Выяснилось, что нарушения имели место, но большей частью это объяснялось явными недоработками самого закона. С подачи военной верхушки и по рекомендации президента в мае 1948 г. председатель комитета Сената по проблемам организации исполнительной власти Герберт Гувер объявил о создании комиссии по изучению проблем организации национальной безопасности, которую возглавил известный политический деятель Ф. Эберстадт. В ноябре того же года комиссия представила Гуверу четыре тома выводов и рекомендаций [11, р. 1–4]. Помимо положительных моментов в отчете содержались и выявленные серьезные недостатки в деятельности некоторых ведомств, решающих вопросы национальной безопасности. В частности, комиссия нашла неудовлетворительным контроль над военным бюджетом и рекомендовала создать должность «ревизора» в ведомстве министра обороны. Кроме того, отмечалось, что полномочия министра необходимо увеличить и что следует назначить постоянного председателя Комитета начальников штабов [11, р. 30].

Дальнейшая работа по устранению недостатков закона проходила под руководством комитета, назначенного уже президентом. Кроме того, предложения о совершенствовании системы национальной обороны нашли отражение и в так называемом «Меморандуме Форрестола-Пейса-Клиффорда», названного в честь политиков, принявших самое деятельное участие в формировании предложений об исправлении недостатков. Изучив все представленные на рубеже 1948–1949 гг. рекомендации, президент направил в Конгресс предложения по корректировке Закона 1947 г. Профильный сенатский комитет рассмотрел предложенные поправки, а 26 мая 1949 г. они были приняты Сенатом как четвертый раздел «Закона о национальной безопасности» 1947 г.

Самым важным было то, что Национальное военное управление, курировавшее работу видовых министерств, преобразовалось в полноценное Министерство обороны, а его глава по-

лучал неограниченное «управление, власть и контроль» над всей организацией и становился главным помощником президента во всех делах, касавшихся проблем обороны. Видовые министры теряли ранг членов кабинета и соответственно права апелляции на решения министра обороны. Кроме того, назначался постоянный председатель КНШ, который становился советником президента и министра обороны. Однако Конгресс отклонил предложение президента снять все ограничения на размер КНШ, опасаясь, что это может привести к созданию «генерального штаба», структуры, абсолютно неприемлемой для англосаксонской модели руководства ВС как «подминающей под себя свободу функционирования независимых в своем развитии видов ВС». Объединенный штаб при КНШ увеличивался более, чем в два раза — со 100 до 210 офицеров. В целом начальники штабов видов вооруженных сил оставались по существу советниками президента, а ответственность за окончательное решение возлагалась на министра обороны и, если необходимо, на самого президента [8, р. 53]. В 1940-е годы XX в. в США была разработана и претворена в жизнь уникальная концепция национальной безопасности и создана «подобно централизованная» структура управления вооруженными силами.

Данная модель прошла серьезное испытание в ходе разразившейся уже через год после ее принятия в 1950 г. Корейской войны. Естественно, было выявлено много слабых мест, что не могло остаться незамеченным ни в военном руководстве, ни законодателями, ни независимыми наблюдателями. Примечательно то, что пришедшая к власти в ходе войны в Корею в 1952 г. президентская администрация отставного генерала Дуайта Эйзенхауэра, последовательного сторонника централизации военного руководства и наведения порядка в системе производства и обеспечения войск вооружением и военной техникой, максимально содействовала претворению в жизнь рекомендаций многочисленных комиссий и комитетов, анализировавших опыт этой войны, в том числе и влиятельный Комитет Рокфеллера, рекомендации которого были учтены в последующем законодательстве в области национальной обороны. Сразу после окончания Корейской войны в 1953 г. был принят очередной закон о реорганизации военного ведомства, а через пять лет, в 1958 г., как реакция на рекомендации очередных комиссий, включая в первую очередь Комиссии Гувера, был принят еще один аналогичный акт. Оба этих закона в совокупности, хотя и в принципиальном плане не противоречили фундаментальному

акту от 1947 г. и поправкам к нему от 1949 г., но содействовали укреплению позиций сторонников централизации в руководстве вооруженными силами. Достаточно сказать, что размеры Объединенного штаба КНШ — символа «объединительных» процессов в ВС — к началу 1960-х годов законодательно были увеличены еще почти в два раза — до 400 офицерских должностей.

Впереди военную машину США ждали серьезные испытания в связи с начавшейся в начале 1960-х годов очередной войны — Вьетнамской, продлившейся целое десятилетие. Верные своей традиции американцы практически с самого начала втягивания в кризис в Юго-Восточной Азии принялись осмысливать разворачивавшиеся все в большем масштабе военные действия, естественно, путем создания всевозможных комиссий, комитетов и т.п. на всех уровнях как законодательной, так и исполнительной ветвей власти. Главным образом, рекомендации этих аналитических органов затрагивали текущие дела и были направлены на поиск путей одержания победы на поле боя. Но с течением времени стали вырисовываться более весомые проблемы, без решения которых вряд ли можно было ожидать кардинальных сдвигов в американском военном строительстве в целом. Корни этих проблем уходили в недалекое прошлое, а именно в недостатки принятых в конце 1940-х — начале и конце 1950-х годов законодательных актов в области военной безопасности.

Так, известный американский аналитик Айк Скелтон отмечал, что, несмотря на титанические усилия наиболее продвинутых предшественников, как из числа политиков, так и военных, по обеспечению «приемлемой» централизации в руководстве войсками, во Вьетнаме наблюдалась картина вопиющей разобщенности действий командиров высокого уровня. «В то время, как генералы Уильям Уэстморленд и позже Крейтон Абрамс, — пишет Скелтон, — вели ожесточенную наземную войну в Южном Вьетнаме, авиация ВМС по собственному разумению проводила воздушные операции против Северного Вьетнама. Аналогичным образом, по собственным планам действовали американские ВВС ... Другими словами, вопрос о какой-либо координации просто превратился в кошмар для всех» [7, р. 28]. Военно-политическое руководство США, как это не покажется удивительным, нарушило один из фундаментальных принципов войны — единство руководства.

В комплексе с этим следует рассматривать и изоляцию каждого из видов ВС в разработках собственных программ воору-

жений. Аналитики П. Смит и Д. Джерстейн отмечают тот факт, что пользовавшийся в 1950-е годы неограниченным влиянием в коридорах власти в Вашингтоне генерал Куртис Лемэй, командующий Стратегическим авиационным командованием ВС США, попросту «забыл» о балансе вооружений, «продавливая» решения о тотальном финансировании строительства грандиозного флота стратегических бомбардировщиков В-52. И если бы ВМС не разработали таких самолетов тактической авиации, как F-4 «Фантом» и A-7 «Корсар», а также некоторых боеприпасов для ведения боев на тактическом уровне, во Вьетнаме попросту воевать было бы нечем [9, p. 162].

Другими словами, опять стал назревать вопрос о корректировке законодательных актов, касавшихся национального военного строительства. И все же нет оснований однозначно утверждать, что с завершающей стадией Вьетнамской войны и до начала 1980-х годов в высших эшелонах власти в Вашингтоне ничего не делалось для подгонки национальной военной машины под новые требования времени. Достаточно вспомнить о беспрецедентном переходе американских ВС в начале 1970-х годов на полностью добровольный способ их комплектования, реализация которого, при постоянном уточнении и совершенствовании, заняла почти целое десятилетие. В те же годы интенсивно работала Комиссия Фитцхью, которая предъявила администрации президента Никсона одних только рекомендаций по улучшению дел в военном ведомстве более одной сотни. После чего, кстати, и президент лично дал команду руководству министерства обороны претворить все эти рекомендации в жизнь, хотя поначалу и безуспешно. В начале 1980-х годов активно работала Комиссия Грейса, вскрывшая в том числе практически те же самые недостатки, в основном касавшиеся плохой организации обеспечения ВС вооружением и военной техникой... Но все эти многочисленные и авторитетные комиссии, хотя и работали плодотворно, но, что называется «били по верхам», не затрагивая сути вызревшей проблемы.

Дело сдвинулось, как отмечают американские аналитики, когда очередную комиссию законодательной ветви власти по расследованию проблем вооруженных сил в 1985 г. не возглавил в прошлом преуспевающий бизнесмен, а затем и заместитель начальника военного ведомства страны, имевший богатый опыт участия во всевозможных комиссиях, Дэвид Пакард, который на сей раз весьма конструктивно взялся за дело. И уже через небольшой промежуток времени по результатам работы этой

комиссии в Конгрессе состоялись интенсивные слушания, на которые были приглашены многие ведущие политики и военные деятели страны. Сенатский комитет по делам вооруженных сил подготовил обширный доклад, который в конце концов превратился в фундаментальный «Закон Голдуотера-Николса», принятый в 1986 г.

Содержание ставших сутью закона рекомендаций вышеназванных комиссий, докладов, статей, заявлений и проч. стало обоснованием в том числе и необходимости шагов в направлении дальнейшей централизации управления военной машины страны, причем во всех областях ее функционирования, включая руководство войсками «в поле» и приобретением (закупками) вооружения и военной техники. Принятием «Закона Голдуотера-Николса» американское военно-политическое руководство после многих лет практической деятельности и осмысления предшествующей законодательной базы попыталось устранить те бреши, которые оставались неприкрытыми в предыдущих законодательных актах в области военного строительства. Так, новым законом, наконец, четко регламентировалась роль всех высших должностных лиц в министерстве обороны. Иерархия была установлена следующая: министр обороны, его первый заместитель, заместитель министра по политическим вопросам и ряд заместителей по конкретным направлениям (число которых могло изменяться по тем или иным причинам). Все это гражданские лица, в аппараты которых были «вкраплены» военные разных рангов. Председатель КНШ в данной иерархии занял третье место — после министра и его первого заместителя. Однако он не являлся и не является поныне членом Совета национальной безопасности, но, будучи советником этого органа, как правило, принимает активное участие в заседаниях СНБ.

Надо к тому же иметь в виду, что КНШ — это не Генеральный штаб, как оговорено в специальной статье закона. Соответственно, КНШ не является командным и исполнительным органом, он не отдает приказы войскам. В то же время Объединенный штаб КНШ привлекается к разработке оперативно-стратегических планов, занимается обработкой «объединенных» или «единых» (для всех ВС) уставов и наставлений, ориентированных на то, чтобы вооруженные силы США на всех уровнях действовали как единое целое, а не как простой конгломерат видов вооруженных сил или их элементов. Понимая, что в силу заложенных в англосаксонскую модель военного устройства традиций «независимого развития видов ВС» сделать это чрез-

вычайно сложно, военно-политическое руководство США незамедлительно начало проводить в жизнь линию по искоренению «видового сепаратизма», что, в противном случае, было чревато низведением заложенного в статье закона «высокого смысла» к нулю [1, с. 254–255].

Углубление централизации руководства вооруженными силами, несмотря на понимание необходимости этого процесса ключевыми сенаторами и конгрессменами, тем не менее было неоднозначно встречено в Конгрессе, да и в военно-политическом истеблишменте Вашингтона в целом. Если абстрагированные от реальных практических дел некоторые независимые политики в связи с принятием закона выражали опасение относительно «определенной утраты в этих условиях возможности гражданского контроля над вооруженными силами», то многие законодатели просто оказались перед фактом того, что в силу консолидации руководства военным ведомством в одних руках конгрессменам теперь будет весьма непросто играть на противоречиях видов ВС при обсуждении бюджетных статей [9, р. 12].

Да и в среде военных, казалось бы, имевших выигрыш в связи с принятием закона, было не так уж мало людей, которым «объединительные тенденции» не пришлись по вкусу. И если такие обличенные командными полномочиями на стратегическом уровне представители военного руководства как адмирал У. Крау, генерал К. Пауэлл или, пожалуй, самый авторитетный в тот период времени генерал Д. Джонс (занимавший пост председателя КНШ самый длительный срок в истории страны), однозначно, без оговорок приняли закон, то многие «видовики» почувствовали, что теряют вес в оборонном планировании и, что самое главное, утрачивают свою роль в хитросплетениях процесса выбивания средств на ВВТ, боевую подготовку и т.д. [10, р. 222]. Не случайно аналитики П. Смит и Д. Джерстайн, отмечая, что «межвидовое соперничество также старо, как сама страна», указывают на его суть: «Борьба видов вооруженных сил между собой заключается не столько в стремлении к охвату возможно большего количества задач, сколько сводится к борьбе за распределение бюджетных средств, выделенных на оборону, в свою пользу». В Пентагоне до сих пор популярен такой афоризм: «ВМС (или ВВС, или СВ) едят наш завтрак на Холме!» (т.е. на Капитолийском холме — в Конгрессе) [9, р. 162].

Но проблема, конечно же, заключалась не только в дележе финансовых средств, как несколько цинично ее обозначили вышеназванные американские аналитики. Но и в непрекращав-

шихся со времени окончания Второй мировой войны спорах о том, вклад какого же вида ВС в победу на поле боя более весом. Забегая немного вперед, отметим, что даже в середине 1990-х годов, т.е. в период определенного затишья в межвидовом соперничестве, как результат «переваривания» не так давно принятого закона, продолжалось «перетягивание каната», например, между руководством ВВС и СВ, в частности, начштабами соответствующих видов генералами Р. Фоглеманом и Д. Реймером, публично интерпретировавших в пользу своего вида статьи вышедшего в феврале 1995 г. нового Единого устава JP 3-0 «Доктрина объединенных операций» [6, р. 49–51].

Внутри военного ведомства, а именно в аппарате министра обороны, порой предпочитали играть на противоречиях видовиков, чтобы, действуя по принципу «разделяй и властвуй», добиваться таким образом «консолидированной позиции военных, например, в спорах с законодателями за более «весомый кусок пирога» федерального бюджета. В свою очередь и законодатели, в стремлении добиться уступок в частых дискуссиях с представителями военного ведомства, в основном по поводу «завышенных» запросов на обеспечение национальной безопасности, стлкивались лбами видовиков, понижая тем самым планку их требований.

Кроме того, в рамках военного ведомства имели место и факты так называемого внутреннего блокирования видов ВС, что также умело использовалось в своих интересах как гражданским руководством министерства обороны и, отчасти, аппаратом (Объединенным штабом) КНШ, так и законодателями.

Так, эксперты отмечали, что морская пехота и ВМС почти никогда не вступают в полемику. Соперничество ВВС и ВМС в основном сводится к нюансам ядерной стратегии (но не структуры стратегических наступательных сил). В то же время в данном вопросе между ними намного больше взаимопонимания, чем с сухопутными войсками. В свою очередь сухопутные войска и морская пехота, как правило, находят полное взаимопонимание, что даже имеет естественное отражение в ежегодных отчетных докладах министра обороны, где анализ по ним сведен в одном разделе [9, р. 179].

Но и сами виды ВС постоянно «подставляются» и провоцируют различные расследования комиссиями и комитетами, вольно или невольно демонстрируя внутренние противоречия для публичного их обсуждения и обыгрывания в свою пользу как руководством военного ведомства, так и законодателями.

Так, например, ни для кого не секрет, отмечают американские аналитики, что в сухопутных войсках имеет место соперничество между сторонниками ударных, транспортных и разведывательных вертолетов, в ВМС — между «лоббистами» тех или иных видов подводных лодок, в ВВС — «сообществами» истребительной и штурмовой авиации ...[9, p. 163].

Очевидно, что все эти противоречия и конфликты внутри военного ведомства по большому счету наносили (и наносят) существенный урон самому этому ведомству. Объективно же военным была нужна консолидация, тем более, что примеров этому в американской военной истории хватало. Показателен в данной связи факт, приводимый аналитиками П. Смитом и Д. Джерстейном из конца 1970-х — начала 1980-х годов. Так, несмотря на то что заключенный картеровской администрацией Договор о Панамском канале был в целом негативно встречен в американском обществе и соответственно в Конгрессе, жесткая, консолидированная поддержка этого документа со стороны руководства всех видов ВС вынудила законодателей его ратифицировать [9, p. 12].

И все же не в единении руководства видов ВС при «проталкивании» тех или иных законопроектов или выделении дополнительных финансов на оборону состоит суть «объединенности», как называют межвидовое взаимодействие в рамках более масштабного процесса централизации руководства военной машины страны в целом. Главное, как совершенно резонно полагали разработчики закона 1986 г. и их предшественники из числа как политиков, так и генералитета 1940—1950-х годов, заключается в обеспечении функционирования межвидовых группировок войск на поле боя как единого целого. Этого, признают американские аналитики, не удавалось добиться ни в одном из многочисленных локальных или региональных конфликтов, в которых участвовали формирования ВС США. Хотя, негодуют те же эксперты, в истории американских вооруженных сил были яркие примеры теснейшего взаимодействия видов ВС в ходе осуществления ими тех или иных миссий, но опыт оказался невостребованным. Так, например, военные историки США Поль Кларк и Эдвард Моусли в одном из своих исследований приводят факт осады американскими войсками Веракруза в 1847 г. в ходе Мексиканской войны, когда под руководством сухопутного генерал-майора Уинфилда Скотта была осуществлена первая в американской военной истории операция с участием как подразделений СВ, так и руководимых кэптэном (капита-

ном 1-го ранга) Дэвидом Купером морских средств. Примечательно, что оба военачальника даже впервые разработали целую систему сигналов для координации огня при непосредственной высадке войск на берег и штурме укреплений [3, р. 104].

Особенность принятого «Закона Голдуотера-Николса» заключалась в том, что его содержанием был не только максимальный охват всех, как казалось на тот период времени, необходимых мероприятий, но и жесткие требования по поэтапному их превращению в жизнь. При этом львиная доля обязанностей выпадала на руководство Комитета начальников штабов. Сначала за дело взялся тогдашний председатель КНШ адмирал Уильям Крау, эстафету подхватил генерал Колин Пауэлл, занимавший этот пост с 1989 по 1993 г. Последний считается в США наиболее конструктивным и последовательным реформатором системы руководства ВС среди военных. Для этого К. Пауэллу при полной поддержке администрации президента и ключевых законодателей первым делом пришлось лично отобрать на должности начальников штабов видов ВС наиболее «сговорчивых» военачальников, которые должны были понимать, что отныне выработка всех решений в КНШ и доклад президенту не могут осуществляться иначе как только через председателя.

При деятельном участии К. Пауэлла и большей частью по его личной инициативе в вооруженных силах страны начались крупные преобразования, затронувшие буквально все сферы. Так, например, была упорядочена система подготовки руководящих кадров ВС, при которой на высшие генеральские должности в вооруженных силах могли назначаться только офицеры, имеющие «объединенное» (межвидовое) образование в Национальном военном или Штабном колледжах. В ВВС и ВМС соответственно в 1990 и 1992 гг. были опубликованы видовые доктрины под названиями «Глобальный размах — глобальная мощь» и «С моря...», в которых впервые отмечалось, что военные операции будущего будут в основном «объединенными». Во всех трех видах ВС вблизи друг от друга были образованы научные командования (в СВ — в Форт-Монро, в ВВС — на авиабазе Лэнгли, в ВМС — на базе Норфолк), что должно было символизировать «межведомственную направленность» теоретических изысканий видовиков. С 1991 г. начала публиковаться серия так называемых единых («объединенных») уставов и наставлений, а с 1993 г. стал выходить ежеквартальный военно-теоретический журнал «Джойнт Форс Квотерли», фокусирувавшийся на проблемах взаимодействия видов [7, р. 29].

Так, преобразаясь, американские вооруженные силы вступили в очередной и первый «послереформенный конфликт» — войну с Ираком в 1991 г. При мощной международной поддержке американцам в целом удалось правильно спланировать и успешно провести операцию «Буря в пустыне», сначала имевшую преимущественно позитивные отклики со стороны специалистов. С точки зрения проблем централизации руководства экспертами отмечалось, что, хотя командующий руководимой США группировкой войск генерал Норманн Шварцкопф фактически впервые в военной истории США имел абсолютные полномочия главнокомандующего по управлению межвидовыми формированиями, он «прекрасно знал свое место в военной иерархии, с пиететом относясь к председателю КНШ и не перечая ему» [9, р. 119]. С течением времени восторги по поводу «блестящей победы» поутихли, а специалисты стали более критично подходить к анализу данной операции в целом.

Анализ кампании, как это традиционно имеет место в США, был организован во всех ветвях власти. В частности, было отмечено, что, несмотря на очевидный прогресс и результаты в претворении в жизнь положений «Закона Голдуотера-Николса», контроль за целым рядом мероприятий по-прежнему либо недопустимо слаб, либо утрачен вовсе. В частности, были вновь реанимированы претензии к военному ведомству в отношении плохой работы системы приобретений ВВТ для вооруженных сил. Влиятельный сенатор Дэвид Прайор даже назвал модернизированную в соответствии с законом данную систему «лишь косметическими улучшениями» [13, р. 13]. Военному ведомству были предъявлены и другие претензии. Все это, в конце концов, вылилось в юридически оформленные рекомендации министерству обороны готовить и представлять Конгрессу раз в четыре года особые доклады, в которых следует отражать видение военного ведомства всех тех проблем, которые перед ним стоят, и пути их решения, акцентируя внимание на вопросы «объединенности».

С точки зрения централизации руководства вооруженными силами и достижения заветной цели — создания «реально объединенных» ВС — развязанная НАТО во главе с США агрессия против Югославии в 1999 г. продемонстрировала, скорее, откат в области решения проблем «объединенности» в 1980-е годы, нежели прогресс, особенно по сравнению с операцией «Буря в пустыне». Американский генерал Уэсли Кларк, занимавший должность верховного главнокомандующего ОВС НАТО в Европе и коман-

дующий Европейским объединенным командованием ВС США в силу своей амбициозности и не до конца урегулированных проблем взаимоотношений не наладил тесных рабочих контактов ни с министром обороны, ни с председателем КНШ. Как результат, имели место постоянные несогласованности в усилиях, разночтения директив и приказов, а в целом постоянные конфликты в отношениях с военной верхушкой в Вашингтоне [9, р. 119]. Более того, в силу личностной неприязни по отношению к «командующему в Европе» некоторые видовики, например в ВВС, открыто игнорировали его приказы, чем создавали немалые трудности в осуществлении операции в целом. В результате, несмотря даже на «первую в истории НАТО военную победу», карьере У. Кларка в военном ведомстве пришел конец.

С приходом в Белый дом республиканской администрации Дж. Буша-младшего в начале 2001 г., казалось, будет форсироваться процесс «объединенности» в соответствии с положениями «Закона Голдуотера-Николса». Тем более, что новый министр обороны Дональд Рамсфелд целиком посвятил себя, как он сам обозначил, «трансформации военной машины страны под новые требования эпохи» и даже сформировал в Пентагоне новое Управление по трансформации во главе с незаурядным военачальником — адмиралом Артуром Цебровски, что «с удовлетворением» было встречено в среде законодателей. И тем не менее почти в это же самое время в недрах Конгресса была сформирована очередная комиссия, на этот раз для исследования вопросов национальной безопасности США в XXI в., известная как Комиссия Харта-Радмэна. При этом отметим, что члены комиссии — опытные эксперты в ходе своей почти трехлетней работы предложили порядка 50 рекомендаций по централизации руководства вооруженными силами и в целом реконструкции институтов национальной безопасности, которые, как и в прошлом, в большинстве своем так и остались на бумаге.

Тем временем в представленном в Конгресс в сентябре 2001 г. четырехгодичном «Всестороннем обзоре состояния и перспектив развития вооруженных сил США», подготовленном при личном участии министра Д. Рамсфелда, казалось, был сделан шаг вперед по сравнению с предыдущими аналогичными документами именно с точки зрения превращения американских вооруженных сил в «реально объединенные». Впервые, отмечали специалисты, «содержание документа не фокусировалось на авианосных ударных группах, авиакрыльях, армейских ди-

визиях и экспедиционных силах морской пехоты. Вместо этого внимание всецело было обращено на то, какими же возможностями командир объединенных сил должен и будет обладать в обозримом будущем» [10, р. 221). Начавшиеся в том же, 2001 г. кампания в Афганистане, а затем, в 2003 г., война в Ираке и, самое главное, их результаты не принесли руководству военного ведомства «лавров реформаторов-практиков». Склонный к единоличному управлению Рамсфелд явно «перегнул палку» в деле «углубления централизации руководства», подмяв под себя генералитет и влезая в несвойственные гражданскому министру и своему ближайшему гражданскому же окружению вопросы оперативного искусства и тактики, и вызвал тем самым глубокое недовольство в среде военных. Что, собственно, и явилось причиной его последующей отставки. На такой шаг напрямую рекомендовала пойти и сформированная законодателями двухпартийная Комиссия по изучению комплекса проблем, связанных с Ираком [4].

Да и в вопросах межвидового взаимодействия в ходе иракской кампании дела обстояли, как указывает «реформатор» Дуглас Макгрегор, не самым лучшим образом. Так, по его словам, «органы управления на поле боя представляли собой импровизированное скопище изолированно друг от друга действовавших видовых штабов, каждый из которых вел свою собственную войну в соответствии с собственным видением» [13, р. 127].

В этот же период по инициативе ведущих политиков страны была инициирована научно-исследовательская работа под эгидой весьма влиятельного в США Центра стратегических и международных исследований, которая воплотилась в оригинальный проект под названием «За рамками Голдуотера-Николса». Целью проекта являлось вскрытие слабых мест данного закона и определение направлений дальнейшей реорганизации военной машины страны [5]. Впрочем, эти рекомендации, хотя и были весьма высоко оценены в военно-политическом истеблишменте Вашингтона, тем не менее так и остались невостребованными.

Многие видные политические и военные деятели США, ссылаясь на отточенные выводы упоминавшихся комиссий, а также наглядный и не всегда убедительный опыт постконфликтных операций в Афганистане и Ираке, рекомендуют военному ведомству проявить «революционную инициативу» и выйти, наконец, за рамки узковедомственного подхода, а также предлагают вовлечь в дело обороны страны всех обозначенных в Стратегии национальной безопасности элементов: дипломатических, ин-

формационных, экономических и военных, т. е. расширить саму суть якобы «устаревшего» понятия «объединенность» [там же].

Да и к «обожествляемому» многими политиками и военными «Закону Голдуотера-Николса», как явствует из ряда рекомендаций, следует относиться не как к догме. Для своего времени он был, конечно, хорош, но, как теперь очевидно, слишком узок, ибо затрагивал только военное ведомство без учета его функционирования в более общей системе национальной безопасности. Следовательно, подчеркивают многие ведущие американские эксперты, данный закон нуждается в существенной модернизации либо в принципиально новом аналогичном законодательном акте, который охватывал бы и межведомственное взаимодействие.

Вплоть до окончания вьетнамской войны в середине 1970-х годов сухопутные войска (СВ) США фактически не имели общевидовой концепции (или доктрины, по американской терминологии), содержащей все главные положения из области военного искусства применительно к ведению боевых действий этим видом ВС, принципы и закономерности строительства и применения СВ и т. п., словом, концептуально-доктринального документа, которым бы руководствовались командиры подразделений, частей и соединений сухопутных войск в своей деятельности как в мирное, так и военное время. Это может показаться странным, учитывая общеизвестное «пристрастие» американских военных к разработке уставов и наставлений, регламентирующих все стороны жизнедеятельности войск. Однако даже так называемый главный полевой устав СВ FM 100-5 со времени выхода в свет его первой версии в начале XX в. не отвечал предъявляемым к нему высоким требованиям в области разработки военной теории. Крупнейшим поводом к изменению сложившегося явно «неудовлетворительного положения вещей», как отмечают американские военные историки, послужило беспрецедентное поражение США во вьетнамской войне, продолжавшейся почти целое десятилетие в 1960–1970-х годов, и особенно та, по сути, «провальная» роль, которую при этом сыграли наземные войска США.

В зарубежной специализированной литературе, посвященной вопросам развития вооруженных сил иностранных государств и прежде всего США, подчеркивается, что победа западной военной коалиции, возглавлявшейся американцами в войне в Персидском заливе в 1990–1991 гг., явилась следствием уроков, вынесенных США из войны в Юго-Восточной Азии [8]. Однако при этом вне рамок данного утверждения оказываются те перипетии внутренней борьбы, которая развернулась в 1970–1980-е годы в сухопутных войсках США между условно называемыми «консерваторами» и сторонниками комплексной реформы этого вида ВС, особенно вокруг концептуально-доктринальной базы СВ.

Вывод американских войск из Вьетнама ознаменовался формированием крайне неблагоприятного политического фона реформирования вооруженных сил страны. Провозглашенная президентом США так называемая новая «Доктрина Никсона» фактически временно заблокировала военные рычаги управления внешнеполитическим курсом Вашингтона в угоду политико-дипломатическим мерам. Параллельно принявшие беспрецедентные размеры антивоенные, а затем и антиармейские акции в США в конце концов привели к апатии в американском обществе в целом и у представителей обеих ветвей власти, в частности, к каким-либо проблемам из области военного искусства или вопросам концептуально-доктринального оформления ставшей неизбежной военной реформы.

Да и сами вооруженные силы США охватили полное разочарование и уныние. До небывало низкого уровня упал рейтинг профессии военного. Бесславное окончание войны в Юго-Восточной Азии и объявление в 1973 г. о переходе на «полностью добровольные» ВС возвели высокий барьер между «людьми в форме» и остальным американским обществом. В результате ВС оказались как бы в резервации, где царили полууголовные обычаи и законы. Повсеместное употребление наркотиков, пьянство, конфликты на расовой почве, «дедовщина» стали обычными явлениями. Неповиновение, неуважение к старшим по званию и должности превратились в настоящий бич ВС США. Так, в американских СМИ приводился даже факт гибели в начале 1970-х годов 45 офицеров от рук своих же подчиненных. Младшие же офицеры открыто стали обвинять генералитет в «бездарности» и даже «предательстве» в качестве одной из причин военного поражения [6, р. 6–7]. В результате ВС США стали испытывать острейший дефицит личного состава. Так, в 1974 г. только в СВ недосчитывалось более 20 тыс. рекрутов. Среди же тех, кто был завербован в ряды сухопутных войск, более 40% не имели даже среднего образования, почти половина новобранцев получила самые низкие оценки по результатам тестирования на предмет выявления общего интеллекта развития [6, р. 15–16].

В этих весьма непростых условиях у руля сухопутных войск оказался авторитетный в офицерской среде генерал Крейтон Абрамс, который занял пост начальника штаба СВ в 1972 г. Он не питал особых иллюзий относительно быстрого исправления сложившейся ситуации, но поставил перед собой задачу — любой ценой привести сухопутные войска в соответствие с положениями провозглашенной упомянутой выше «Доктриной

Никсона». Прежде всего учитывая наметившиеся сокращения численности личного состава [с 1,5 млн человек в 1968 г. почти наполовину к 1975 г.), следовало адаптировать СВ к новому критерию стратегии национальной безопасности: взамен приверженности формуле «две с половиной войны» ориентироваться в военном строительстве на одну крупномасштабную и один конфликт меньшего масштаба. Конкретно же и полуофициально своей главной целью нахождения на столь высоком посту в американской военной иерархии генерал Абрамс видел возрождение СВ и увеличение, даже в условиях демобилизации, количества их боевых формирований. Так, Абрамс в одном из своих выступлений перед офицерской аудиторией поклялся «сделать все, чтобы довести количество дивизий сухопутных войск с 13 до 16!» [7, р. 360–367].

В числе важнейших шагов, направленных на возрождение сухопутных войск, следует выделить формирование в соответствии с его распоряжением весной 1973 г. временной исследовательской группы, названной по имени ее руководителя «Группа полковника Э. Астарита». В ее функции входило «определение места сухопутных войск в стратегии ведения конвенциональной войны в поствьетнамскую эру». Группа, просуществовавшая всего один год, тем не менее проделала существенную работу, включая организацию целой серии конференций и семинаров с привлечением высокопоставленных лиц из министерства обороны, что в итоге способствовало укреплению авторитета сухопутных войск США, по крайней мере в военном истеблишменте.

Однако быстро прогрессирующая болезнь (раковая опухоль) постепенно нейтрализовала высокую активность «генерала — реформатора», как окрестили Абрамса американские журналисты. В этих условиях на первую роль в рядах преобразователей СВ выдвинулся единомышленник Абрамса генерал Ульям Депюи, который впоследствии был назван американскими военными экспертами одним из самых выдающихся генералов СВ США за период с окончания Второй мировой войны. С 1969 по 1973 г. генерал Депюи принимал самое активное участие в разработке планов вывода из Вьетнама, демобилизации американских войск и концепции перехода ВС США на полностью добровольный принцип их комплектования.

Депюи имел достаточно богатый боевой опыт: в качестве младшего офицера принимал активное участие в боях Второй мировой войны на Европейском театре, во время же Вьетнамской войны был командиром 1-й пехотной дивизии. Некоторое

время ему пришлось заниматься и чисто штабной работой в Пентагоне, где он зарекомендовал себя как «грамотный планик» — разработчик программно-целевых документов, связанных со строительством ВС США в целом.

Именно достаточный опыт боевой и штабной работы явились причиной того, что Депюи было поручено возглавить в 1973 г. только что образованное новое Командование учебных и научных исследований сухопутных войск США (TRADOC) с одновременным присвоением ему звания четырехзвездного генерала. В этой новой должности на Депюи была возложена задача по курированию учебного процесса во всех офицерских школах и учебных центрах сухопутных войск, расположенных на территории США. Первоначально во главу угла всей своей деятельности в качестве главкома вновь образованного командования Депюи поставил задачу по реорганизации нормативно-правовой базы боевой подготовки подразделений, частей и соединений американских войск в соответствии с требованиями новой стратегии национальной безопасности. Другими словами, в боевой и оперативной подготовке сухопутных войск был смещен акцент с глобальной войны на скоротечные конфликты ограниченного масштаба. Однако становилось очевидно, что без всестороннего анализа опыта войн и военных конфликтов, причем не только тех, в которых принимали участие ВС США, без обобщения результатов и выводов по ним, т.е. без создания теоретической базы в виде концепции развития сухопутных войск, в целом, и входящих в них родов войск, в частности, увязанной с аналогичными изысканиями в других видах американских вооруженных сил просто нереально обеспечить качественную подготовку войск.

Существенным толчком в форсировании разработки такой видовой концепции явилась очередная четвертая война на Ближнем Востоке, так называемая Октябрьская война 1973 г.

С одной стороны, она подтвердила правильность прогнозов американских военных специалистов из TRADOC в отношении скоротечности боевых действий в современных условиях и конфликтах будущего. С другой стороны, на этом правильность военно-технического прогноза была, как признают американские же эксперты, и исчерпана.

В отличие от предыдущей ближневосточной («шестидневной») войны 1967 г., когда американским военным «было не до арабов и израильтян» ввиду почти абсолютного сосредоточения США на военных действиях во Вьетнаме, на этот раз по

указанию начальника штаба СВ генерала Абрамса была создана специальная комиссия по изучению особенностей форм и способов действий войск противоборствующих сторон в конфликте во главе с бригадным генералом М. Брэйдом и самое главное по формулированию предложений относительно оптимизации развития сухопутных войск США по его итогам [4, р. 29–36].

Результаты этого анализа были обескураживающими для американского военного истеблишмента. Прежде всего впечатляли потери сторон: за три недели интенсивных боев обе воюющие стороны потеряли танков и артиллерийских систем больше, чем было на вооружении американских войск, дислоцированных к тому времени в Европе. Танковые сражения по своей интенсивности и результативности намного превосходили аналоги времен Второй мировой войны. Повсеместно отмечались танковые дуэли на расстоянии до 4 тыс. м. Египетские войска, взявшие на вооружение разработанную в СССР теорию общевойскового боя, успешно использовали пехотные подразделения с ПТУР в боевых порядках танковых частей и подразделений, нанося ощутимые потери танковым же подразделениям израильских ВС, действовавших изолированно без поддержки пехоты. Отмечалось активное и согласованное применение арабами многообразных средств ПВО, что лишило израильтян прогнозируемого подавляющего преимущества в воздухе. В качестве одного из выводов анализа был выделен, может быть, самый главный фактор обеспечения победы в современной войне — «необходимость проведения максимально приближенной к реалиям сражения боевой и оперативной подготовки» и «умелое руководство войсками». Другой важный вывод, сделанный американскими специалистами из анализа боевых действий на Ближнем Востоке в 1973 г., заключался в необходимости разработки национальной теории оперативного искусства [3, р. 69–74].

Однако вся парадоксальность ситуации заключалась во фрагментарном в силу сложившихся традиций в американской военно-теоретической школе учете этих выводов и предложенный отдельно каждым видом и родом войск, в частности в СВ. Так, постоянный состав пехотной школы в Форт-Беннинге в своих методических разработках интерпретировал результаты Октябрьской войны в свою пользу, в бронетанковой школе в Форт-Ноксе интерпретировали те же выводы «под себя» и т. д. В этих условиях главком TRADOC посчитал необходимым сломать данную порочную традицию и заняться, наконец, разра-

боткой общевойсковой концепции сухопутных войск, что он и попытался сделать.

Учитывая же факт сильной инерции и традиционный консерватизм, царившие в среде американского генералитета, Деппюи начал с поиска влиятельных единомышленников, которых решил сплотить в единый блок разработчиков новой концепции, и выявления скрытых и открытых оппонентов, которых следовало «нейтрализовать». В этот блок помимо подчиненных ему военных теоретиков из TRADOC он довольно оперативно «завербовал» начальника бронетанковой школы популярного в войсках генерал-майора Д. Старри, имевшего опыт командования 11-м бронекавалерийским полком в период войны во Вьетнаме. Вторым мощным союзником Деппюи стал также довольно известный в сухопутных войсках штабист бригадный генерал П. Горман, прославившийся написанием незаурядной разработки «Программа боевой подготовки частей и подразделений сухопутных войск США» [4, р. 38–39].

К числу наиболее серьезных оппонентов Деппюи, не разделявших его взглядов относительно сути и положений будущей видовой концепции СВ, относился генерал-майор Дж. Кашман, начальник Командно-штабного колледжа СВ, а до этого — командир 101-й воздушно-десантной дивизии, а также некоторые начальники школ родов войск СВ.

Для «обкатки» своих взглядов, рекламы некоторых уже имевших место в TRADOC явных «достижений» в области военного искусства и вскрытия слабых сторон намеченных контуров будущей видовой концепции по инициативе генерала Деппюи в штаб-квартире командования в Форт-Монро (шт. Вирджиния) весной 1974 г. была организована представительная конференция под названием «Влияние войны на Ближнем Востоке на тактику действий и ВВТ сухопутных войск США». Кроме того, оказавшийся еще большим энтузиастом в деле разработки концепции СВ, чем ее инициатор в лице Деппюи, генерал Старри предложил организовать во всех частях и соединениях сухопутных войск так называемую свободную дискуссию среди офицерского состава с целью выявления «интересных идей», которые можно было бы воплотить в разрабатываемую концепцию.

Фактически весь 1974-й и начало 1975 г. прошли в интенсивных дискуссиях, спорах и обсуждениях различных проектов отдельных положений концепции, которые выдвигались различными коллективами американских военных теоретиков.

В частности, широко обсуждался и был подвергнут резкой критике подготовленный бронетанковой школой (Форт-Нокс) документ, в котором отстаивался «преимущественно бронетанковый» характер боев и сражений будущих войн. Большинство же теоретиков выступало за включение в будущую концепцию положения о преимущественно совместном (объединенном) использовании в операциях родов войск и видов ВС. Все интересные идеи и мысли, высказанные в ходе более чем год продолжавшихся обсуждений, концентрировались в TRADOC и изучались при личном участии его командующего генерала Депюи.

Осенью 1974 г. в Форт-Ноксе была организована еще одна представительная конференция, к участию в которой были привлечены практически все командиры частей и соединений СВ, дислоцированных на континентальной части США, а также в Европе и в Южной Корее. Выступления и дискуссии были «разбавлены» полевыми учениями и боевыми стрельбами. Все это было организовано с единственной целью: доказать боевым командирам преимущества разрабатываемых новых положений из области тактики действий войск, новых нормативов и т. п., которые должны были составить ядро разрабатываемой концепции. Окрыленный успехом этого мероприятия генерал Депюи дал команду подчиненным ему генералам и офицерам в течение двух месяцев разработать план-проспект новой версии полевого устава FM 100-5, содержание которого фактически и стало бы новой видовой концепцией СВ США.

Однако, несмотря на то что главную роль в практической разработке концепции играл генерал Старри со своими помощниками в Форт-Ноксе, как дань традиции проект устава должен был быть составлен в ведомстве хотя и в определенной степени зависящего от Депюи, но в целом оппозиционно настроенного по отношению к самой идее видовой концепции генерала Кашмана, т. е. в Командно-штабном колледже. Как и следовало ожидать, устав получился «слишком сырым». Позже Депюи обвинил своего оппонента в «схоластике», в нежелании понять то, что концепция должна быть строгим, всесторонне обоснованным, руководящим документом для всех подразделений, частей и соединений конкретного вида вооруженных сил, в данном случае — для сухопутных войск в целом. В связи с этим Депюи в апреле 1975 г. был вынужден собрать всех офицеров и генералов, кто принимал непосредственное участие в подготовке проекта документа, и дать им подробные и четкие указания того, что должно быть в этом документе, в том числе и по со-

держанию каждой из глав. В течение нескольких последующих дней разделенные на группы в соответствии с количеством глав разработчики устава активно перерабатывали текст. При этом Кашман со своими помощниками был фактически отстранен от работы [5, р. 56–59]. Доработанные главы были собраны генералом Горманом для сквозного редактирования в штаб-квартире TRADOC.

Для того чтобы продвинуть новую концепцию СВ «вверх», Депюи было необходимо заручиться поддержкой кого-либо из союзников, естественно, в Европе, поскольку именно на боевые действия на Европейском театре главным образом ориентировалась по его замыслу разрабатываемая видовая концепция.

Выбор пал на Западную Германию. Это было сделано умышленно по следующим причинам. С тех пор как в середине 1950-х годов начался процесс возрождения германских вооруженных сил в западной зоне оккупации этой страны, он (процесс) был взят под жесткий контроль американцами, в частности, штабом 7-й армии ВС США, дислоцировавшейся в ФРГ. Когда же генерал Абрамс был назначен начальником штаба СВ США, он специальным распоряжением назначил своего протеже генерала Депюи «связником» между руководством американских сухопутных войск и командованием Бундесвера. В свою очередь Депюи наладил тесные неформальные отношения между генералитетом обеих держав и учредил специальную форму контактов между ними путем проведения ежегодных обсуждений всего спектра проблем, интересующих обе стороны. Естественно, эти переговоры, проводившиеся при широком участии представителей 7-й армии ВС США, осуществлялись под эгидой TRADOC. Депюи всегда открыто симпатизировал немцам, особенно его восхищали достижения германской военной мысли. В частности, его интересовали новации Бундесвера в области тесного взаимодействия родов сухопутных войск, воплотившиеся в гибкие организационные структуры механизированных дивизий германской армии. Кроме того, на формировавшиеся взгляды Депюи относительно новой видовой концепции оказала сильное влияние принятая в Бундесвере концепция «активной обороны», предполагавшая быстрый и решительный переход в контрнаступление почти одновременно с отражением наступления противника. Оказавшуюся в его руках «козырную карту» так называемую германскую тактическую мысль Депюи разыгрывал весьма искусно, при любом случае ссылаясь на поддержку

«германских друзей» в том, что касалось разрабатываемой им и его сторонниками видовой концепции СВ США [2, р. 181].

Несмотря на существенное противодействие, в 1975 г. проект новой концепции сухопутных войск США был подготовлен в виде очередной версии полевого устава FM 100-5 и направлен в официальные инстанции, заинтересованные организации, части и соединения СВ США на оценку. Накануне Депоу пришлось согласиться с целым рядом критических замечаний и включить под давлением «пехотного лобби» в проект концепции некоторые положения, повышающие роль пехоты в их совместных действиях с бронетанковыми частями и подразделениями. Кроме того, пришлось отдельно выделить и положение, касающееся нового элемента будущих боевых действий, а именно применения вертолетов для десантирования войск на тактическую глубину и их широкого применения для поражения целей противника. Штаб американских войск в Европе высказал претензии относительно малого внимания, уделенного в проекте «бою в городе», а также ядерным и химическим аспектам противоборства. Все это также было учтено в доработке окончательного варианта концепции.

В феврале 1976 г. Депоу официальным рапортом доложил новому начальнику штаба СВ США генералу Ф. Уэянду о готовности новой видовой концепции к утверждению. В этом рапорте Депоу вкратце изложил все проблемы, с которыми пришлось столкнуться ему и его соратникам при разработке концепции, дал критический анализ основным замечаниям, которые не были устранены с объяснением причин этому, привел оценки новой концепции со стороны союзников — командования ВС Израиля и Германии, а также позитивную оценку руководства ВВС США, отметив почти полное совпадение взглядов по каждому из положений вынесенной на суд начальника штаба концепции. В отличие от своего предшественника генерала Абрамса, активно способствовавшего разработке новой концепции, генерал Уэянд показал скорее свою индифферентность к этому труду, нежели поддержку или отрицание, но все же утвердил устав, и 1 июля 1976 г. он был официально опубликован.

Не прошло и месяца со дня выхода в свет содержавшей концепцию новой версии полевого устава FM 100-5, как началась кампания по ее критике, причем зачастую в неожиданно беспрецедентных масштабах.

Наиболее непримиримую позицию занял помощник влиятельного сенатора Р. Тафта (не без поощрения, естественно, по-

следнего) известный «независимый» реформатор Уильям Линд. Еще до опубликования окончательной версии концепции на основании попавшего ему в руки проекта Линд написал разгромную статью, которую «любезно» согласилось «протолкнуть» в печать руководство Командно-штабного колледжа. Однако в последний момент, узнав об этом, Депюи, воспользовавшись своим влиянием, не допустил ее публикации в журнале «Милитари Ревью». Но уже в октябре того же года на страницах другого влиятельного журнала «Армд Форсиз Джорнал Интернэшнл» была помещена другая статья с недвусмысленным названием «Доктрина, разработанная в вакууме?», в которой проводилась мысль о том, что концепция Депюи и его единомышленников есть ни что иное, как внутренний документ TRADOC, а не общевидовая концепция [1]. В свою очередь Линд одновременно распространил копии своей неопубликованной статьи среди членов военного истеблишмента США. Фактически критические положения этой статьи стали основой для последующего широкого обсуждения новой, на этот раз уже официально принятой концепции СВ.

Линд отказывался понимать, «как можно на страницах директивного документа, определяющего все нюансы боевых действий, игнорировать связь между выигранным боем или сражением и возможностью возникновения тут же второго боя (сражения)», к которому войска должны быть также готовы, иначе якобы грош-цена первому успеху. Линд подверг резкой критике и «слишком большое внимание, уделенное в концепции эффекту противодействия системам оружия противника», интерпретировав это как «явное предпочтение, отдаваемое разработчиками концепции обороне» [8]. Статья Линда, все же опубликованная в 1977 г. на страницах «Милитари Ревью», широко проиллюстрированная историческими примерами и ссылками на авторитеты, свидетельствовала о серьезности намерений критиков новой концепции. Вслед за этим на страницах только данного журнала в течение последующих четырех лет было опубликовано более 80 критических по отношению к концепции статей, заметок и писем читателей.

Если свести все эти критические замечания воедино, то их можно было представить в трех наиболее существенных группах.

Во-первых, отмечался факт явно оборонительной направленности представленной концепции. И даже несмотря на контраргументы, Депюи в отношении того, что в документе присутствует целая довольно обширная глава «Наступление», его

критики подчеркивали ее явно подчиненную, фоновую роль по сравнению с оборонительным контекстом всей концепции.

Во-вторых, устами тогдашнего Верховного главнокомандующего объединенными вооруженными силами НАТО в Европе американского генерала А. Хейга была выделена мысль о том, что концепция явно сориентирована на военные действия на Европейском театре в ущерб широким обязательствам по защите военным путем национальных интересов США и их союзников в других регионах мира.

В-третьих, был как бы реанимирован высказывавшийся давним оппонентом Депои генералом Кашманом в начальный период разработки концепции тезис о том, что она не должна быть жестко регламентирующим документом, что сводило по сути на нет главную цель, поставленную Депои при разработке общевидовой концепции.

Тем не менее концепция продолжала действовать и в течение нескольких лет оставалась фактически главным документом американских сухопутных войск, которым они руководствовались в подготовке и ведении реальных боевых действий в конце 1970-х — начале 1980-х годов.

Подводя итоги

В конце 1970-х годов Депои ушел в отставку, а его место в качестве командующего TRADOC занял соратник и единомышленник, к тому времени уже произведенный в четырехзвездные генералы Д. Старри, который и приступил вплотную к подготовке новой версии полевого устава FM 100-5, т.е. новой видовой концепции. В 1982 г. труд возглавляемого им коллектива американских военных теоретиков увенчался успехом: в свет вышел устав FM 100-5, содержащий по истине, с точки зрения американского военного искусства, революционную видовую концепцию — «Воздушно-наземная операция». Впервые за всю долгую историю развития военно-теоретической мысли в США оперативное искусство было признано в качестве отдельной составной части военного искусства, что и было отражено в новом уставе. Помимо этого практически все замечания и пожелания, высказанные в ходе работы и после опубликования концепции в 1976 г. и признанные конструктивными, были учтены в концепции 1982 г., которая на этот раз в памяти американских военных была связана с генералом Д. Старри. Однако и сам

Старри, и все офицеры, генералы и теоретики из числа «независимых» гражданских лиц, в том числе и оппонентов, кто был привлечен к исследовательской работе по разработке обеих концепций, в один голос признавали, что без кропотливой, сопряженной с преодолением огромного количества препятствий, не всегда безупречной, не лишенной ошибок работы в 1970-е годы коллектива, возглавлявшегося генералом Депюи и его высокого авторитета среди офицеров и генералов сухопутных войск, не могло быть и речи о новой, наделавшей много шума как в США, так и за рубежом «Воздушно-наземной операции», ставшей ядром видовой концепции сухопутных войск США, которой они руководствовались в своей деятельности с некоторыми непринципиальными изменениями вплоть, по сути, до начала XXI в.

Прошло более 10 лет с того момента, как 1 мая 2003 г. президент США Джордж Буш-младший объявил о «беспрецедентной победе американских вооруженных сил над саддамовским Ираком» и о «привнесении идеалов демократии» в эту страну. С тех пор немало копий было скрещено западными и отечественными специалистами вокруг анализа «победоносных» действий американцев в операции по «разгрому военной машины» Ирака и выводов из данного опыта относительно формулирования рекомендаций для реформирования вооруженных сил (ВС) США (и не только!) под требования «четвертого поколения войн». Чем дальше отстоят по времени «события» минувших лет, тем явственнее становятся плюсы и минусы этой «акции» американцев и ее соответствия принципам нынешней «революции в военном деле», а, следовательно, общим трендам развития вооруженных сил в целом.

Была ли извлечена польза из «Бури в пустыне»?

Практически все американские специалисты в области военного строительства полагают, что операция американских ВС «Свобода Ираку» весной 2003 г. напрямую связана с военными действиями ВС США и их «разномастных» союзников (или, как теперь принято говорить, «партнеров по коалиции желающих») в ходе операции «Буря в пустыне» зимой 1991 г. Суть же вопроса состоит в том, насколько успешно «дело» с «незавершенностью разгрома диктатора» в 1991 г. президентом-отцом (Бушем-старшим) было доведено до конца президентом-сыном (Бушем-младшим), и в том, усвоены ли были уроки американцами из первой операции и как они были воплощены в жизнь.

Конечно, американцы и их союзники в 1991 г. одержали верх над, как тогда считалось, самой мощной «военной машиной регионального масштаба», имевшей недавний опыт восьмилетней войны с не менее мощными вооруженными силами традиционного противника Ирака — Ираном. Пытаясь найти перво-

причины данного успеха, критически настроенные сторонники «военных реформ» в США признают, что победа американцев и их союзников в 1991 г. была обеспечена уже в самом начале кампании завоеванием господства в воздухе. При этом они единодушны в своем заключении относительно того, что это произошло исключительно благодаря «работе» тех «борцов» с лоббистами в среде национального военно-промышленного комплекса (ВПК), которым удалось «пробить» взятие на вооружение «реально лучших» самолетов на тот период времени (F-15, F-16, F-18, A-10), а не тех, которые навязывали в 1970–1980-е годы так называемые представители ВПК и «прикормленные» чиновники из Пентагона. Достаточно сказать, что из 36 сбитых американцами (и их союзниками) иракских самолетов 34 были поражены истребителями F-15 (другие два — авианосными истребителями F-18 ВМС США). По признанию пленных иракцев, наиболее «шокирующее» впечатление на военнослужащих ВС Ирака «в поле» оказывали даже не столько массированные бомбардировки «вневременных» B-52, сколько «изнуряющие штурмовки» самолетов A-10, что якобы также свидетельствовало о правильности «навязывания» американскими «реформаторами» (как «независимыми», так и из властных структур) руководству ВС США поставок в войска и применение в бою прошедших серьезное предварительное тестирование вооружений и военной техники (ВВТ) [8, р. 148].

Успехи в воздушных боях американской авиации весьма существенно «нивелируются» бездействием иракской системы ПВО, «по сути в первый же день» (из 38-суточной воздушной кампании!) подавленной американцами, либо вообще исключенной (с целью «сохранения в целостности»!?) волевым решением иракского руководства из участия в боевых действиях. В связи с этим беспрецедентно малые потери американцев и их союзников в самолетах (0,0006% из 65 тыс. самолето-вылетов) могут свидетельствовать лишь о минимальной пользе для летного состава участия в боевых действиях зимой 1991 г., практически в «полигонных условиях». Да и фактически полная деморализация иракских военнослужащих еще до наземной фазы операции, с одной стороны, однозначно указывала на некомпетентность руководства иракских ВС, считавшихся «грозным противником», а с другой — свидетельствовала о «неадекватности» американских «разведоценок» относительно морального состояния иракских ВС и тем самым оказала «плохую службу»

командованию руководимой американцами коалиции, не дав ему проявить свои «лучшие качества» в полной мере. Но, будем справедливы, все же нельзя не отдать должное разработчикам операции в Пентагоне, впервые в новейшей истории сосредоточивших главные усилия на беспрецедентной по длительности «подготовительной части» (воздушной операции), в конце концов, и решившей судьбу всей кампании в 1991 г., что, безусловно, не могло не быть учтено при разработке сценариев боев в 2003 г. и введении иракцев в заблуждение относительно на этот раз «укороченной» воздушной операции и «конвенциональной» наземной фазы кампании.

Примером «выученного урока» могут служить и рекомендации «реформаторов», а в их числе уволенного «за строптивость» из ВС США майора Дональда Вандергриффа, которые выдвинули идею именно по опыту боевых действий наземных войск в 1991 г. о реорганизации системы «взаимоотношений» внутри подразделений наземных формирований (СВ и морской пехоты), обеспечивая их слаженность и устремленность на достижение поставленной руководством цели. Взятые на «вооружение» рекомендации Вандергриффа, изложенные в его аналитическом труде «Путь к победе: армия Америки и революция в гуманитарной сфере» [10], получили широкое распространение в войсках благодаря личному ходатайству на этот счет министра армии США Томаса Уайта и заместителя начальника штаба сухопутных войск генерала Джека Кина. В частности, эти рекомендации были использованы, в том числе в главной «пробивной силе» в операции в 2003 г., 3-й пехотной дивизии, где была внедрена так называемая новая система управления подразделением, которая якобы способствовала утверждению авторитета командиров низшего звена и в целом сплочиванию «боевых коллективов» [11, р. 86].

Были и другие «полезные новшества», как в областях тактики, оперативного искусства, организации перебросок значительных группировок войск, опробовании в бою экспериментальных образцов ВВТ во всех видах ВС с отбраковыванием «неудачных» и некоторые другие. Но имели место и явные промахи политического и военного руководства США, которые по объективным, а чаще по субъективным причинам были тривиально проигнорированы, не учтены в ходе планирования и ведения боевых действий в том же регионе десятью годами позже и все еще остаются предметом обсуждения специалистов. Прежде всего это касается оценки противника.

Парадоксальные «неучи»

По прошествии многих лет со дня окончания боевой фазы операции в 2003 г. можно с уверенностью констатировать: иракцы вообще не сделали никаких конструктивных выводов из своего поражения в 1991 г., а если и сделали, то лишь себе во вред.

Как и накануне первой операции, на специалистов производила впечатление массовость иракских вооруженных сил: 350 тыс. человек плюс еще 100 тыс. призванных из запаса накануне начала боевых действий в 2003 г. Из основных видов ВВТ у иракцев было от 2,2 до 2,6 тыс. танков, 3,7 тыс. бронетранспортеров и 2,4 тыс. артиллерийских орудий всех калибров. При этом из более-менее современных ВВТ можно было выделить только порядка 700 танков Т-72, остальные — явно устаревшие образцы 1950–1960-х годов, в основном советского производства. ВВС и ПВО Ирака, как и в предыдущей кампании, вновь оказались «исключены» из боевых действий. Более того, американской разведке стало известно, что большая часть из имевшихся на вооружении ВВС Ирака самолетов (300 машин) в преддверии кампании была демонтирована (сняты крылья) и заскладирована в специальных укрытиях, якобы для «сохранности»(!?). Участие же в последующих боях нескольких иракских самолетов, как показал анализ, имело целью продемонстрировать своим наземным войскам лишь «наличие национальной воздушной мощи для поднятия боевого духа»(!?), и не более того. «Мизерные» военно-морские силы Ирака, как и в операции 1991 г., судя по всему, вообще не учитывались Багдадом при подготовке к военным действиям.

Когда стала очевидной неизбежность нового столкновения с американцами, иракцы совершенно необъяснимо сразу же наступили на те же «грабли». Иракское командование, «озадачив» противника, опять развернуло в пустынной, фактически открытой, почти не приспособленной для конвенциональной обороны, местности соединения и части своих сухопутных войск, сделав их удобной мишенью для поражения авиацией и высокоточных средств поражения, количественно увеличившихся за последнюю декаду в арсенале американцев. Некоторые специалисты склонны объяснить это «странное» решение иракского генералитета тем, что Багдад просто вознамерился пожертвовать «менее ценным» компонентом своих войск — пехотой для сдерживания подавляющей огневой мощи противника с целью

последующего его вовлечения в бой в населенных пунктах (бой в городе) с якобы подготовленными для этого формированиями элитной Республиканской гвардии. К тому же, как подчеркивает американский эксперт У. Уилер, иракского диктатора Саддама Хусейна, не доверявшего «пехотной массе», преимущественно состоявшей из «ненадежных» рекрутов-шиитов и соответственно слабо подготовленной и оснащенной, мало заботила судьба «пушечного мяса», которое он рассматривал лишь в качестве первой ступени защиты своего режима [11, р. 89].

Вызывала удивление и применявшаяся иракцами так называемая тактика действий, как будто «взятая из советских учебников эпохи Второй мировой войны». Иракские генералы в случае, по их мнению, формировавшихся благоприятных условий бросали свою пехоту во фронтальное наступление под уничтожающий все живое мощный огонь американских средств поражения. Да и о взаимодействии на поле боя иракских частей и подразделений говорить не приходится. Как указывается в одном из исследований, посвященном данной операции, иракские командиры были настолько «зациклены на своей персональной ответственности за происходящее на поле боя, что напрочь сковали инициативу подчиненных, не позволяя им и шагу ступить без соответствующего указания» [1, р. 24]. Отдельные случаи инициативы и даже проявления «мужества и героизма» со стороны иракцев, подчеркивают американские участники боев, выглядели «полным безумием и самоуничтожаемым фанатизмом», не приносящим никакой пользы в бою [11, р. 92).

Как указывалось выше, Саддама Хусейна и его окружение мало заботили нужды вооруженных сил. Все его усилия по «укреплению обороноспособности страны» фактически были направлены на сохранение своей безграничной власти. Иначе как объяснить тот факт, что вместо реорганизации существенно «потрепанных» в 1991 г. сухопутных войск — традиционной основы иракских ВС, он воссоздал специальную Республиканскую гвардию численностью от 15 до 20 тыс. человек с лично подбираемым им офицерским корпусом, получавшим денежное довольствие, в разы превосходившее оклады армейских офицеров. Командование гвардией, естественно, было поручено одному из сыновей Саддама — Кусею, который, как командир, был весьма посредственным. В добавление к этому диктатором были созданы различные иррегулярные формирования. В частности, в 1995 г. был сформирован корпус «Саддамовских федаинов (т.е. партизан, по-арабски)» численностью также до 20 тыс. че-

ловец во главе с другим сыном диктатора — Уэдеем. По образцу «гитлерюгенд» в Ираке были созданы: военизированная молодежная организация «Львы Саддама», многочисленные вооруженные группы из членов правящей партии «Аль-Баас», а также мощная Специальная служба безопасности, на поддержание «боеготовности» которых тратились средства, в совокупности превосходившие военный бюджет. При этом главной задачей этих «бойцов» являлась отнюдь не борьба с внешним «врагом», а с «врагом» внутренним. Саддамом Хусейном была внедрена практика «соперничества» среди не только генералитета вооруженных сил, но и якобы преданных ему лично руководителей иррегулярных формирований за «возможность близкого доступа к телу диктатора» и получения за счет этого привилегий и благ. Но такая практика лишь вела к созданию крайне нездоровой атмосферы в офицерско-генеральской среде, плодила разного рода «заговорщиков» и «доносителей» с соответствующей реакцией на это со стороны служб безопасности. Отсюда и крайне низкий моральный дух и состояние дисциплины в войсках. С началом боев были отмечены многочисленные случаи дезертирства, причем зачастую в составе подразделений и даже из, казалось бы, «прикормленной» Республиканской гвардии. В средствах массовой информации приводились многочисленные примеры тривиального предательства со стороны большой группы иракских генералов, якобы «подкупленной» американской агентурой еще накануне кампании и покинувших (попросту, сбжавших!) свои посты в самый критический период сражений.

Из всего этого нельзя было не сделать однозначный вывод о неготовности иракских вооруженных сил к войне. Главный редактор авторитетного «Джейнс Уорлд Армис» Чарльз Хейман делает следующее заключение: «Очевидно, что иракские ВС накануне вторжения были, возможно, самой некомпетентной армией в мире!» [13]. Упомянувшийся же американский эксперт У. Уилер в своей оценке идет еще дальше, вопрошая: «Есть ли резон для нас говорить о том, что ВС США якобы «самые сильные и лучшие», если они имели опыт борьбы всего лишь с таким слабым противником?» [11, р. 93].

Упование на техническое превосходство

Если абстрагироваться от обобщений и взглянуть на проблемы, с которыми столкнулись ВС США в ходе кампании изну-

три, то вырисовывается следующая картина «победы американского оружия» в операции «Свобода Ираку» в 2003 г.

Начнем с «тактического уровня». Что касается «упования» американского генералитета на «безусловное техническое (технологическое) превосходство ВС США» над любым виртуальным и реальным противником, продемонстрированное в ходе и, главное, решившее исход боевой фазы операции, то многие аналитики, в том числе и американские, высказывают сомнения относительно истинности данного тезиса.

Так, упоминавшийся авторитет в области военного строительства У. Уилер, базируясь на собственном анализе докладов из зоны боевых действий, приходит к выводу о том, что «информация об абсолютном успехе американских высокотехнологичных систем является в целом преувеличением либо даже искажением истины» [11, р. 94]. Он подвергает сомнению утверждение тех «лоббистов» внедряемой (и, частично, внедренной в ходе кампании) в боевые войска «системы сенсоров, компьютеров и коммуникационного оборудования», которые в комплексе якобы «наконец, сняли, завесу неопределенности и неясности с поля боя». Адвокаты этой системы еще накануне операции безапелляционно заявляли, что отныне с помощью данных информационных устройств, отслеживающих местонахождение и передвижение противника, создается возможность управления огнем из вышестоящих штабов таким образом, что, например, противотанковые средства противника будут поражаться еще до их выхода на дальность стрельбы для поражения бронетанковой техники. Реальность же опровергла обещанный «триумф новых технологий».

Командир одного из батальонов 3-й пехотной дивизии подполковник «Рок» Маркоун вспоминает о том, что «благодаря» новой системе он был «почти лишен» информации о составе сил и намерениях противника, а ночью, накануне боя, вообще был «введен в заблуждение»: из вышестоящих инстанций ему сообщили о том, что перед фронтом его батальона находится одна иракская бригада, тогда как уже перед самым началом боевого столкновения выяснилось, что бригад было три, т.е. фактически дивизия! Пришлось срочно «ломать» все планирование боя [9]. Аналогичную оценку новой системе давали и командиры формирований морской пехоты США. Более того, некоторые из них утверждали, что на фоне отработанных годами методов получения информации посредством традиционных средств

коммуникаций новая система бездействовала, лишь создавая дополнительные трудности «лавинообразными информационными потоками», которые невозможно было обрабатывать в срок. Доходило до того, что командиры просто игнорировали эту систему [9]. Данный «феномен недоверия», указывает Уилер, как бы оправдывая руководство американских подразделений, был достаточно распространен и в предыдущих конфликтах, и не только в армии США, когда командиры нижестоящего звена «с опаской» относились к указаниям «сверху», поскольку были уверены в том, что они лучше знают особенности обстановки в зоне своей ответственности, чем в вышестоящих штабах, располагавшихся на значительном удалении от передовой [11, р. 94]. Однако главный негатив, как считает другой авторитетный американский эксперт Уильям Линд, обращаясь к опыту «жесткой иерархии и «избранной» информации при централизованном управлении высокотехнологичным огнем», имевшими место в ходе кампании в Ираке в 2003 г., состоит в том, что «данные схемы несут в себе тяжелый груз... догматических концепций, которые, требуя беспрекословного повиновения и сковывая инициативу, действуют как наркотик» [4, р. 29].

Анализ результатов боевой фазы операции американцев в Ираке в 2003 г. разоблачает и другой «миф» о «безусловном вкладе технического превосходства ВС США» в обеспечение победы в кампании в целом. Речь идет о якобы «успешном» применении высокоточного оружия. В действительности, указывает Уилер, это было весьма редким явлением. Подсчитано, что, например, для поражения одного моста в среднем расходовалось до 10 т боеприпасов, что никак не вяжется с сутью провозглашенной концепции «одна бомба — одна цель». С поражением бронетанковой техники иракцев была приблизительно та же история. Как оказалось, лишь малый процент танков был поражен высокоточным оружием, большая же их часть была подорвана сами иракцами, либо вообще брошена на поле боя еще до соприкосновения с американцами [12, р. 106].

Состоялась ли «трансформация»?

Известно, что ярким поборником «технического превосходства ВС США» был министр обороны Дональд Рамсфелд, который и положил этот тезис в основу осуществлявшейся под его руководством «трансформации» военной машины страны и

попытался доказать его правомочность в реальной боевой обстановке в Афганистане и Ираке. Министр и его сторонники среди американского генералитета полагали, что одними высокотехнологичными ВВТ можно быстро достичь цели, уничтожив противника и добившись слома его намерений продолжать сопротивление. Используя продвинутое технологии, высокоточное оружие дальнего действия, современные средства разведки и связи, американским генералам казалось, что они в состоянии разгромить противника быстро и малой кровью. Однако, относительно быстро добившись успеха на поле боя, они «вдруг» обнаружили, что «легкая часть операции закончилась», но не достигнута цель войны. Как показал ход этой кампании в Ираке в 2003 г., подчеркивает упоминавшийся эксперт У. Уилер, «технологически превосходящая противника американская армия знала как выиграть бой, но не войну!» [11, р. 77]. Ему вторит известный британский стратег Колин Грэй, отметивший, что практикующаяся в ВС США «зависимость всецело от огневой мощи хотя и в высшей степени желаемая сама по себе, в конечном счете становится бесполезной в тот момент, когда более приемлемы другие методы поведения на военном поприще» [2, р. 27–33].

Фактически руководивший действиями американских войск в Ираке в 2003 г. командующий Объединенным центральным командованием ВС США генерал Томми Франк был явно «в плену» этих устаревших представлений и нисколько не был озабочен последствиями «блицкрига» и захвата Багдада, а также тем, что же делать дальше. А дальше наступило «отрезвление», особенно после обнародования факта резкого увеличения (после «победы») потерь среди американских военнослужащих и ввязывания их в затяжные бои с повстанцами, в том числе и из среды гражданского населения, которое «должно было быть благодарно “янки” за освобождение от диктаторского режима». Но о проведении фазы «миротворчества» и операции по стабилизации ситуации в стране американцы поначалу и не задумывались. Тут же предъявленные министру Рамсфелду претензии на этот счет были им в резкой форме отвергнуты: «Не дело военных помогать и тем более участвовать в гражданском строительстве!» На вопрос же о том, чье это дело, глава военного ведомства не знал, что ответить [11, р. 80].

И, что особенно показалось неприемлемым для экспертов, в том числе такого авторитета в области военных реформ, как Лоуренс Корб, так это то, что вместо признания ошибочности

своих действий и оперативного «перенесения акцентов работы в разоренной стране на созидание», по указанию американского руководства, начался методичный вывод войск из Ирака, причем сразу 50 тыс. человек и еще 50 тыс. через короткий промежуток времени. Начавшаяся в условиях дестабилизации по сути гражданская война лишь плодила недовольных и соответственно жертвы среди «освободителей», потерявших инициативу и вынужденных проводить бесконечные «зачистки», в свою очередь увеличивавших недовольство населения. Другими словами, образовался «замкнутый круг» проблем. Да и министр Рамсфелд, «прозрев», признал: «У нас отсутствуют критерии понимания того, выигрываем ли мы войну с террором (подразумевая ситуацию в Ираке) ... или проигрываем» [7]. В связи с этим, делает вывод Корб, «традиционная военная победа в современных военных конфликтах является всего лишь прелюдией к стабилизационной операции, успех или неуспех в которой и определяет общий исход кампании» [3, р. 81]. В целом же использование силы как средства умиротворения населения чревато «уводом военных методов из под политических целей, которые они призваны обеспечивать». Что и произошло в Ираке!

Подводя итоги

Завершая краткий критический анализ задействования ВС США в войне против Ирака в 2003 г., представляется уместным привести оценку позиции американского военно-политического руководства, данную известным военным практиком и теоретиком полковником в отставке Дугласом Макгрегором. Ветеран операции «Буря в пустыне», в ходе которой он прославился как «самый успешный бронетанковый командир в армии США» и получивший широкую известность в качестве автора нашумевшего исследования «Преодолевая фаланги: новая структура для наземной мощи XXI века» [5], Макгрегор по результатам операции «Свобода Ираку» опубликовал в 2006 г. эссе под весьма красноречивым названием «Долой генералов!». Суммируя результаты своего анализа, автор, в частности, отмечает: во-первых, командование американской группировки войск в регионе так и не поняло суть «конфликтов нового поколения», не имело на руках соответствующей доктрины и специалистов в своем штабе, разбирающихся в нюансах противоповстанческой борьбы; во-вторых, американские командиры были выучены и

имели подготовку «к глобальному противоборству с военной мощью Советов», но оказались в растерянности перед лицом тактики действий иракских «федаинов» (партизан); в-третьих, несмотря на то что американские командиры наземных формирований восприняли концепцию «объединенности» (т.е. тесного межвидового взаимодействия) «как мантру», реально в бою они ею просто пренебрегли; в-четвертых, за 12 лет со дня окончания «Бури в пустыне» американским военным командованием не было сделано ничего, чтобы постичь особенности местного менталитета и нюансы арабского мира в целом, что лишь содействовало росту антиамериканских настроений в иракском обществе и соответственно возникновению широкого партизанского движения в этой стране [6].

В связи с этим сомнительно утверждение о том, что вооруженные силы США «успешно» справились с выпавшими на их долю испытаниями в Ираке, хотя формально они добились военной победы весной 2003 г. Считать же, что данная кампания представляет собой «зримое воплощение революции в военном деле», явно безосновательно.

К концу 1980-х годов стало очевидно, что эпоха «холодной войны» уходит в прошлое и ей на смену идет «неопределенное будущее», чреватое новыми вызовами, требующими адекватных средств и методов для реагирования на них.

Импульсы к преобразованиям

В США наиболее продвинутые специалисты и аналитики области политичес—ких и военных проблем загодя инициировали обсуждение проблем будущего мироустройства и места в нем вооруженных сил, естественным образом реорганизованных для своевременной реакции на различного рода «чрезвычайные ситуации». Видный американский исследователь, авторитет в области военных реформ, Лоуренс Дж. Корб полагает, что импульсом к дискуссии относительно срочной реорганизации национальной машины страны под новые вызовы явилась среди немногих других заслуживающих внимания аналитических трудов статья «Изменяющееся лицо войны: в преддверии четвертого поколения», опубликованная в октябре 1989 г. в ведомственном издании американской морской пехоты «Марин кор газетт» за авторством известного «реформатора» Уильяма Линда совместно с тремя офицерами морской пехоты (МП) США.

Суть данного исследования сводилась к анализу характерных черт военного противоборства, в том числе за последние два столетия, которые дали основание авторам провести классификацию войн данного периода военной истории и разделить их на три «поколения»: войны «преднаполеоновского» периода, войны периода 1805—1939 гг. и войны периода с 1939 г. по настоящее (конец 1980-х годов) время. Особо не останавливаясь на «преднаполеоновском периоде», авторы подчеркивали, как они считали, важную мысль: если на втором этапе особенно—стью противоборства на поле боя была «массовость» войск и фактор «позиционности», то третий этап характеризовался

(и продолжал на тот период времени характеризоваться) огневой мощью и мобильностью войск. При этом делался вывод о том, что противник терпел сокрушительное поражение тогда, когда против него применялись «стратегемы» (уловки, находки) следующего поколения войн, как, например, это было с разгромом французами пруссаков под Йеной (1806) и германцами французских войск в 1940 г. Теперь же, полагали авторы, отчетливо проявились признаки войн следующего, четвертого поколения: неопределенность состояния войны и мира, «размытость» условий вступления сторон в фазу противоборства на поле боя; нелинейность столкновений, нечеткость полей битв и фронтов; охват боевыми действиями территорий противников одновременно на всю глубину; стирание различий между фронтом и тылом; участие в противоборстве одновременно «военных» и «гражданских» структур [4]. С этими отличительными чертами войн будущего в принципе было согласно большинство американских специалистов в области военного строительства, в связи с чем и было инициировано рассмотрение предложений относительно реформирования военной машины страны, базируясь на исходных посылах подготовки к войнам четвертого поколения. В тот период вниманию общественности и властных структур было предложено достаточно много различных проектов реорганизации военной машины страны как со стороны властных структур, так и независимых «реформаторов»: от чисто «косметических» до крайне «радикальных». В начале января 1991 г. в конгресс был официально направлен проект реорганизации вооруженных сил в соответствии с требованиями новой эпохи «Базовые силы». Он был подготовлен председателем комитета начальников штабов Колином Пауэллом и офицерами его Объединенного штаба и одобрен администрацией Белого дома.

Предвидение Пауэлла

Генерал Пауэлл, в конце 1980-х годов занимая должность советника президента США Р. Рейгана по вопросам национальной безопасности, уже тогда предвидел, что в результате грядущего резкого потепления международной обстановки с неизбежностью встанет вопрос о сокращении национальных вооруженных сил, к реагированию на который надо быть готовыми заранее. В связи с этим он подготовил тезисы предложений о реформи-

ровании военной машины страны, которые позже приобрели форму проекта.

Пауэлл был согласен с тем, что вооруженные силы размеров периода «холодной войны» теперь не будут востребованы и что концепции типа «поддержания стабильности, противодействующей хаосу на международной арене» отныне вряд ли могут быть «подпоркой» для сохранения военного потенциала на прежнем уровне. При этом «смотрящий за горизонт» генерал считал неприемлемым превращение вооруженных сил лишь в инструмент «миротворчества», в нечто типа «армии спасения». Пауэлл учитывал и факт превалирования в Конгрессе демократов. Они резко критиковали безудержное наращивание рейгановской администрацией военного потенциала, что с неизбежностью должно будет привести к выдвигению различных, в том числе «радикальных» планов сокращения ВС. Консервативно же настроенные гражданские начальники Пауэлла, такие как министр обороны Дик Чейни, его заместитель Пол Вулфовиц, советник президента по вопросам национальной безопасности Brent Скаукрофт, не были склонны доверять прогнозам относительно резкого снижения угрозы США в ближайшей перспективе и ориентировали Пауэлла на сокращения военного бюджета не более чем на 10% в течение 1990–1995 гг. Генерал в угоду своим «боссам» представил график сокращений на 5% каждый год в этот же временной интервал. В соответствии с данным планом предусматривалось сократить личный состав ВС с 3,3 млн военнослужащих (2,1 — в регулярных войсках и 1,2 — в национальной гвардии и резерве) до 2,5 млн (1,6 — регулярные войска и 0,9 — нацгвардия и резерв). Сокращаемое при этом количество соединений, кораблей и тактической авиации фактически и должно было превратить вооруженные силы страны в «базовые силы», представляющие собой уменьшенную копию ВС времен «холодной войны» и, главное, без проведения каких-либо кардинальных и «болезненных» преобразований.

Разработанный Пауэллом по указанию его начальников проект подразумевал обладание вооруженными силами способности ведения американцами военных действий без опоры на союзников с противником в лице государств, которые теперь стали обозначаться термином «страны-изгои». Эта концепция предусматривала возможность участия Соединенных Штатов в двух крупных региональных конфликтах, происходящих одновременно (чуть позже — «почти одновременно»). При этом предполагалось, что для одержания победы в кризисных ре-

гионах, таких, например, как Корейский полуостров или зона Персидского залива, будет достаточно группировок по 400 тыс. военнослужащих в каждой, даже если на помощь не придут союзники. К тому же Пауэллом и его командой было выдвинуто жесткое положение, в соответствии с которым войска могут быть привлечены к боевым действиям только тогда, когда, во-первых, политические цели ясны и безупречны, во-вторых, руководство страны готово применить вооруженные силы быстро и решительно и, в-третьих, войска должны быть выведены из зоны боевых действий немедленно после достижения поставленной перед ними цели. Данное положение обуславливалось неоднократными провалами американских вооруженных сил, как, например, во Вьетнаме (1962–1972) или Ливане (1982–1983), где изначально не были ясны цели политического руководства, как и не были поставлены перед войсками четкие задачи. Это положение позже обрело форму так называемой Доктрины Пауэлла.

Проект реорганизации ВС, разработанный генералом Пауэллом и его командой, к удовлетворению военно-промышленного комплекса, не предусматривал отказа от создания и модернизации ключевых проектов вооружений и военной техники (ВВТ) времен «холодной войны». Для сухопутных войск — это ударные и разведывательные вертолеты «Команч»; для ВВС — истребитель F-22, изготовленный по технологии «стелс»; для ВМС — многоцелевой тактический самолет F/A-18E/F, а также авианосцы и эсминцы новых проектов CVN-72 и DDG-51 соответственно и др. Между тем было очевидно, что эти дорогостоящие проекты явно излишни в условиях роспуска Варшавского Договора и дезорганизации СССР. Да к тому же из-за их дороговизны не было возможности при заложенных сокращениях на закупки в 25% менять ВВТ в войсках по принципу «один на один».

Победа США и их союзников в разразившейся в 1991 г. войне в зоне Персидского залива над относительно слабым противником в лице саддамовского Ирака, по мнению многих критически настроенных американских специалистов, сыграла злую шутку с планами тех «реформаторов», которые хотели реальных преобразований военной машины США, а теперь были вынуждены временно «отойти на задний план» на фоне громогласных заявлений консерваторов, провозгласивших «успех военной реформы республиканской администрации Буша-старшего», правильность которой якобы была доказана в «Аравийских песках».

Новые подходы

Между тем эта «победа» не принесла ожидавшихся дивидендов республиканцам, которых их оппоненты обвинили в «непродуманных и баснословных тратах денежных средств на военные нужды» и вообще «неумении экономить». Вследствие этих и, разумеется, других причин республиканцев ждал проигрыш на очередных президентских выборах.

Выдвинутый главой новой демократической администрации Биллом Клинтон на пост министра обороны Лес Эспин предложил очередной проект преобразований в военной сфере. Занимая пост председателя комитета по делам вооруженных сил в Палате представителей еще при прежней бушевской администрации, Эспин нещадно критиковал республиканцев за половинчатость их шагов. Квинтэссенцией предложенного им проекта, получившего название «Обзор снизу доверху», или официально «Обзор состояния и развития ВС США на перспективу», являлась мысль о том, что, если американское руководство реально планирует получить выгоду от потраченных на противоборство с СССР более чем 10 трлн долл., ему следует немедленно заняться кардинальными преобразованиями в вооруженных силах. В соответствии с его проектом, представленным в начале 1992 г., следует сформировать совершенно иные вооруженные силы, сэкономив в период 1993–1997 финансовых годов громадную сумму в 231 млрд долл. [1]. Проект был одобрен и формально получил санкцию на претворение в жизнь.

Эспин, а вскоре и сменивший его на посту министра Уильям Перри рьяно взялись за дело, но при этом мало преуспели. Упомянутый американский авторитетный специалист Лоуренс Корб охарактеризовал проект демократов «обзором снизу доверху только на словах» [2, р. 66]. Впрочем, не могло и быть иначе. Дело в том, что генерал К. Пауэлл продолжал оставаться в должности председателя КНШ и любыми способами при поддержке своих сторонников «торпедировал» инициативы Эспина — Перри. Президент же Клинтон, потерявший авторитет среди военной верхушки из-за своей позиции по навязыванию разрешения для геев служить в ВС, просто устранился от помощи министру в «проталкивании» его проекта, который генералы встретили в штыки. В связи с этим произошла существенная корректировка изначально амбициозного проекта.

Корректировка планов

Прежде всего было восстановлено положение о необходимости сохранения такой численности вооруженных сил, которая позволила бы США участвовать одновременно в двух крупных региональных конфликтах. В составе военно-морских сил было решено оставить 12 авианосных ударных групп (АУГ), которые были у них и во время «холодной войны». Из ВВС «изымались» порядка 200 тактических истребителей, но «добавлялось» такое же количество стратегических бомбардировщиков, нацеленных на выполнение тактических задач. В сухопутных войсках сокращались две дивизии, но количество соединений в национальной гвардии СВ и резерве оставалось на уровне периода «холодной войны». Морская же пехота даже усиливалась за счет формирования еще одной экспедиционной дивизии.

Проектом не затрагивались реликты «холодной войны», такие как подводные лодки «Сивулф» SSN-21, ракеты «Трайидент-2», истребители F-22, спутниковые системы связи «Милстар» и др. Более того, клинтоновская администрация согласилась на продолжение разработки и поставок для нужд морской пехоты конвертопланов V-22 «Оспри», которые пытался аннулировать еще министр Чейни из предыдущей республиканской администрации. Личный состав ВС сокращался минимально — на 8% до 2,3 млн человек, а оборонные расходы на приблизительно 9% в период 1994–1998 финансовые годы в то время, как расходы на приобретение новых ВВТ оставались на прежнем уровне.

Проект Эспина не удовлетворял никого: ни консерваторов, ни либералов, ни «реформаторов». Консерваторы утверждали, что сокращенных оборонных расходов будет явно недостаточно для ведения двух войн масштаба театра войны. Они были недовольны и акцентированием клинтоновской администрацией на подготовке войск к «операциям ниже уровня войны», таким, например, как проведенным на Гаити или в Боснии. Либералы выражали недовольство тем, что Клинтон «слишком мало» урезал оборонную программу бушевской администрации и вообще частично восстановил изначально сокращенные по его же инициативе «оборонные фонды», пойдя на поводу контролируемого республиканцами Конгресса. Действительно из планировавшихся Клинтоном сокращений оборонного бюджета на 127 млрд долл. реально было «изъято» только 27. «Реформаторы» — сторонники кардинальных преобразований в военной сфере во-

обще были вынуждены констатировать факт «неготовности ВС США к ведению войн четвертого поколения». В качестве аргумента они приводили операцию в Сомали в 1993 г., начатую как «гуманитарная миссия», но затем превратившуюся в реальное военное противостояние «следующего поколения», к которому американцы оказались абсолютно не готовы и потерпели явный провал, потеряв убитыми 18 человек и два вертолета.

Попытки исправить положение

Конгресс США оценил два указанных и частично реализованных последовательных проекта реформирования военной машины страны как «не полностью отвечающие требованиям новой эпохи» и обязал Пентагон подготовить новый документ, получивший название «Всесторонний (четырёхлетний) обзор состояния и перспектив развития вооруженных сил», а параллельно сформировал Комиссию национальной обороны практически с аналогичными задачами.

Забегая вперед, отметим тот факт, что ни пентагоновский, ни конгрессовский проекты не стали прорывом в деле реформирования вооруженных сил США.

Пентагоновский вариант подтвердил сценарий двух войн, оставив, таким образом, в неизменном состоянии структуру войск, планы их модернизации (реструктуризации) и вопросы готовности. Чувствовалось, что преемник Перри на посту министра обороны в клинтоновской администрации, в прошлом сенатор Уильям Коэн (республиканец в демократической администрации), как и его «босс» Клинтон не был склонен вступать в противостояние с генералитетом и конгрессменами-консерваторами. В проекте остался тезис и о том, что войска должны готовиться к участию в конфликтах типа боснийского или гаитянского. Далее в проекте постулировался тезис о том, что США должны поддерживать «стратегическое сдерживание» на уровне 7 тыс. ядерных боеголовок до ратификации Россией Договора СНВ-2, а затем уменьшить их количество до 3,5 тыс. И наконец, якобы исходя из «угроз неопределенного будущего», обосновывалась необходимость модернизации существующего на вооружении устаревшего ВВТ. Правда, видимо, в угоду либералам, в пентагоновском варианте предлагались и некоторые косметические сокращения личного состава и техники.

Так, планировалось сократить регулярные войска на 4%, или на 60 тыс. человек, резервистов — на 6%, гражданских служащих — на 11%. В проекте предлагалось уменьшить на 25% запланированные ранее закупки F-22, F/A-18E/F и V-22, но не было и намека на отказ от «реликтов холодной войны».

Проект комиссии конгресса был более «радикальным». Во-первых, отмечалось, что концепция двух войн регионального масштаба представляет собой «кальку стратегии времен холодной войны» и обязывает содержать на «передовой линии» избыточные группировки войск. Во-вторых, проект комиссии критиковал Пентагон за то, что слишком много средств тратится на «вчерашние» ВВТ, типа танков M1A1 «Абрамс» и авианосцев типа «Нимиц». В-третьих, Пентагон подвергся критике за отсутствие каких-либо концепций превращения национальных ВС в «полностью мобильные» войска, а также недостаточное внимание к беспилотным летательным аппаратам и «опережающих время» разработкам разведывательных и коммуникационных систем. В-четвертых, как резюме, проект комиссии настоятельно рекомендовал администрации в целом и министерству обороны в частности увеличить ежегодные ассигнования на 5–10 млрд долл., выделяемых на исследования в областях разведки, военного космоса, разработку концепции «бой в городе», проведение «объединенных» (межвидовых) экспериментов и так называемых информационных операций, что в целом должно, наконец, «трансформировать американскую военную машину в силы 21-го века».

Однако генералитет категорически отказался от конгрессовского проекта преобразований, в чем его поддержал министр Коэн. Вместо этого глава военного ведомства в конце 1998 г. выступил ярым сторонником запроса Комитета начальников штабов в адрес президента относительно финансирования вооруженных сил в рамках существовавшей тогда структуры войск. Несмотря на то что надежды генералитета на получение 150 млрд долл. на период 2000–2005 финансовые годы не оправдались, 112 млрд им все же были обещаны плюс 8 млрд долл. на 2000–2001 гг. им добавил Конгресс. Таким образом, за десять лет после окончания «холодной войны» оборонный бюджет США снизился всего лишь на 10% в реальных цифрах, не оказав существенного влияния, как подчеркнул упоминавшийся эксперт Л. Корб, на «подгонку военной машины страны под требования нового времени» [2, р. 69].

Во главу угла — «трансформация»

В период очередной президентской кампании в США в конце 1999 г. республиканцы выдвинули три тезиса жесткой критики прежних проектов реформирования национальных ВС, реализовывавшихся демократической администрацией, которые «потерпели полный провал». Во-первых, подчеркивали республиканцы, Клинтон и его команда серьезно недофинансировали нужды обороны, что якобы напоминает ситуацию в стране в конце 1930-х годов, приведшей к «катастрофе Перл-Харбора». Во-вторых, демократы будто настолько «разбалансировали вооруженные силы», навязывая им всякого рода «гуманитарные» и «стабилизационные» операции, что военная машина страны оказалась не готова к ведению «нормальной войны» крупного масштаба в таких кризисных регионах мира, как Персидский залив или Корейский полуостров. И, в-третьих, по мнению республиканцев, администрация Клинтона не смогла воспользоваться очевидными преимуществами «революции в военном деле» для трансформации вооруженных сил в «мобильные и гибкие войска».

Эти три тезиса кандидат в президенты от республиканской партии Джордж Буш-младший озвучил в своей главной программной речи в декабре 1999 г. Исправить «катастрофическое положение» президент Буш обещал прежде всего путем увеличения ассигнований на подготовку войск к боевым действиям, а не к так называемым операциям ниже уровня войны. Он также обязался кардинально «трансформировать» военную машину страны, даже если придется «перескочить через поколения технологий». При этом под термин «трансформация» был подведен весьма существенный контекст, «процесс, формируемый изменяющейся природой вооруженной борьбы, усиливающимся взаимодействием отдельных составляющих ВС через новые комбинации концепций, боевых возможностей, людей и организаций, которые используют национальные преимущества и защищают страну от асимметричных угроз для сохранения стратегического положения Соединенных Штатов, которое помогает укреплять мир и поддерживать необходимую стабильность» [7, р. 3]. Республиканский кандидат обещал разумную экономию средств за счет отказа от разработок, планировавшихся для противоборства с «исчезнувшей коммунистической угрозой в лице СССР». Действительно, в период нахождения у власти демократов в 1990-е годы, яростно критиковавших республи-

канцев за «безудержное наращивание военного потенциала» в предшествовавший период, ими было потрачено на оборону 3,3 трлн долл., всего лишь на 14% меньше, чем во времена республиканцев — Рейгана и Буша-старшего. Теперь республиканцы предлагали увеличить оборонные траты в течение 10 лет «только» на 45 млрд долл., тогда как их конкуренты-демократы в борьбе за Белый дом предлагали на тот же период 80 млрд. Во всяком случае, видимо, не в последнюю очередь эти, но также, естественно, и другие аргументы «взяли верх» у избирателей, и республиканцы с триумфом «въехали» в Белый дом.

Для руководства реализацией амбициозных планов «трансформации» национальных вооруженных сил республиканская верхушка подобрала и соответствующую кандидатуру — Дональда Рамсфелда, имевшего богатый опыт руководителя еще с тех времен, когда он возглавлял военное ведомство в фордовской администрации в 1970-е годы, руководил аппаратом Белого дома и был представителем США в НАТО. Рамсфелд имел репутацию и «успешного менеджера», «выведя» возглавляемые им корпорации в число процветающих. Казалось, лучшей кандидатуры на пост министра обороны не найти. Между тем опять забегая вперед, констатируем факт того, что результаты деятельности Рамсфелда отнюдь не превзошли своей эффективностью то, что «сотворили» его предшественники, возглавляя военное ведомство США после окончания «холодной войны». Неудачи Дональда Рамсфелда были обусловлены следующими обстоятельствами.

Во-первых, объективно министр оказался в затруднительном положении, взяв на себя миссию кардинальной перестройки работы своего ведомства в период всеобщей эйфории от осознания американским истеблишментом и общественностью США статуса страны как «единственной оставшейся в мире сверхдержавы». В этих условиях ему было чрезвычайно трудно найти сторонников кардинальной «трансформации» вооруженных сил (которые и без того якобы являются «лучшими в мире») среди влиятельных чинов Вашингтона.

Во-вторых, авторитарный стиль его руководства явно не подходил для решения такой амбициозной задачи, как «трансформация военной машины страны», требующей, как пишет упоминавшийся эксперт Л. Корб, «наличия определенной гибкости и умения ладить с сильными мира сего для слома сопротивления самой мощной бюрократии мира» [2, р. 74]. Возглавив военное ведомство в январе 2001 г., Рамсфелд тут же испортил отноше-

ния с американским генералитетом, гражданскими служащими, высшими представителями военно-промышленного комплекса, и, что самое главное, с теми членами Конгресса из обеих палат, от которых зависело успешное продвижение «реформаторских идей». Особенно «доставалось» от него аппаратам Пентагона и Комитета начальников штабов. Выступая 10 сентября 2001 г., т.е. за день до «мегатерактов», перед руководством обеих инстанций, министр Рамсфелд сделал следующее шокировавшее всех заявление: «Наш главный противник здесь, внутри нашего дома. Это — пентагоновская бюрократия!» [5]. Американский истеблишмент и общественность, поглощенные устранением последствий терактов, сразу не обратили особого внимания на эту речь главы военного ведомства, тем более на фоне его конструктивного и даже «героического» поведения в ходе организации отпора террористам, но позже эти слова «недруги» припомнили Рамсфелду. Правда, решительные действия главы военного ведомства в чрезвычайных обстоятельствах были оценены по достоинству. Бывший министр армии Томас Уайт писал в этой связи: «Рамсфелд хорош именно во время кризиса!» [6].

В-третьих, Рамсфелд пытался форсировать события, пытаюсь «трансформировать» ВС в самые сжатые сроки, невольно нанося, как говорили его «недоброжелатели», непоправимый ущерб военной промышленности. Так, министр, без оглядки на «защитников» «реликтов холодной войны» из числа членов администрации и конгрессменов, отказывался не только от дальнейшего производства устаревших ВВТ, но и добивался прекращения программ таких «перспективных» вооружений, как, например, САУ «Крузейдер», которые, по его мнению, были просто «лишними» в новом облике американских ВС, но на которые уже были потрачены астрономические суммы денег. В первые восемь месяцев своей работы на столь высоком посту по его инициативе было сформировано более дюжины рабочих групп, которые занялись тем, чтобы обосновать необходимость урезаний ассигнований практически на все оборонные программы.

В-четвертых, открыто демонстрируемый Рамсфелдом упор на технологическое преимущество не только над виртуальным, но и реальным противником (как, например, вооруженными силами саддамовского Ирака или формированиями «Талибан» в Афганистане) в ущерб вниманию к развитию новых форм и способов ведения военных и «стабилизационных» действий инициировал

недоверие к нему в среде военных и «реформаторов» как к руководителю, игнорирующему «элементарные принципы современной революции в военном деле». Критикуя рамсфелдовскую концепцию ведения военных действий в Ираке и Афганистане, авторитетный американский эксперт Эндрю Крепиневич, отмечал якобы ставшую очевидной для всех явную неуместность «акцентирования военной машины США всецело на уничтожении повстанческих сил и минимизации своих потерь за счет безопасности местного населения... и игнорирования усилий, направленных на поствоенную реконструкцию» [3, р. 92].

Таким образом, как подчеркивает Л. Корб, намерения и попытки Рамсфелда «трансформировать» вооруженные силы США «фактически закончились терактом 11 сентября 2001 года». Уже к 2005 г. оборонный бюджет страны вырос на 40% процентов, не считая траты на войны в Афганистане и Ираке. Инициативы республиканцев по жесткой экономии средств и их целенаправленному использованию на нужды «трансформации» по существу провалились, а военно-промышленный комплекс продолжил массовые поставки в войска ВВТ эпохи «холодной войны». В этих условиях миссия Рамсфелда оказалась исчерпанной. Ни президент, ни его окружение не выступили в защиту министра, который в конце 2006 г. был вынужден подать в отставку.

Без «амбиций»

Перед новым главой военного ведомства США, в прошлом директором ЦРУ, Робертом Гейтсом была поставлена менее амбициозная задача, сводившаяся к экономии оборонных расходов на фоне «успешного завершения военных миссий в Афганистане и Ираке». За два оставшихся до избрания нового президента года министр Гейтс проявил себя как «тонкий дипломат», наладив «конструктивные» отношения как с законодателями, так и представителями военно-промышленного комплекса, но при этом фактически не затронув ни одной «болевого точки» заметно сбавившего темпы процесса реформирования вооруженных сил. Такая позиция неамбициозного министра-представителя республиканской партии явно пришлась по душе новой демократической администрации, глава которой предложил Гейтсу продолжить начатый им «сбалансированный курс» экономии оборонных трат при условии обеспечения, наконец, перелома в

свою пользу ситуации в Афганистане и Ираке. При новом министре были опубликованы либо разработаны следующие важные документы, непосредственно касавшиеся национального военного строительства: «Стратегия национальной безопасности» (2010), «Всесторонний обзор состояния и перспектив развития ВС США» (2010), «Национальная военная стратегия» (2011) и документ с красноречивым названием «Удерживая глобальное американское лидерство. Приоритеты военного строительства в XXI веке», который увидел свет в 2012 г. Наряду с первостепенной нейтрализацией угроз США, исходящих из космоса и киберпространства, «превращающихся в новые среды военного противоборства», в этих документах подчеркивалась и ставшая традиционной задача поддержания готовности войск к одержанию победы над «региональным агрессором, военный потенциал которого может быть таким же мощным как у Ирана или Северной Кореи» (вспомним так называемую концепцию двух войн регионального масштаба). На этом Гейтс посчитал свою миссию выполненной и попросился в отставку. По образному выражению президента Б. Обамы, «министр Гейтс, успешно наведя мосты между двумя администрациями, с честью выполнил поставленную перед ним задачу» [8].

Главное — экономия средств

Назначенный 1 июля 2011 г. новый министр, в прошлом также возглавлявший ЦРУ, Леон Паннета был из среды демократической партии и прославился тем, что лично руководил операцией, приведшей к смерти Усамы бен Ладена. Как человеку, хорошо разбирающемуся в бюджетных вопросах, президент Обама поручил ему «первостепенную задачу» — обеспечить масштабное сокращение военных расходов на 400 млрд долл. за 12 лет. При этом считалось априори само собой разумеющимся, что в среднесрочной и долгосрочной перспективе (2015–2030) оперативные возможности американских ВС за счет их высвобождения и даже некоторого наращивания должны остаться достаточными для разгрома любого «регионального агрессора». Вместе с тем, делая упор на резкое увеличение ассигнований на силы специальных операций при общем уменьшении военного бюджета, в последних пентагоновских документах подчеркивалась необходимость отказа в дальнейшем от ведения американ-

скими войсками длительных по времени операций, требующих расходования значительных финансовых средств и чреватых большими потерями как среди военнослужащих, так и гражданских лиц, и более широкое привлечение союзников и партнеров, вовлекая их в коалиционные действия, в том числе за счет формирования «коалиций по желанию». Однако Паннета, несмотря на возлагавшиеся на него надежды, не сумел довести поставленную перед ним задачу до конца, и в феврале 2013 г. был заменен на представителя республиканской партии сенатора от штата Небраска Чарльза Хэйгела.

Новый министр, приобретший боевой опыт во время службы во Вьетнаме в 1967–1968 гг., награжденный боевыми медалями и имеющий два ранения, подходил демократической администрации не только тем, что своим назначением на важный пост потенциально мог смягчить противодействие «реформаторскому» курсу Обамы со стороны влиятельных республиканцев-консерваторов, но и тем, что полностью разделял позицию своего нового «босса» в отношении приоритетов оборонной политики, в первую очередь относительно «экономии средств» и организации «беспроблемного» вывода американских войск из Афганистана в обозначенные временные рамки (до конца 2014 г.). Несмотря на определенное негативное отношение к нему со стороны израильского лобби в связи со стремлением кандидата в министры соблюдать баланс интересов США на Ближнем Востоке, в целом позиция Хэйгела в отношении необходимости выполнения соглашения СНВ-3, продолжения разработки и размещения по всему миру систем ПРО и другим аспектам американской военной стратегии нашла поддержку в Конгрессе, и его кандидатура была утверждена. Но на плечи вновь назначенного министра неожиданно «свалилась» ранее не планировавшаяся миссия по «изначально нежелательному» вовлечению ВС США в процесс урегулирования разразившегося в начале 2011 г. кризиса на Ближнем Востоке. Не являющийся жестким сторонником прямого участия американских военных «в очередном Вьетнаме» Хэйгел все же был вынужден придерживаться общих установок американского руководства на «подчинение развития ситуации своему контролю», в том числе и с применением военной силы. Особенно отчетливо это прослеживается в связи с набирающими обороты кризисными событиями вокруг Сирии и постепенного втягивания в них США.

Подводя итоги

Будет ли министр Хэйгел в состоянии успешно решить поставленные перед ним задачи, покажет время. Однако уже сегодня есть основания констатировать тот факт, что ожидания «реформаторов» в отношении кардинальных преобразований военной машины США в ближайшей перспективе не оправдаются. Прежде всего для успешного осуществления любой реформы помимо четко продуманной и всесторонне обоснованной концепции нужны избыточные средства, которых вряд ли будет достаточно в условиях взятого нынешней американской администрацией курса на всемерную экономию и урезание военного бюджета. Реально неизбежные преобразования в области обороны как следствие завершения очередной военной кампании (или кампаний!?) все же ждут вооруженные силы США, но, видимо, уже при следующей президентской администрации, хотя теоретическая и документальная подготовка в этом направлении уже началась.

ХII. «НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ АМЕРИКИ»

В ходе анализа многочисленных преобразований военной машины США некоторые «инициаторы» реформ подметили определенную закономерность: удачное воплощение в жизнь той или иной «революционной» задумки может иметь место только в том случае, если она реализуется в «оптимальных и сбалансированных организационных рамках» при обязательной поддержке «власть предержащих». При этом «организация» (или «инстанция»), взявшая на себя «обузу» по воплощению «революционной» идеи, должна быть в состоянии выполнить три взаимосвязанные задачи: очертить четкие контуры будущего, кажущиеся сегодня большинству неясными; определить набор вариантов для эффективного реагирования на все возможные изменения этих контуров; быстро реализовать данные варианты [8, р. 134]. В качестве позитивного примера такой реализации идеи, «опередившей время», американские и многие другие западные аналитики приводят разработку многофункциональной корабельной системы управления оружием (ПВО/ПРО) «Иджис».

Принятию на вооружение данной системы предшествовали следующие обстоятельства. Во время Второй мировой войны американские, а затем и британские военачальники столкнулись с проблемой координации усилий отдельных кораблей по нейтрализации эффективных действий авиации противника, особенно «летчиков-камикадзе» на Тихоокеанском театре войны, наносивших серьезный ущерб ВМС. При этом уже тогда был поднят вопрос о необходимости создания такой зональной автоматизированной системы ПВО, которая бы охватывала воздушное пространство, значительно превышающее параметры противовоздушной обороны отдельных кораблей того времени по дальности и высоте обнаружения целей, а также их немедленного уничтожения.

К концу 1950-х годов Физическая лаборатория Университета Джона Гопкинса в одном из своих исследований в интересах Министерства обороны (МО) США выдвинула тезис о том, что уже в обозримом будущем военно-морские силы страны будут

нуждаться в системе ПВО, способной решать комплексную задачу по отбору, сопровождению, захвату и уничтожению большого количества воздушных целей (самолетов) противника. Данная лаборатория сыграла весьма заметную роль в разработке зенитно-ракетных комплексов (ЗРК) ВМС «Талос», «Терьер» и «Тартар» и интегрировании их в системы радиолокационного поиска целей и управления оружием [3]. Первая подобная система ПВО ВМС США была развернута в начале 1960-х годов с поступлением на вооружение аппаратуры цифровых линий радиосвязи (так называемая линия тактических данных), известной как «Линк-4А», а затем «Линк-11» и «Линк-14», которые были предназначены для наведения самолетов и использовались в каналах тактической связи для обмена данными целеуказания между кораблями. Однако прогресс в развитии авиации и ракетного оружия главного противника США — СССР уже в те годы вызвал необходимость форсирования исследований в области комплексирования и значительного ускорения процессов обнаружения воздушных целей, выбора приемлемых средств поражения и управления оружием. Единственным выходом из создавшегося положения была разработка быстродействующих автоматизированных систем обнаружения, сопровождения и связанных с ними других подсистем (например, поражения целей), значительного улучшения их ТТХ, прежде всего по дальности и высоте, но одновременно и решению проблем координации действий данных систем в рамках корабельной группировки.

В конце 1960-х годов был объявлен конкурс на разработку такой универсальной многофункциональной системы управления оружием, которая бы удовлетворяла всем изложенным выше требованиям. В 1969 г. контракт на разработку такой системы (включая зенитно-ракетный комплекс), получившей наименование «Иджис», выиграла корпорация RCA (в настоящее время «Локхид-Мартин») [7, р. 74]. По мере усложнения задачи к осуществлению проекта на конкурсной работе были привлечены и другие компании. Была поставлена первоначальная цель по обеспечению взаимодействия всех состоящих на вооружении на тот момент систем ПВО отдельных кораблей, объединенных в «боевую группу». Однако сделать это не позволяли имевшиеся в то время технологии. Поэтому в период между 1972 и 1974 гг. были проведены исследования с целью создания принципиально новой так называемой системы управления оружием группировки ВМС. К 1977 г. обозначились четыре направления работы по воплощению идеи в жизнь: значительное улучшение возмож-

ностей по радиолокационному обнаружению целей; устранение имевших место недостатков, вызываемых воздействием на систему ПВО работы других электронных систем, малой скоростью обработки данных, неудачной компоновкой аппаратуры и др.; разработка принципиально новых дисплеев, компьютерного обеспечения и миниатюризация всей необходимой аппаратуры; обеспечение жесткой координации работы систем ПВО отдельных кораблей в «боевой группе». Работа по всем этим направлениям продвигалась относительно медленно, но достаточно успешно и сопровождалась постоянным экспериментированием.

В конце 1981 г. начальник штаба военно-морских сил США, учитывая факт поступления на вооружение советских ВВС большого количества крылатых ракет, поручил Центру анализа ВМС провести специальное исследование с целью выявления возможностей адаптации реализуемой концепции под новую «угрозу». Результаты исследования подтвердили такую возможность.

В июле 1987 г. все исследования и работы были объединены в рамках концепции, которая предполагала создание системы обработки и передачи информации в рамках корабельной группировки — Cooperative Engagement Capability (CEC). К этому моменту к работе в разных направлениях по реализации вновь сформулированной концепции было привлечено более 170 специалистов из различных организаций, в том числе из Лабораторного управления систем ВМС, управлений космических и воздушных технологий соответствующих министерств и ведомств и некоторых других, «распределенных» по 13 географическим регионам страны. В том же году в рамках Управления исполнения программ по боевым системам штаба ВМС было сформировано отдельное управление по реализации CEC. В 1990 г. успешно прошли первые морские испытания системы. Комплекты экспериментальной аппаратуры, каждый из которых включал устройства обработки и распределения данных, были установлены на крейсерах управляемого ракетного оружия (УРО) типа «Тикондерога» (начиная с CG-47) и эскадренных миноносцах УРО типа «Орли Берк» (начиная с DDG-51) [4].

Командование американских ВМС и, самое главное, члены Конгресса проявили беспрецедентный интерес к данной концепции и предприняли ряд организационных и законодательных инициатив с целью форсирования ее реализации. Заметное влияние на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы оказала война (операция «Буря в пустыне») 1991 г. про-

тив садамовского режима в Ираке. Как отмечали американские специалисты, лежащие в основе размещенной на некоторых кораблях системы «Иджис» радиолокационные станции (РЛС) с четырьмя фазированными решетками AN/SPY-1(A-D) зачастую обнаруживали иракские ракеты «Скад» раньше, чем РЛС зенитных комплексов сухопутных войск, сопровождали их более точно и надежно [4]. После завершения войны лидеры Конгресса выступили с предложением о проведении отдельного исследования на предмет вскрытия потенциальных возможностей концепции СЕС в комплексе, будь она реализована еще до начала боевых действий. Результаты исследования подтвердили правильность выбранных направлений работы, на основании чего законодатели «рекомендовали и другим видам вооруженных сил (ВВС и сухопутным войскам) по примеру моряков заняться аналогичной работой» [7, р. 76].

После доработки аппарата системы (шесть комплектов) в 1993 г. была установлена на двух крейсерах типа «Тикондерога», эсминце «Кидд», универсальном десантном корабле (УДК) «Уосп» и модернизированном самолете Р-3. Выбор этого самолета в качестве воздушной платформы для экспериментальной аппаратуры был обусловлен в то время тем, что ее габариты не позволили разместить аппараты на самолете дальнего радиолокационного обнаружения Е-2С «Хокай», базировавшемся на авианосце. По окончании двухнедельных учений было решено обобщить их результаты с тем, чтобы в июне 1994 г. провести новые учения с учетом выявленных недостатков и резервов. Конгресс продолжал держать все мероприятия, связанные с реализацией СЕС, под своим жестким контролем. Он дал указание МО ускорить работу с учетом опыта операции «Буря в пустыне» и последних экспериментов в море. Во исполнение указаний законодателей было решено создать дополнительный, координирующий орган — организацию, включающую представителей Управления исполнения программ по боевым системам штаба ВМС, лабораторий ВМС и военно-промышленного комплекса.

Тестирование реализации СЕС в 1994 г. было разделено на две составляющие: эксперименты с техническими разработками и собственно «учения с войсками». В ходе экспериментов с техникой усилия сосредоточились на оптимизации компоновки всей предполагаемой к задействованию аппаратуры и ее размещению на борту кораблей. К учениям предусматривалось привлечь авианосную ударную группу (АУГ) во главе с атомным многоцелевым авианосцем «Дуайт Эйзенхауэр». В ходе

учений был выполнен практический перехват 19 низколетящих ракет-мишеней (типа BQM-74C) с помощью корабельных ЗУР «Стандарт-2» и «Си Спарроу». Результаты экспериментов и учения были доложены министру обороны Уильяму Перри, который оценил их как «величайшее достижение со времени создания технологии «стелт» [4]. Между тем в ходе тестов были вскрыты и некоторые недостатки, вызванные главным образом тем, что представители командования ВМС «постоянно завывали требования», которые, естественно, вызвали недовольство разработчиков в силу «невозможности быть учтенными сразу и тут же воплотиться в жизнь» [7, р. 77].

В следующем году опытные учения были продолжены. Так, в период январь-февраль 1995 г. в районе Гавайских островов были проведены эксперименты с обнаружением с помощью усовершенствованной РЛС крылатой ракеты, запущенной с корабля, что, по сути, стало прецедентом развертывания в будущем одного из элементов глобальной ПРО США.

В 1996 г. в ходе очередных экспериментов были сертифицированы компьютерные программы и соответствующее электронное оборудование системы распределения данных (AN/USG-1) при их использовании на крейсерах «Анцио» (CG-68) и «Кейп-Сент-Джордж» (CG-71), включенных в программу оснащения кораблей ВМС США модернизированной системой «Иджис». Оба крейсера затем прошли тестирование на предмет размещения на их борту более миниатюризированного, компактного и, соответственно, более дешевого оборудования, сначала AN/USG-2, а затем и AN/USG-3.

В начале 1997 г. Конгресс США принял решение «для форсирования принятия СЕС на вооружение» предложить ее разработчикам так называемые начальные (или предварительные) оперативные возможности, которые в рамках работы над концепцией необходимо было реализовать уже в самое ближайшее время. Оборудование и программное обеспечение, прошедшие тестирование на крейсерах «Анцио» и «Кейп-Сент-Джонс» в июле 1997 г. прошли «обкатку» на УДК «Уосп». При этом внимание обращалось и на такой аспект, как взаимозаменяемость аппаратуры. В августе эксперименты были повторены с тем, чтобы устранить все недостатки, вскрытые накануне. В 1998 г. к экспериментам были подключены еще два крейсера по программе «Иджис» — «Нью-Сити» (CG-66) и «Виксбург» (CG-69).

Принимая во внимание значительное продвижение в реализации СЕС, министерство обороны США при поддержке

Конгресса в 1999 г. приняло решение о ее переводе в высшую категорию приоритетных программ приобретения, присвоив ей индекс «Категория 1D», что означало «поднятие» ее на уровень принятия решения по всем аспектам циклов исследований и разработок со стороны лично заместителя министра обороны по приобретению, технологиям и МТО. При этом предусматривались ассигнования на программу в размере более чем 2 млрд долл. (в ценах 1996 г.). В том же году был создан специальный объект на побережье, который аккумулировал все электронные системы группы кораблей, симулирующих действие всех компонентов, составляющих ядро концепции. Позитивным результатом этой работы явилось то, что эксперименты на данном объекте дали возможность в определенной степени нивелировать недоработки реализации СЕС при ее осуществлении в ходе реальных учений в море.

Между тем, несмотря на в целом позитивные доклады в Конгресс об «успешном тестировании», руководство американских ВМС, контролировавшее ход испытаний, оставалось недовольным «массой мелких недостатков и нестыковок» в реализации концепции. Законодатели постановили устранить вскрытые недостатки до весны 2001 г., для чего было принято решение о формировании так называемых оперативных сил по «интероперабельности» (т.е. совместимости технических и иных средств). Для этого пришлось откорректировать некоторые программы приобретений и свести их воедино для того, чтобы поступающее из промышленных предприятий оборудование протестировать в комплексе в ходе экспериментов в море в 2001 г., а концепцию СЕС в целом — уже в 2002 г. в ходе учений в рамках АУГ во главе с атомным многоцелевым авианосцем «Джон Кеннеди».

В апреле 2000 г. по инициативе командования ВМС было проведено специальное опытное учение, охватившее территорию в 40 тыс. кв. миль, вдоль Атлантического побережья — от штатов Джорджия до Флориды. Одним из результатов этих учений явился вывод о том, что размещенная на борту кораблей и самолетов аппаратура в состоянии «сформировать единую интегрированную картину воздушной обстановки». В ходе учений в сентябре 2000 г. с привлечением значительного количества кораблей и самолетов были в очередной раз протестированы возможности концепции по распределению задач между средствами ПВО отдельных кораблей и в группе по всему спектру перехвата, сопровождения и уничтожения воздушных целей. Можно ска-

зять, что впервые была создана сетевая структура (состоявшая из кораблей и самолетов и объединенная соответствующими системами передачи данных), позволяющая не только контролировать значительное по размерам воздушное пространство, но и сбивать все типы ракет и летательных аппаратов. Естественные при этом недоработки и упущения были учтены при организации следующих учений, которые под «прессингом» командования ВМС и соответствующих комитетов Конгресса состоялись уже в декабре того же года.

В ходе первой фазы декабрьских учений, состоявшихся в районе о. Пуэрто-Рико, для поражения учебных целей были применены зенитные управляемые ракеты «Стандарт-2». На второй фазе учений вблизи побережья штата Вирджиния для придания «большей реалистичности» задействовались средства ПВО, развернутые как на борту кораблей, так и на берегу. При этом учебные цели, обладавшие сверхзвуковой скоростью, поражались ракетами «Стандарт» и «Спарроу».

На учениях в мае 2001 г. были проведены эксперименты с новым оборудованием системы распределения данных (AN/USG-2), развернутым на борту кораблей АУГ во главе с авианосцем «Джон Кеннеди». Результаты тестирования подтвердили эффективность работы системы в рамках АУГ, но выявили и некоторые недостатки с точки зрения ее сопрягаемости с аналогичной системой (AN/USG-3), размещенной на самолетах. В целом позитивные результаты учений дали основание руководству МО инициировать полномасштабное производство оборудования системы распределения данных. Одновременно было принято решение о том, что к 2008 г. реализация концепции СЕС должна быть завершена. Таким образом, со времени ее формулирования и до воплощения должно было пройти 20 лет.

Игравшая одну из основных ролей в реализации СЕС компания «Рэйтеон» в 2002 г. неожиданно обрела конкурентов в лице «Локхид-Мартин» и «Солипсис», которые предложили улучшенную версию концепции, названную СЕС Блок II. В конце того же года «Рэйтеон» приобрела контрольный пакет акций «Солипсис». Возникла ситуация, при которой две компании «Рэйтеон» и «Локхид-Мартин» оказались в состоянии разработать и «довести до ума» версию Блок II. В середине 2003 г. ВМС объявили конкурс, который, однако, уже в декабре того же года был отменен в связи с тем, что появились новые разработки, превосходящие по своим характеристикам предложенную данными компаниями версию и нацеленные на обеспечение по-

ставленной американским руководством цели по «объединению воедино электронных систем всех видов вооруженных сил».

К началу 2005 г. американскому военному ведомству, параллельно с продолжением работы над СЕС, была предложена новая программа — Единая интегрированная картина воздушной обстановки (SIAP), в основе которой лежала компьютерная модель, якобы позволявшая не только ВМС, но и остальным видам американских вооруженных сил в комплексе воплотить широко в тот период обсуждавшуюся «объединенную» (т.е. межвидовую) концепцию сетевой структуры. Данная концепция была разработана Объединенной инженерной организацией по разработке SIAP и контролировалась Советом директоров, состоявшего из высших офицеров Объединенного командования единых сил ВС США, других объединенных командований, а также штабов видов ВС. После соответствующего анализа Совет пришел к заключению о том, что обе программы (СЕС и SIAP) «интероперабельны», в связи с чем целесообразно взамен версии СЕС Блок II «доработать» SIAP, что позволит не только сэкономить время, но и значительно сократить расходы. Конгресс поддержал рекомендации Совета и возложил контроль над осуществлением данной идеи лично на заместителя председателя Комитета начальников штабов ВС США, заместителя министра обороны по приобретению, технологиям и МТО и помощника министра обороны по вопросам управления, автоматизации, связи и разведки [7, р. 81].

Между тем ВМС продолжали интенсивную работу, включая бесконечные тестирования и эксперименты, с целью доведения реализации по сути видовой (военно-морской) концепции СЕС до логичного конца, параллельно обновляя содержимое системы. Так, ВМС США получили у Конгресса разрешение на заключение многолетнего контракта на строительство новых кораблей, которые должны быть оснащены модернизированной системой «Иджис». В частности, решено заменить все существующие на кораблях РЛС на модифицированные типы AN/SPY-3 и -4 и перевооружить ЗРК данной системы на ракеты RIM-161 «Стандарт-3» (SM-3) (1,5). На все эти мероприятия за последнее десятилетие американским военным ведомством с полного одобрения законодателей были выделены многие миллиарды долларов. Так, компания «Локхид-Мартин», один из генеральных подрядчиков МО США, на рубеже 2013–2014 финансовых годов получила очередной контракт на сумму 574 млн долл. на производство компонентов системы «Иджис» — центрального

элемента СЕС — для семи эсминцев типа «Орли Берк» и сборки одного берегового комплекса, которые в совокупности формируют один из элементов американской ПРО. В этой связи исполнительный вице-президент компании Дэйл Бэннет подчеркнул, что данная система «по истине превратилась в национальное достояние Америки» [2].

Выводы

Таким образом, есть основания констатировать следующее:

Во-первых, реализация «революционной идеи», будь то в области создания ВВТ, или оперативной (тактической) концепции применения вооруженных сил, может иметь место при наличии, либо формирования под нее специальной организационной структуры.

Во-вторых, сложность создания современных (перспективных) вооружений и военной техники требует сведения причастных к этому инстанций в единый комплекс, по американской терминологии — многоорганизационную систему.

В-третьих, эффективность организационных мероприятий во многом, если не всецело, зависит от тщательной координации усилий всех элементов, составляющих данную систему.

В-четвертых, успех в «продвижении» реализуемой идеи гарантирован только при наличии методичного и жесткого руководства со стороны соответствующего органа и неформальной заинтересованности в этом со стороны властных (государственных) структур, которые единственно облечены правами по выделению достаточных средств для финансирования всех циклов создания, тестирования, производства, приобретения и эксплуатации (с возможностью усовершенствования или модернизации) ВВТ (системы ВВТ).

В-пятых, разработка изделия, а тем более сложной, многоэлементной системы ВВТ, с неизбежностью требует многократных проверок и экспериментов, с обязательным тестированием промежуточных результатов в ходе «полевых учений с войсками», в том числе с боевыми стрельбами, только в ходе которых могут быть выявлены и своевременно устранены недоработки и недостатки принципиально новой аппаратуры, проблемы ее стыковок с ранее принятыми на вооружение и тем более вновь планируемыми к поставкам в войска системами вооружений и военной техники.

Информационная революция, как считают американские эксперты в области военного строительства, оказала влияние на формирование трех узлов проблем, которые не могут не учитываться при выборе путей развития вооруженных сил и их адаптации под требования наступившей, по сути, новой эпохи в истории человечества. Во-первых, это очередное «переселение народов», принявшее ныне форму массовых миграций населения. Следствие данного явления — «переформатирование» цивилизационных культур. Непонимание и более того не учет этого фактора со стороны властей чреват формированием в среде неадаптировавшихся мигрантов значительных, зачастую хорошо организованных и даже вооруженных групп населения, настроенных открыто враждебно данному государству. Во-вторых, широкое распространение по всему миру чисто военных и технологий двойного назначения, в результате чего официальные вооруженные силы теряют монополию на средства подавления бунтов и нейтрализацию «недовольных правящим режимом». Стираются различия в оснащении бунтовщиков, криминала и военнотружущих. Уже созданы условия для возникновения оружия массового поражения не только у стран-изгоев, но и у незаконных антиправительственных формирований. Терроризм в различных его проявлениях становится обыденным явлением как метод вооруженной борьбы с военной машиной законных властей. В-третьих, функции и полномочия формальных правительств в отдельных государствах принимают «мнимые» формы, в результате чего повышается вероятность перехода государственного контроля в руки «нелегитимных» группировок [5]. На этом фоне в США в так называемом сообществе «сторонников реформ» развернулась дискуссия относительно дальнейших путей развития национальных вооруженных сил и вскрытия причин, побуждающих либо препятствующих его реализации.

Много денег — не панацея

Прежде всего подвергнут сомнению тезис о том, что чем больше оборонный бюджет, тем мощнее вооруженные силы. Если бы существовала прямая связь между «стоимостью» военной машины государства и ее способностью исполнить предназначенную для нее роль, в частности, утверждает американский авторитет в области военного строительства Уинслоу Уилер, Франция и Великобритания должны были разбить Германию еще в 1940 г., а США «расправиться» с Вьетнамом в середине 1960-х годов и быстро «умиротворить» Ирак и Афганистан в начале 2000-х годов. Данные рассуждения имеют прямое отношение и к вооружению, и к военной технике (ВВТ). Наиболее ярким примером может служить советский танк времен Второй мировой войны Т-34, значительно более конструктивно простой и дешевый нежели дорогостоящие (хотя и в отличие от советской машины из категории «тяжелых») германские «Пантеры» и «Тигры», которые в итоге оказались «в проигрыше». Таким образом, вырисовывается цепочка заключений: высокая цена оружия может означать его неэффективность — сложность в изготовлении и управлении, а также малое количество на вооружении армии; их малое количество на вооружении чревато бесполезностью применения; высокие индивидуальные показатели (ТТХ) отдельных образцов оружия не решают проблему в целом [10, p. 106].

Не «перехваливать» новшества

Стремление к месту и не к месту называть отдельные случаи успешного применения новых образцов ВВТ в конфликтах последних лет «зримым воплощением революции в военном деле» явно преждевременны. Неоднократно продемонстрированные в электронных СМИ эпизоды поражения американским высокоточным оружием иракских объектов в ходе войн в Заливе в 1991 и даже 2003 г. на самом деле были весьма редким явлением. В среднем по статистике на уничтожение одного моста уходило до нескольких тонн средств поражения, а «разящие удары» по бронетехнике противника с воздуха вообще были единичными случаями. Частично внедренная в американские подразделения и части в войне 2003 г. так называемая единая система сенсоров, компьютеров и коммуникационных устройств, благодаря

которой цели противника должны были вскрываться на дальних дистанциях и поражаться со стопроцентной вероятностью, в действительности не оправдала возлагавшихся на нее надежд. Огромные массивы информации просто «перегружали» командиров в поле, поступая к тому же с запозданием. Разведданные о дислокации и действиях иракцев, передаваемые «генералами и полковниками, сидящими в штабах в Катаре или Тампе (шт. Флорида), многими командирами просто были проигнорированы», как лишь «захламляющие сообщения от собственных низовых органов разведки» [10, р. 107]. Примечательно, что, как подмечают «сторонники реформ», о подобных вещах предупреждали наиболее продвинутые эксперты еще в начале 1980-х годов. Так, делается ссылка на опубликованное в 1981 г. и получившее в тот период широкий резонанс исследование Джеффри Барлоу, в котором однозначно подчеркивался «неизбежный в будущем провал с попытками «управления» боем через комплексную сеть коммуникаций из вышестоящих штабов до командиров низового звена, погруженных в реальную, быстротеменяющуюся обстановку на поле боя» [1].

Соблюдать баланс при «оптимизации» органов управления

В начале 1990-х годов остро встал вопрос об «оптимизации» органов управления, который, как потом оказалось, решился не самым удачным образом. Так, считают некоторые американские инициаторы «реформ», основным лейтмотивом в различного рода реорганизациях была практика централизовать управление «всем и вся», то есть предоставлять больше полномочий в руки одного лица или органа. В действительности при этом игнорировалась или, в лучшем случае, ограничивалась работа механизмов, которые могли бы привести реальные улучшения. Система проверок и «балансов интересов», непосредственно в позитивном плане влияющая на анализ поступающих от различных инстанций и людей предложений и являющаяся проявлением борьбы идей и соревновательности, нивелировалась до такой степени, что решения принимались, базируясь лишь на мнении «избранных», либо, в лучшем случае, на результатах изысканий одной, но «приближенной к начальству школы». Кроме как к субъективизму и разрастанию бюрократии, такая практика ни к чему продуктивному не вела. Вместе с тем централизация в отдельных случаях была весьма полезна. Так,

«реформаторы» вынуждены согласиться с тем, что введенная в Пентагоне, в соответствии с «Законом Голдуотера-Николса» (1986), должность чиновника, единолично отвечающего за приобретения вооружений («Царь приобретений») способствовала упорядочиванию распределения контрактов и поступления в войска реально лучших образцов ВВТ.

Организация — «гибкая структура»

Многие руководители смотрят на свою организацию как на «нечто данное сверху и не подверженное никаким изменениям», забывая известный постулат Джея Гэлбрэйта о том, что «организация — это непрерывный, гибкий процесс, в ходе которого решается задача по управлению» [3, р. 154]. Будучи в настоящее время наиболее крупными и мощными вооруженными силами в мире, указывают «реформаторы», военная машина США являет собой пример чрезвычайно негибкой оргструктуры, малоадаптированной и даже препятствующей выполнению задач, которые с неизбежностью возникают в динамично меняющейся обстановке. Еще в 2000 г. командующий Объединенным центральным командованием ВС США генерал Энтони Зинни признавал «неадекватность своего штаба выполняемым подчиненными соединениями и частями задач» [7]. Офицер морской пехоты США Эрик Меллинджер в этой связи отмечает: «Современный штаб представляет собой рудимент индустриального века, олицетворяющий жесткие иерархию, вертикаль подчинения и отчетность за проделанную работу» [6, р. 31]. Другой аналитик из Лаборатории Белла Арно Пенция сетует на то, что существующая структура управления в ВС США «подминает» под себя талантливых и инициативных офицеров, ставит их под «контроль» и препятствует обмену «живительной информацией». Иерархическое построение организации, продолжает А. Пенция, должно быть таким, чтобы на каждом уровне любой ее член имел право сказать «нет» [2, р. 184].

Выход из этой тупиковой ситуации видится во внедрении в систему военного управления так называемых матричных штабных структур по типу тех, что зачастую создаются в виде временных (ад хок) комиссий под решение каких-либо специфических задач в гражданских областях деятельности. Полковник ВС США Джон Прайс, имеющий большой опыт службы, в том числе и в Объединенном штабе Комитета начальников штабов,

в этой связи приводит такой пример. В ходе операции по ликвидации последствий катастрофического землетрясения на Гаити в январе 2010 г., в которой самое активное участие принимали американские военнослужащие, командующий Объединенным южным командованием ВС США адмирал Джеймс Ставридис сформировал «матричную штабную структуру» для оперативного руководства всеми действиями своих подчиненных. В данную структуру были включены офицеры из различных органов управления ОЮК, которые совместно оперативно решали все, порой совершенно неожиданно возникавшие проблемы. Однако, к разочарованию адмирала, по мере включения в операцию других организаций и ведомств, как американских, так и международных, «утяжеленных» своими неповоротливыми внутренними взаимосвязями, налаженная, было, работа штаба стала давать сбои, и Ставридису для восстановления «традиционных» отношений с этими организациями и взаимодействия пришлось вернуться к «обычной» практике штабной работы, что привело к росту бюрократических препонов и, самое главное, существенным задержкам с исполнением поручений [7].

Предлагаемая структура управления якобы должна упростить все штабные процедуры. Главным при этом является то, что вместо узкофункциональных отделов-управлений, сфокусированных всецело на личном составе, разведке, МТО и т. д., «трансформированный» штаб «растворит» каждую из этих функций в ключевых сферах исполнения приказов. Для этого исполнители-специалисты каждый в своей сфере ответственности организуются в своеобразные ячейки (команды), способные к независимой, но коллективной работе в ходе решения той, или иной задачи. Такой подход, по мнению упоминавшегося Дж. Прайса, позволит в период «урезаний» бюджетных средств на оборону и соответственно неизбежных сокращений личного состава не только обеспечить высокую эффективность штабной работы в целом путем ликвидации бюрократических процедур и связанного с ними дублирования, но и уменьшить количество генеральско-полковничьих должностей, требуемых для руководства управлениями и отделами [7].

Выверенный подход к реорганизации

При всем при этом, считают «реформаторы», при решении вопросов, связанных с реорганизацией военных структур, будь

то штабы, или боевые формирования, необходим выверенный, много раз апробированный на практике подход. Уинслоу Уилер для иллюстрации данного тезиса приводит следующий пример. В 1990-е годы в среде инициаторов реформ военной машины США было весьма популярно исследование полковника Дугласа Макгрегора «Прорывная фаланга: новая структура наземной мощи XXI века». Автор, в частности, убедительно доказал, что основное соединение сухопутных войск США — дивизия была приспособлена для ведения военных действий с Советской Армией на евразийских просторах, а не для конфликтов в различных регионах мира в период «после холодной войны», поскольку слишком «тяжела» для перебросок на дальние расстояния и «неповоротлива» в условиях быстротекущего боя с чрезвычайно мобильным противником «нового поколения». По мнению Макгрегора, таким основным формированием СВ могло бы быть более компактное, более гибкое формирование бригадной структуры. Примечательно, что руководство сухопутных войск США, правда, «без восторга» восприняло данную идею, но, как оказалось, лишь формально. Началась реорганизация основных соединений СВ в так называемые бригадные боевые группы. Этот процесс, названный «модернизацией армии», привел к «сморщиванию» традиционных бригад, по сути, лишив или значительно сократив в их составе средства обеспечения всех видов. Количество бригад увеличилось, но их боевая мощь уменьшилась. Зато увеличилось количество бригадных штабов, а следовательно, и количество полковничьих и даже генеральских должностей [10, р. 111].

Акцент — на обучение

Существенной проблемой, которую нельзя «упустить из поля зрения» при реорганизации национальной военной машины, указывают американские «сторонники реформ», является проблема подготовки военных и прежде всего офицерских кадров. «Реформаторы» сетуют на то, что, как законодательная, так и исполнительная ветви власти, декларируя свою заботу о вооруженных силах, концентрируются всецело на материальных ценностях, на ВВТ, но зачастую забывают о таких важных составляющих вопросах боевой готовности в целом, как отбор для службы в ВС лучших представителей населения, их образовании

и подготовке. Другими словами, отмечает У. Уилер, «акцент делается на “железе” в ущерб людям» [10, р. 113].

Но и военные руководители, как считает другой аналитик, ветеран американских ВС полковник Роберт Киллебрю, мало озабочены формированием «новой касты командиров», адаптированных к условиям новой эпохи. По его мнению, нынешний американский генералитет, воспитанный в годы «холодной войны» и получивший закалку в противостоянии с грозным, но «изученным до основ» противником, не слишком уверенно чувствует себя, когда перед ним «возникает» новая, далеко не тривиальная угроза [5].

Действительно, за период «холодной войны» американская военная система подготовки военных кадров развивалась достаточно интенсивно и достигла определенных высот. Так, столкнувшись в 1991 г. в Ираке с «военной машиной», подготовленной по лекалам «традиционной советской школы военного искусства», командующий антииракской коалиции генерал Н. Шварцкопф не без гордости отмечал, что американские военнослужащие были настолько хорошо выучены, что, посади их на место иракских летчиков или танкистов в советские образцы техники и, наоборот, иракцев — в современную американскую технику, результат был бы тем же самым — разгром иракской армии [10, р. 114]. Кстати, аналогичным образом еще в 1983 г. оценивал своих летчиков, прошедших подготовку по американским методикам, начальник штаба израильских ВВС, который после очередной войны на Ближнем Востоке заявил о том, что даже если бы сирийских летчиков посадить в F-15 и F-16, а израильских — в советские «МиГи», результат воздушных боев был бы прежним — 83:0. Касаясь уровня подготовки преподавательского состава американских военных учебных заведений того периода времени, редактор «Топган Журнал» Джеймс Стивенсон приводил пример, когда инструкторы-авиаторы, летавшие на устаревших F-5, как правило, всегда выходили победителями в учебных «схватках» с курсантами, управлявшими самыми современными на тот момент F-14 и F-15 [10, р. 109]. Из этих примеров американские «сторонники реформ» делают вывод о том, что правильно мотивированный и, самое главное, лучше подготовленный военнослужащий более ценен для боя, чем специалист, посредственно владеющий даже самой современной техникой.

Главное — «мозги» командира

Дональд Вандергрифф, автор имевшего широкий резонанс в 1990-е годы исследования «Путь к победе: армия Америки и революция в гуманитарной сфере», рекомендовал создать систему более углубленного, фундаментального образования для военных лидеров, которая должна прийти на смену нынешней системы подготовки офицерских кадров ВС США, которая бы ориентировала их на овладение изучаемых предметов путем «размышлений и активизации умственного процесса» в направлении «познания особенностей военного противостояния в будущем, а не сегодняшнего дня». По мнению Вандергриффа, вооруженным силам нужны не столько высокоскоростные самолеты и танки, сколько быстро работающие мозги командиров, способные на моментальное принятие правильных решений, что даст гигантское преимущество перед противником на поле боя [8]. В одной из своих работ, опубликованной в середине 2000-х годов, Вандергрифф дает рекомендации, как сформировать мышление офицера, который бы мог «трезво мыслить в условиях боевого стресса и быстро принимать правильные решения». Он говорит о том, что американские командиры, воспитанные и обученные в духе второго поколения войн (Первая мировая война), почти всегда оказывались в аутсайдерах в поединках на полях сражений Второй мировой войны с германцами, адаптированными под требования войн третьего поколения [9, р. 30]. Вандергрифф призывает американский генералитет внимательно изучить систему подготовки офицеров прусской армии XIX в., целиком воспринявшей принципы обучения, изложенные еще швейцарским ученым Иоганном Генрихом Песталоцци, основоположником и ныне не утратившей своей актуальности педагогической теории и практики. При этом во главу угла должна быть положена доведенная до автоматизма практика «тщательного обдумывания командиром каждого решения, нежели моментального реагирования на каждое изменение ситуации без обдумывания» [11, р. 99].

Не игнорировать вопросы морали

И наконец, еще одна проблема, которая, по мнению «реформаторов», не может не учитываться при ориентировании военного руководства США на преобразования военной ма-

шины страны — так называемые проблемы морали. Этим вопросам, которые, как указывают «реформаторы», должно уделяться внимание даже большее, чем вопросам военной теории и практики и тем более вопросам оснащения вооруженных сил ВВТ. «На войне, говорил Наполеон, — мораль к физическому фактору относится как три к одному!» [10, р. 116]. Лучше выученный и оттренированный боец всегда терпит поражение, если не имеет желаний воевать: неизбежно возникает страх, а затем — паника.

Вопросы морали или по отечественной терминологии морально-политического фактора с точки зрения американской военной науки распространяются снизу доверху, от подразделения до высшего военно-политического руководства страны, чему «сторонники реформ» также уделяют немаловажное внимание. Так, по их мнению, если «опуститься» до самого низового уровня, до подразделения вооруженных сил, т.е. до отделения (группы), взвода или роты, то встает вопрос о формировании «сплоченного коллектива подразделения» или что-то вроде «подразделенческой сцепки». Это подразумевает создание специфической атмосферы в низовом коллективе военнослужащих, способствующей развитию таких уз взаимодоверия и уважения между ними, которые позволяют переносить стресс с сохранением боевой сплоченности в условиях боя. Военнослужащие в составе минимального, но формально организованного коллектива, будь то отделение или взвод, не имеют права проявлять чувства «брезгливости» в отношении своих сослуживцев, по тем или иным причинам, будь то расовые, классовые или иные, и «нежелание» выполнять команду, а тем более показать свою трусость. Интересно высказывание одного из американских специалистов в области военной психологии Уильяма Д. Хендерсона: «... большинство солдат воюет не за деньги и не потому, что их обязали это делать, и, тем более не за Бога, родную мать или Родину... они сражаются, чтобы победить, защищая своего приятеля в соседнем окопе!» [4]. Вандергрифф и его единомышленники полагают, что система воспитания военнослужащих в XX в. основывалась на так называемых индустриальных принципах, когда каждый индивид в составе военного коллектива рассматривался начальством как «винтик в механизме», который всегда с успехом может быть заменен другим. И лишь в последние годы военные руководители США якобы осознали порочность такого отношения к вопросам сплоченности военных коллективов.

Важно, подчеркивает упоминавшийся эксперт У. Уилер, осознать и тот факт, что связи, сплачивающие военные коллективы, должны распространяться не только по горизонтали, но и по вертикали, пронизывая всю военную организацию снизу доверху. Иначе подразделение, в котором нет доверия вышестоящему командиру, не будет в состоянии выполнить поставленную этим командиром задачу, точно так же если вышестоящий командир не доверяет подчиненным, унижает излишней регламентацией их поведение в бою в конечном итоге обречен на неудачу. Индикатором командирского доверия к своим подчиненным, продолжает Уилер, может стать не тривиальный, обычно принятый на практике разрегламентированный по всем пунктам приказ, больше напоминающий рецепт из «Поваренной книги», а своего рода «приказа на задание» или «приказ о намерении». Другими словами, приказ типа «взять такой-то холм» или «уничтожить такое-то формирование противника» выглядит куда более убедительно с точки зрения доверия командира своим подчиненным, чем, например, детально регламентированный документ типа «выдвинуться на такое-то расстояние к такому-то холму, к такому-то времени, используя такие-то средства при выдвигании и такие-то при атаке, истратив в том и другом случае столько-то снарядов и стрелковых боеприпасов и доложив о выполнении в такое-то время!» [10, р. 117].

И что, может быть, являться решающим в ходе военной акции любого масштаба, так это взаимное доверие командования и войск, базирующееся прежде всего на высоком авторитете руководства страны и вооруженными силами среди военнослужащих. «Реформаторы» в качестве отрицательных примеров, т.е. фактического отсутствия такой «моральной связки» между военно-политическим руководством страны и воинскими коллективами формирований ВС, обычно приводят поражение американцев во Вьетнаме в конце 1960-х — начале 1970-х годов как следствие прежде всего «морального провала» во взаимоотношениях по линии государственное руководство — вооруженные силы и череду провалов американской военной машины в Афганистане и Ираке в начале и середине 2000-х годов вследствие крайне низкого авторитета руководителей военного ведомства США и прежде всего его главы Дональда Рамсфелда в среде «презираемых им масс военнослужащих», а также лично главы государства — президента Дж. Буша-младшего, не сумевшего обеспечить надежную «моральную подпорку» руководимым им вооруженным силам.

Подводя итоги

Пожалуй, ограничимся на этом. Однако, следует подчеркнуть, что те же американские «сторонники реформ» в военной сфере не могут не отметить тот факт, что процесс планирования преобразований в вооруженных силах любого государства сопряжен с труднопрогнозируемым обликом международной обстановки и соответственно «подгонки» под ее условия и требования формирований вооруженных сил будущего. В этой связи представляется уместным привести цитату-размышление упоминавшегося выше эксперта Р. Киллебрю, которой отмечал, что если бы в 1913 г. американских военных прогнозистов спросили о том, что из себя будут представлять вооруженные силы США, этак, лет через 50, они бы сказали: «По крайней мере три пехотные дивизии, один усиленный пехотный полк для обороны Панамского канала и один — на Филиппинах. Возможно, еще сотня самолетов» [5]. Комментарии излишни!

Изложенный в книге и аналитически обработанный материал относительно функционирования так называемой англо-саксонской модели военной реформы представляет собой попытку вскрытия особенностей планирования и реализации комплекса мероприятий в сфере национального военного строительства отдельных субъектов международных отношений. Если исходить из того факта, что «модель в логике и методологии науки — это аналог определенного фрагмента, в том числе и социальной реальности» [2, с. 382], представленного в конкретном случае одной из сторон жизнедеятельности вооруженных сил государства, т. е. процессом реформ его военной организации во всем их многообразии, есть основание для последовательного изложения выводов, которые могли бы служить подспорьем для отечественных инстанций, ответственных за разработку и реализацию программ, либо планов преобразований в Вооруженных силах Российской Федерации.

Реформирование военной машины государства являет собой не «одноразовый», а фактически непрерывный, как правило, достаточно длительный процесс, начинающийся в головах прогрессивно мыслящих государственных и военных деятелей и продолжающийся в виде осуществления и периодической корректировки практических мероприятий в области реорганизации всех сфер жизнедеятельности вооруженных сил. Обязательным условием успеха в данной масштабной работе всех органов власти и руководимыми ими структурами силового блока в комплексе (не ограничиваясь вооруженными силами) является соответствие осуществляемых шагов не только имеющим место достижениям так называемой революции в военном деле, представляющей собой одну из сторон очередного этапа индустриальной революции в целом, но и вскрытым контурам формируемой на перспективу военно-стратегической обстановки.

Реформирование военной машины государства с неизбежностью требует подключения к данному процессу всех ведомств и инстанций, имеющих как прямое, так и косвенное отношение

к вооруженным силам. Данный процесс не возможен в условиях «половинчатых» мер и «ограниченных» по охвату решений, что предполагает наличие либо разработку необходимой для этого нормативной (законодательной) базы и выделение значительных финансовых и материальных ресурсов государства. В этих условиях не исключены, а, скорее всего, неизбежны попытки «увести» или «отвлечь» инстанции, ответственные за планирование и реализацию соответствующих решений, от намеченных целей и «дорожных карт». В том числе весьма вероятны и злоупотребления, выражающиеся не только в несанкционированных тратах финансовых средств, но и в «заблуждениях», «неправильном понимании» поставленных задач со стороны лиц и инстанций, отвечающих за реализацию тех или иных проектов преобразований. Все это требует жесткого контроля и постоянной адаптации реализуемых решений под требования динамично меняющейся обстановки.

Выбор правильного, или «истинного пути» преобразований напрямую связан с умением поиска и нахождения «центрального звена» (фактически, перспективных технологий), благодаря которому (которым) можно построить всю цепочку реализуемой реформы и сформировать необходимую систему мер для ее осуществления. Это может быть сделано только при наличии целеустремленных, качественно образованных и интеллектуально развитых руководителей и достаточного количества (критической массы) кадров, способных неординарно мыслить и «заглядывать за горизонт». В данном весьма сложном далеко не однозначном процессе недопустимо пренебрежение либо игнорирование мнений специалистов на всех уровнях его реализации. Для этого необходимо создание и всяческое поощрение конкуренции в формировании научных школ и создание специализированных (включая «организаций» с высшим уровнем аттестации выпускников) учебных заведений, в том числе «академических курсов» переподготовки командных и руководящих кадров, связанных с органами государственного управления и военно-промышленным комплексом.

Наличие «на рынке» значительного, на первый взгляд, количества интеллектуальных разработок (стратегий, оперативных концепций) и предлагаемых образцов ВВТ не может вводить заинтересованные инстанции в заблуждение относительно их реальной ценности и настоятельно требует вмешательства экспертного сообщества для анализа и решений об их соответствии

потребностям реформируемых вооруженных сил. При этом в данном случае «критерием истины» может быть только практическая применимость результатов интеллектуального труда в виде теоретических разработок и образцов вооружения и военной техники, чего можно достигнуть лишь «пропуская» их через эксперименты, «полевые» учения и, самое главное, при возможности путем тестирования в ходе «боевого применения».

Правильная организация отбора и испытаний предлагаемых образцов ВВТ и проверки выдвигаемых в среде военных теоретиков и ученых «революционных» стратегий и концепций является обязательным условием их жизнеспособности и реальной потребности в них. Комплексность новых систем ВВТ и широкий охват выдвигаемых теоретических разработок с неизбежностью влечет за собой усложнение процесса внедрения последних достижений науки и техники в жизнь, причем как в ходе тестирования и производства, так и при внедрении в войска, обслуживании и последующей, желательно, обязательной модернизации (совершенствовании). При этом весьма существенен фактор координации работы всех элементов сформированной так называемой многоорганизационной системы создания (формулирования), испытаний, производства и поставок (внедрения) в войска новых стратегий/концепций и образцов ВВТ при одновременном жестком контроле исполнения на всех этапах как со стороны потребителя («приобретателя»), так и властных структур.

И наконец, весьма важной, если не решающей, является моральная сторона проблемы. Какие бы грандиозные, «революционные» планы по преобразованиям в военной сфере ни были прорекламированы и достаточно финансово обеспечены, грош им цена, если они не «возбудят» тех, кто их обязан претворить в жизнь и, главное, тех, на кого они ориентированы. При этом авторитет личности главного «вдохновителя» и «реализатора» идеи преобразований в военной сфере или «военной реформы», опирающегося на специалистов, играет далеко не последнюю роль. Как подчеркивает видный отечественный ученый академик А.А. Кокошин, «неудовлетворительные результаты... по реформированию Вооруженных сил России на протяжении целого ряда лет во многом были обусловлены именно острейшим дефицитом специалистов различного профиля, обладающих достаточной квалификацией для эффективной работы в условиях реформируемых общественных и экономических отношений» [1, с. 337].

Список сокращений

АУГ	–	авианосная ударная группа
БА	–	Бюро по аэронавтике
ВВС	–	военно-воздушные силы
ВВТ	–	вооружение и военная техника
ВМК	–	Военно-морской колледж
ВМС	–	военно-морские силы
ВПК	–	военно-промышленный комплекс
ВС	–	вооруженные силы
ГС	–	Генеральный совет
МП	–	морская пехота
МТО	–	материально-техническое обеспечение
ПВО	–	противовоздушная оборона
ПРО	–	противоракетная оборона
ПТУР	–	противотанковая ракета
РВД	–	революция в военном деле
РЛС	–	радиолокационная станция
САУ	–	самоходная артиллерийская установка
СВ	–	сухопутные войска
СМИ	–	средства массовой информации
СНВ	–	стратегические наступательные вооружения
ТТХ	–	тактико-технические характеристики
УДК	–	универсальный десантный корабль
УРО	–	управляемое ракетное оружие
СЕС	–	концепция ВМС США, предполагающая создание системы обработки и передачи информации в рамках корабельной группировки
DARPA	–	Управление перспективных исследований МО США
FM 100-5	–	основной Полевой устав СВ США
SIAP	–	Единая интегрированная картина воздушной обстановки
TRADOC	–	Командование учебных и научных исследований СВ США

Список литературы

Введение

1. Военный энциклопедический словарь. М., 2001.
2. Словарь современных военно-политических терминов Россия — НАТО. Брюссель; М., 2001.

I

1. *Огарков Н.В.* История учит бдительности. М., 1985.
2. *Bower J.L., Christensen C.M.* Disruptive Technologies: Catching the Wave // Harvard Business Review. 1995. Jan.–Feb.
3. *Cerf Ch., Navasky V.* The Experts Speak. N. Y.: Pantheon Books, 1984.
4. *Churchill W.S.* The Gathering Storm. Boston: Houghton, Mifflin Company, 1948.
5. *Churchill W.S.* The History of the English Speaking Peoples. Vol. 1. The Birth of Britain. N. Y.: Dodd, Mead & Company, 1958.
6. *Ellis J.* The Social History of the Machine Gun. Baltimore, Maryland: The Johns Hopkins University Press, 1975.
7. *Hundley R.O.* Past Revolutions, Future Transformations. Santa Monica: RAND, 1999.
8. *Jonson D.E.* Fast Tanks and Heavy Bombers: Innovation in US Army, 1917–1945. N. Y.: Cornell University Press, Ithaca, 1998.
9. *Marshall A.W.* Revolution in Military Affairs, Statement prepared for the Subcommittee on Acquisition & Technology. Senate Armed Services Committee. 1995. May 5.
10. *Marshall A.W.* Some Thoughts on Military Revolutions. Memorandum for the Record. OSD Office of Net Assessment. 1993. July 27.
11. *Rosen S.P.* Winning the Next War: Innovation and the Modern Military. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1991.
12. *Turnbull A.D., Lord C.L.* History of United States Naval Aviation. New Haven, Connecticut: Yale University Press, 1949.
13. Battle of the Little Bighorn. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Battle_of_the_Little_Bighorn.

II

1. Независимое военное обозрение. 2013. 19–25 апр.
2. *Селигмен Б.* Сильные мира сего: бизнес и бизнесмены в американской истории. М., 1976.
3. *Caro R.A.* The Years of Lyndon Jonson: Master of the Senate. N. Y.: Alfred A. Knopf, 2002.
4. Congressional Record. 1939. 26 June.
5. Defense News. 2001. 1–7 Oct.
6. *McCullough D.* Truman, Simon & Schuster. N. Y., 1992.

7. *Morrison D.C.* The Defense Reform Merry-Go-Round // National Journal. 22 March. 1986.
8. *Schlesinger A.M.* Congressional Investigates. 1792–1974. N. Y.: Chelsea House Publishers, 1975.
9. Report to the President and the Secretary of Defense. The Blue Ribbon Defense Panel. Washington, DC: US Government Printing Office. 1970. 1 July.
10. *Wheeler W.T., Korb L.J.* Military Reform. Westport, Connecticut. L.: Praeger Security int., 2007
11. URL: www.kp.ru. 2013. 2–9 мая.

III

1. *Burton J.G.* The Pentagon Wars; Reformers Challenge the Old Guard. Naval Institute Press, 1993.
2. *Fallows J.* National Defense. N. Y.: Random House, 1981.
3. *Fitzgerald E.* The High Priests of Waste. Washington D.C.: Norton, 1972.
4. *Hart G.* The Case of Military Reform // The Wall Street Journal. 1981. 21 Jan.
5. *Rasor D.* Fighting with Failures // Reason. 1982. April.
6. *Spinney F.C.* Defense Facts of Life // The Plans/Reality Mismatch. Westview Press, Boulder, Co. 1985.
7. *Tiron R.* Lawmaker Calls Pentagon's Uying System "Terribly Broken" // The Hill. 2006. 6 Apr.
8. *Wheeler W.T., Korb L.J.* Military Reform. Westport; Connecticut; L.: Praeger Security int., 2007.

IV

1. *Jameson P.D.* Crossing the Deadly Ground United States Army Tactics, 1865–1899. Tuscaloosa, AL: University of Alabama Press, 1994.
2. *Kostinen Paul A.C.* Mobilizing For Modern War: The Political Economy of American Warfare, 1865–1919. Lawrence, KS: University Press of Kansas, 1997.
3. *Letter Jan M. van Tol to Mark D. Mandeles.* 2003. 5 Nov.
4. *Mandeles M.D.* Military Transformation: Past & Present. Westport; Connecticut; L.: Praeger Security int., 2007.
5. *McClellan G.B.* Army Organization. Harper's New Monthly Magazine 49, 1874.

V

1. Eric_Shinseki URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Eric_Shinseki.
2. Элиу Рут. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%F3%F2,%_DD%EB%E8%F3.

VI

1. *Bittner D.F.* Britanna's Sheathed Sword: The Royal Marines and Amphibious Warfare in the Interwar Years — A Passive Response // Journal of Military History. 1991. 55. July.
2. *Clifford K.J.* Amphibious Warfare Development in Britain and America from 1920–1940. Laurens, N. Y.: Edgewood, inc., 1983.
3. *Isley J.A., Crowl Ph.A.* The Marines and Amphibious War: Its Theory and Practice in the Pacific. Princetone, NJ: Princetone University Press, 1951.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

4. *Krulak V.H.* First to Fight. Annapolis, MD: Naval Institute Press, 1999.
5. *Lejune J.A.* The US Marine Corps, Present and Future // US Naval Institute Proceedings. 1928. 54. October.
6. *MacGregor D.* The Use, Misuse and Non-Use of History: The Royal Navy and the Operational Lessons of the First World War // The Journal of Military History. 1992. 56. October.
7. *Mandales M.D.* Military Transformation: Past & Present. Westport, Connecticut, London: Praeger Security int., 2007.
8. *Millett A.* Assault From the Sea, Development of Amphibious Assault Between the Wars // Millett A.R., Murrey W. (eds.). Innovation in Interwar Period, Washington, DC: OSD/NA. 1994. June.
9. *Shulemson J.* The Marine Corp's Search For a Mission. Lawrence: University Press of Kansas, 1993.
10. *Smith H.M.* The Development of Amphibious Tactics in the US Navy // Marine Corps Gazette. 1946. 30 June.
11. *Travers T.H.E.* When Technology and Tactics fail: Gallipoli 1915 // Chiabotti S.D. (ed.). Tooling For War Military Transformation in Industrial Ade. Chicago, Il: Imprint Publications, 1996.

VII

1. *Brody B., Brody F.M.* From Crossbow to H-Bomb. Bloomington: Indian University Press, 1973.
2. *Beach E.L.* The United States Navy: 200 Years. N. Y.: Henry Holt and Co., 1986.
3. *Chennault C.* Way of Fighter: The Memories of Clair Lee Chennault. N. Y.: G.P. Putnam's Sons, 1949.
4. *Davis B.* The Billy Mitchell Affair. N. Y.: Random House, 1967.
5. *Fullam W.F.* Battleships and Air Power // Sea Power. 1919.7 Dec.
6. *Mandales M.D.* Military Transformation: Past & Present. Westport, Connecticut, L.: Praeger Security int., 2007.
7. *Raines E.F.* Disaster off Casablanca: Air Outposts in Operation Torch and Role of Failure in Institutional Innovation // Air Power History. 2002. 49. Fall.
8. Scientific American. 1910. 16 July.
9. The Battleship is Still Paramount. The General Board's Report to Navy Secretary Daniels // Sea Power. 1921.10 April.

VIII

1. *Кокوشي А.А.* Стратегическое управление. М.: МГИМО (У), 2003.
2. *Печуров С.Л.* Англо-саксонская модель управления в военной сфере: история и современность. М.: URSS, 2005.
3. *Clark P.C., Mosely E.M.* Veracruz, 1847, A Grand Design // JFQ. 1995–1996. 10. Winter.
4. *Desh C.* Bush and the Generals // Foreign Affairs. Vol. 86. 2007. № 3. May–June.
5. *Depula C.* Toward Restructuring National Security // Strategic Studies Quarterly. 2007. Winter.
6. *Johnson D.E.* Learning Large Lessons. RAND, Project Air Force, 2006.
7. *Skelton I.* Whispers of Warriors. Washington, DC: National Defense University Press, 2004.

8. *Regarden S.* The Formative Years: Historical Office. Office of the Secretary of Defense. Washington, DC, 1984.
9. *Smith P.M., Gerstein D.M.* Assignment: Pentagon. Wash. DC: Potomac books, 2007.
10. Transforming America's Military / Ed. by H. Binnerjik., Washington, DC: National Defense University, 2002.
11. US Congress. The Commission on Organization of the Executive Branch of the Government. Vol. 1. Washington, 1949.
12. US Congress. National Security Act of 1947.
13. *Wheeler W.T., Korb L.J.* (eds.). Military Reform. Westport; Connecticut; L.: Praeger Security int., 2007.

IX

1. *Berry F.C.* Doctrine Developed in Vacuum? // Armed Forces Journal International. 1976. October.
2. *DePuy W.* Letters to General F.Weyand. Selected Papers. Swain. 1976. 18 Feb.
3. *DePuy W.* Modern Battle Tactics. Selected Papers. Swain. 1974. 14 Jan.
4. *Herbert P.* Deciding What Has to be Done: General W.E. DePuy and the 1976 / Ed. of FM 100-5. Fort Leavenworth, 1988.
5. *Romjue Jh.L.* From Active Defense to AirLand Battle: The Development of Army Doctrine, 1973–1982. Fort-Monroe, 1984.
6. *Scales R.H.* Certain Victory. Washington DC, 1993.
7. *Sorley L.* General Creighton Abrams and the Army of his Times. N. Y., 1992.
8. *Spiller R.J.* In the Shadow of the Dragon: Doctrine and the US Army After Vietnam // RUSI Journal. 1997. December.

X

1. *Biddle S., Embray J., Filiberti E., Kidder S., Oelrich I., Shelton R.* Toppling Saddam: Iraq and American Military transformation. Carlisle, PA: Strategic Studies Institute, Army War College. 2004. April.
2. *Gray C.S.* The American Way of War: Critique and Implications // Rethinking the “Principles of War” / Ed. by A.D. McIvor. Annapolis, MD: National Institute Press, 2005.
3. *Korb L.J.* Defense Transformation // Military Reform / Ed. by Wheeler W.T., Korb L.J. Westport: Praeger Security int., 2007.
4. *Lind W.S.* Fighting the Last War: Rumsfeld's Resignation is Important then a Reordering of US Security // The American Conservative. 2006. 19 June.
5. *MacGregor D.* Breaking the Phalanx: A New Design for land Power in the 21st Century. Praeger Security int., 1997.
6. *MacGregor D.* Fire the Generals! // Military Reform / Ed. by Wheeler W.T., Korb L.J. Westport: Praeger Security int., 2007.
7. *Monitz D.* Defense Memo: A Grim Outlook // USA Today. 22 October. 2003.
8. Operation Desert Storm: Evaluation of the Air Campaign. US General Accounting Office, GLO/NSIAD-97-134.
9. *Talbot D.* How Technology Failed in Iraq // Technology Review. 2004. November.
10. *Vandergriff D.* Path to Victory: America's Army and the Revolution in Human Affairs. Presidio Press. 2002. 5 Apr.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

11. *Wheeler W.T.* From Tethered Goats and Military Jackasses to Reform // Military Reform / Ed. by Wheeler W.T., Korb L.J. Westport: Praeger Security int., 2007.
12. *Wheeler W.T.* Conclusion: What is Military Reform? // Military Reform / Ed. by Wheeler W.T., Korb L.J. Westport: Praeger Security int., 2007.
13. *Withington T.* What if We Battled a Red Army? // Long Island Newsday. 27 August. 2003.

XI

1. *Clinton B., Gore A.* Putting People First. N. Y.: New York Books, 1992.
2. *Korb L.J.* The Lost Decades // Military Reform / Ed. by Wheeler W.T., Korb L.J. Westport: Praeger Security int., 2007.
3. *Krepinevich A.* How to Win in Iraq // Foreign Affairs. 2005. September–October.
4. *Lind W., Nightengale K., et. al.,* The Changing Face of War: Into the Fourth Generation // Marine Corps Gazette. October. 1989.
5. *Rumsfeld D.* Remarks as Declared by Secretary of Defense Donald Rumsfeld // The Pentagon, Monday. 2001. 10 Sept.
6. *Rumsfeld War* // PBS Frontline. 2004. 6 Oct.
7. Transformation Planning Guidance, Washington, D.C.: DoD. 2003.
8. ru.wikipedia.org.

XII

1. *Анучин С.* ПРО с функцией превентивного удара // Независимое военное обозрение. 2013. № 21. 21–27 июня.
2. Красная звезда. 2014. 14 янв.
3. *Поляков Б.* Многофункциональная система оружия «Иджис» // Зарубежное военное обозрение. 1989. № 10.
4. *Скворцов А.* Автоматизированная система управления ПВО/ПРО оперативного соединения ВМС США // Зарубежное военное обозрение. 1997. № 2.
5. *Тебин П.Ю.* Лучше «Орли Берк» может быть только «Орли Берк» // Независимое военное обозрение. 2013. № 17. 24–30 марта.
6. Interview, Mark D. Mandeles with APL Staff. 2003. 14 April.
7. *Mandelés M.D.* Military Transformation: Past & Present. Westport, Connecticut, London: Praeger Security int., 2007.
8. *Simon H.A.* Strategy and Organizational Evolution // Strategic Management Journal. 1993. 14.

XIII

1. *Barlow J.G.* Critical Issue: Reforming the Military. Washington D.C.: The Heritage Foundation, 1981.
2. *Fulmer W.* Shaping the Adaptive Organization. N. Y.: AMACON, 2000.
3. *Galbraith J.* Designing Organization: An Executive Guide to Strategy, Structure and Process. San Francisco: Jossey-Bass, 2002.
4. *Hendersen W.D.* Cohesion: The human Element in Combat. Washington D.C.: National Defense University Press, 1985.
5. *Killebrew R.* Rebuilding the Army — Again // Armed Forces Journal. 2013. March.

6. *Mellinger E.* Cutting the Stovepipes: An Improved Staff Model For the Modern Unified Command. Unpublished manuscript. 2001. April.
7. *Price J.* Napoleon's Shadow // JFQ. 2013. 68.
8. *Vandergriff D.* Path to Victory: America's Army and the Revolution in Human Affairs. Presidio Press. 2002. 5 Apr.
9. *Vandergriff D.* From Swift to Swiss // Performance Improvement. 2006. February.
10. *Wheeler W.T.* Conclusion: What is Military Reform? // Military Reform / Ed. by Wheeler W.T., Korb L.J. Westport: Praeger Security int., 2007.
11. *Wheeler W.T.* From Tethered Goats and Military Jackasses to Reform // Military Reform / Ed. by Wheeler W.T., Korb L.J. Westport: Praeger Security int., 2007.

Заключение

1. *Кокошин А.А.* Стратегическое управление. М.: МГИМО (У), 2003. С. 337.
2. *Философский энциклопедический словарь.* Советская энциклопедия. М., 1983. С. 382.

Summary and Contents

This book continues a series of Sergei L. Pechurov's publications on the origins and development of the Anglo-Saxon model of society and armed forces. The author examines dominant views (both historical and current) in the Anglo-Saxon military science on military reforms. This book, for the first time in the Russian military and historical scholarship, traces the links between military reforms in the Anglo-Saxon countries (mainly, in the United States) and the revolution in military affairs. Drawing on numerous examples the author illustrates a thorny path of these military reforms and outlines the main trends for future military reforms both in the Anglo-Saxon countries and globally.

The book is addressed to the students of military and civil institutions of higher education specializing in world politics and international law, experts in international and military security, and to a wider audience of readers interested in military planning.

Introduction.....	7
I. Revolution and reforms	8
II. Fight against abuse	22
III. The 'reformist' movement	46
IV. 'Reconstruction' during stagnation.....	63
V. A century ago	75
VI. 'Golden age' of amphibious operations	80
VII. Trial and error.....	96
VIII. Prioritizing 'jointness'!	108
IX. Emergence of operating concept	123
X. Pyrrhic victory?	135
XI. After the Cold War	146
XII. The US 'national endow'	161
XIII. Reform objectives	170
Conclusion	181
List of abbreviations	184
References	185
Summary and Contents	191

Научное издание

Сергей Леонидович Печуров

**АНГЛО-САКСОНСКАЯ МОДЕЛЬ
ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Редактор *И.В. Краснослободцева*

Дизайн обложки *Ю.Н. Симоненко*

Корректор *И.В. Луканина*

Верстка *Л.В. Тарасюк*

Подписано в печать 15.05.2015.

Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура Ньютон. Усл. печ. л. 12,0.

Уч.-изд. л. 9,92. Тираж 500 экз.

Изд. № 10 445. Заказ № 0213-15.

Издательство Московского университета.

125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5.

Тел.: (495) 629-50-91. *Факс:* (495) 697-66-71.

Тел.: (495) 939-33-23 (*отдел реализации*).

E-mail: secretary-msu-press@yandex.ru

Сайт Издательства МГУ:

www.msu.ru/depts/MSUPubl2005

Интернет-магазин: <http://msupublishing.ru>

Адрес отдела реализации:

Москва, ул. Хохлова, 11 (Воробьевы горы, МГУ).

E-mail: izd-mgu@yandex.ru. *Тел.:* (495) 939-34-93

Типография МГУ.

119991, ГСП-1, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 15.

Отпечатано: Публичное акционерное общество

«Т8 Издательские Технологии».

109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5.

СЕРГЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ
ПЕЧУРОВ

Выпускник Военного института иностранных языков (восточный факультет), генерал-майор запаса, доктор военных наук, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательской организации Министерства обороны РФ.

Член Научного совета при Совете Безопасности РФ, действительный член Академии военных наук и Международной академии информационных наук, член Союза журналистов, лауреат научных премий АВН имени А. В. Суворова и А. А. Свечина, неоднократный лауреат журналистских премий за публикации статей по военной тематике.

Автор более 400 научно-публицистических трудов, включая шесть монографий.

ISBN 978-5-19-011052-4

9 785190 110524